

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 3 • 2013 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Мишуров Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть III) 3
- Чайковский Р.Р. Способен ли язык переводить? (об одной терминологической нелепости) 30

История перевода и переводческих учений

- Ван Мэняо. Китайская переводческая традиция и западная наука о переводе 44

Теория художественного перевода

- Алексеева М.О. К вопросу о важности герменевтического подхода при переводе поэтических текстов 55
- Мешкова Е.М. К вопросу о лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу (на материале произведений У. Шекспира и их переводов на русский язык) 64
- Миронова Н.Н. Когнитивные аспекты перевода художественной литературы 77

Методология перевода

- Казанова Е.М. Компьютерный переводчик: есть ли плюсы? 84

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Грибановская Е.С. «Своя» и «чужая» языковая картина мира 92
- Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Имя собственное как знак, характеризующий качество предмета 103
- Мамедова Э.-С.-М.-к., Эски Э.Ч.-к. Фрейм *мужчина/муж — женщина/жена* — *ər—arvad/kadın* на базе фразеологических единиц русского и тюркских языков 111
- Сафаралиева Г.М.-к. Зооморфная метафора как способ образной характеристики человека (на материале русского и азербайджанского языков) 121
- Харацидис Э.К. Россия 30-х глазами Никоса Казандзакиса 129

Хроника научной жизни

- Миронова Н.Н. III Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе» 136

Contents

General Translation Theory

- Mishkurov, E.N.*: On the “Hermeneutical Turn” in the Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part III) 3
- Chaykovsky, R.R.*: Is Language Able to Translate (a Case Study of a Terminological Absurdity)? 30

Translation History

- Wang Mengyao.*: Comparing Traditional Chinese Translation Theory to Western Translation Theory 44

Theory of Literary Translation

- Alekseyeva, M.O.*: The importance of Hermeneutical Approach to Translation of Poetic Texts 55
- Meshkova, E.M.*: Linguopoetic Equivalence: a Case Study of William Shakespeare’s Works and their Translations into Russian). 64
- Mironova, N.N.*: Cognitive Aspects of Literary Translation 77

Translation Methodology

- Kakzanova, E.M.*: Computer Translator: What Are the Advantages? 84

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Gribanovskaya, E.S.*: “National” and “Foreign” Linguistic World View 92
- Yesakova, M.N., Koltsova, Y.N.*: Proper Name as a Sign Characterizing the Object’s Quality. 103
- Mammadova, E.S.M.-q., Eski, E.Ch.-q.*: Frame *Male/Husband — Woman/Wife*: a Case Study of phraseological units in Russian and Turkish). . 111
- Safaraliyeva, G.M.-q.*: Zoomorphic Metaphors as a Way of Figurative Description of Human Beings in Russian and Azerbaijani. 121
- Charatsidis, E.K.*: Russia of the 1930s through Nikos Kazantzakis’s Eyes . . 129

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru

О «ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА(ЧАСТЬ III)¹

В настоящей работе впервые в отечественном и зарубежном переводоведении намечен абрис системного, целокупного подхода к осмыслению объективных и субъективных причин поливариативности переводов одних и тех же знаковых светских и сакральных произведений (текстов) на один и тот же или разные языки в хронологическом измерении и с позиций концепции «хаоса и упорядоченности плюральных интерпретаций и переинтерпретаций текстов». Акцентируется внимание на прагмакультурологическом аспекте плюральности переводов. Перевод соответственно рассматривается как хайдеггеровский «дом бытия» для реципиентов-инофонов, «вторгающихся» в концептосферы разноликих мировых культур с целью познания «чужого», и как «реабилитирующий ресурс» потенциальной повторяемости для уменьшения фактора риска, вызываемого асимметрией языков различного строя. Исследование проблемы ролевых игр в триаде «автор — переводчик — читатель» выполнено методом системной интерпретации функций каждого из членов трихотомии в переводческом процессе по принципу полемиического противопоставления исходных постулатов, явленных в трудах отечественных и зарубежных учёных, и подытоживания дискуссии авторскими комментариями. Выражается убеждение в конечной предназначенности перевода «целевому читателю» и релевантности фигуры «автора» на стадии переводческого предпонимания. Междисциплинарность переводческого процесса однозначно снимает вопрос о чисто «внутритекстовом толковании» источника без обращения к фоновой предыстории его создания. Автор считает некорректным принципиальное «бытийно-философское» неприятие адекватности переводов как заведомое изгнание «духа» ИЯ из «буквы» ПТ ввиду «онтологической несоизмеримости языков». Антиномии «прозрачности/зеркальности», «форенизации/доместикации», «дословности/вольности» перефразирования, объективирующиеся в различных «частных» моделях перевода типа «семантической/семантико-семиотической», «трансформационной», «ситуативной/ситуативно-денотативной», «функционально-прагматической» и др., трактуются нами как находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции составные методологические части герменевтической парадигмы перевода, которая базируется на интерпретативно-смысловой концепции понимания и перекодирования ИТ на ПЯ.

Ключевые слова: плюральность, поливариативность перевода; хаос интерпретаций; дополнительная дистрибуция переводов Библии и Корана, автор, переводчик, читатель, модели перевода, герменевтическая парадигма перевода, предпонимание, понимание, интерпретация, междисциплинарность перевода; апория «переводимость/непереводимость».

¹ Части I, II см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1, 2.

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

On the “Hermeneutical Turn” in the Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part III)

The present paper (for the first time in the history of translation theory both in this country and abroad) outlines the holistic approach to understanding the objective and subjective reasons for variability of translations of the same token secular and sacred texts into the same or different languages in terms of the chronotope and the idea of the “chaos and regular variability of interpretations and reinterpretations of texts.” The paper emphasizes the pragma-cultural-anthropological aspect of translation plurality. Translation is viewed respectively as a “house of being” for recipients speaking other languages who “intrude into conceptual spheres of different cultures with the purpose of understanding the alien culture and as a ‘rehabilitating resource’ of potential repetitiveness whose aim is to reduce the risk factor caused by the structural asymmetry of languages. The given paper studies the intricacies of the role play “author — translator — reader” by systemically interpreting the functions of each member of the given trichotomy in the process of translation. Russian and foreign scholars’ opinions are confronted and the discussion is rounded off by the author’s comment. The article states that the translation is aimed at the “target reader” and that the figure of “author” is relevant at the stage of translator’s pre-understanding, and that the existence of various translations of one and the same well-known text is inevitable. The interdisciplinary character of the translation process precludes the possibility of a purely textual interpretation of the source text without taking into account the history of its creation. The ontological rejection of translation adequacy on the grounds of asymmetry between different language systems is considered to be incorrect. The notions of “transparency/reflection”, “foreignization/domestication”, “word-for-word translation/free interpretation”, “re-expression/transformation” which are objectively present in different translation models such as “semantic/semantic-semiotic,” “transformational,” “situational/situational-denotative,” “functional-pragmatic,” etc. — are regarded as complementary methodological constituents of the hermeneutical paradigm of translation that is based on the interpretative concept of understanding and re-encoding of the ST into the TT.

Key words: plurality, variability of translations, interpretation chaos, complementary distribution of the Bible and Koran translations, author, translator, reader, translation models, hermeneutical paradigm of translation, pre-understanding, understanding, interpretation, interdisciplinary character of translation, the aporia “translatability/untranslatability.”

6.0. В переводческой деятельности сложилась парадоксальная ситуация: исследователи то и дело повсеместно констатируют факт плюральности переводов одного и того же произведения на один и тот же или разные языки, высказывают отдельные конкретно мотивированные суждения, частные прозорливые догадки и предположения по поводу поливариативности перевода некоего знакового текста, но в их трудах мы не находим системного комплексного анализа причин и следствий этого крайне важного социокультурного феномена.

В настоящем разделе мы пытаемся очертить тот круг фундаментальных проблем, которые неизбежно встают перед учёными при

погружении в профессиональную рефлексию по поводу сущности и содержания этого многоаспектного креативно-ментального процесса.

В то же время представляется необходимым глубже, чем это было сделано ранее, проникнуть в суть функциональной дистрибуции ролевых игр в триаде «автор — переводчик — читатель», имеющих непосредственное, хотя и разнонаправленное отношение к переводческому акту².

6.1. «Зачем переводить заново?» — задалась сакраментальным вопросом В.Н. Пилатова в своей одноимённой статье и выдвинула «дискурсивную гипотезу» о причинах поливариативности переводов оригинальных произведений, обладающих «высокой дискурсивной валентностью» и вызывающих интерес «либо отдельной личности, либо общества»³. Автор контекстуально затрагивает вопрос об объективных и субъективных причинах мультиплицированности переводческих версий одних и тех же знаковых (культовых, обречённых на «вечную славу» и «читательское бессмертие»), среди которых упоминается фактор времени, выражающийся «в изменении как языка, так и представлений людей», переоценка культурно-исторической значимости духовного наследия прошлых эпох, усиление роли социальных запросов на характер переводов, выполняемых разными методами — «украшающим», «исправляющим», «буквальным», «подчинённым», «независимым» и др. [Пилатова, 2007, с. 353–355].

² Ч. II нашей статьи: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 2. С. 3–41.

³ В цитируемой статье нас смущает только авторское определение *дискурса* как «продукта восприятия» применительно к переводческой деятельности. Если «переводчик с большей настойчивостью, чем обыкновенный читатель, анализирует текст, пытаясь разобраться во всех нюансах и акцентах смыслов» и при этом «степень приближения дискурса переводчика и дискурса автора не может быть абсолютной» и следовательно «дискурс является причиной существования погрешности эквивалентности при выполнении перевода», то неизбежно встает вопрос: что порождает переводчик — «текст» или «дискурс»? Недоумение вызывает также толкование дискурса уже не как продукта, а фактически как мыслительно-интерпретационного процесса — экспликации и деконструкции: «...над переводом стихотворения он работал двадцать лет. Понятно, что столь большой срок... объясняется не сложностями в подборе соответствий, а неудовлетворенностью переводчика своей версией. Корни этой неудовлетворенности уходят в *дискурс* на базе переводимого стихотворения, *который длится двадцать лет*. Окончательная версия перевода возможна только *после завершения дискурса* (курсив наш. — Э.М.)» [Пилатова, 2007, с. 353–354]. Полагаем, что, если автору требуется своё рабочее определение термина «дискурс», то его дефиниция должна быть четкой и непротиворечивой. В данном случае автору, по всей вероятности, следовало бы минимум сказать: «Дискурс — это продукт восприятия “чужого” текста и порождение “своего” в результате дискурсивных операций — экспликации и деконструкции».

Опираясь на личный опыт перевода знаменитой новеллы Проспера Мериме «Кармен», которая на русский язык перелагалась не менее восьми раз, Н.К. Гарбовский по существу приходит к аналогичным выводам, констатируя, что «новые переводы имеют право на существование, даже если предшествующие переводы были выполнены признанными мастерами: изменяется общество и его представление о событиях, описанных в оригинале, изменяется переводящий язык. Переводчики разных поколений, обращаясь к классическим произведениям, сталкиваются в основном с одними и теми же проблемами, одни и те же единицы перевода вызывают необходимость принимать непростые решения, и решения эти могут быть весьма различными. Различны и переводческие стратегии <...> изменяются способы поиска информации, необходимой каждому переводчику для преодоления “культурно-исторического невежества”, обусловленного значительной пространственной и временной отдалённостью мира оригинала от мира, в котором живёт и творит переводчик» [Гарбовский, 2011, с. 15].

Известно, что все здравомыслящие теоретики и профессионалы-практики перевода недвусмысленно заявляли о «жертвоприношении» подлинника его иноязычному воплощению. М.Л. Лозинский (1886—1955), уделявший передаче формальных особенностей оригинала исключительное внимание, в 1936 г. на Всесоюзном совещании переводчиков вынужден был признать, что «воспроизвести во всей полноте и со всей точностью все элементы формы и содержания никакой перевод не может. И какая бы форма ни была нами избрана для перевода, точная копия формы оригинала или нет, всё равно мы почти никогда в неё не вольём то же содержание, какое дано в оригинале» [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 327].

Более оптимистично был настроен испанский философ Х. Ортега-и-Гассет (1883—1955), который полагал, что «перевод — не копия оригинала текста» и что «он не является, не должен претендовать на то, чтобы являться тем же произведением, но с иной лексикой», ибо «перевод — не само произведение, а *путь к нему* (курсив наш. — Э.М.)» [Ортега-и-Гассет, 1930, с. 11]. Этот путь он видел в плюральности переводов с разной целевой установкой — то формовоспроизводящей, то смыслоориентированной, совокупность которых давала бы более или менее полное представление о тексте-источнике.

А в разнообразии иных путей, которые выбирают все новые и новые поколения переводчиков, — суть того процесса, который философы-постструктуралисты именуют «хаосом интерпретаций» и который имеет своим отрадным следствием плюральность, поливариативность переводов одних и тех же знаковых произведений на один и тот же или разные языки. Другими словами, плюральность толкований текста-источника является одной из важнейших

причин плюральности переводов, находящихся в хронотопическом измерении в отношениях дополнительной дистрибуции. Этот постулат всё более глубоко внедряется в концептосферу современного переводоведения. Так, А.В. Воротова, пытаясь тезисно наметить «герменевтическую стратегию перевода», направленную на «конструирование смысла текста», пишет, что «перевод, вступая в колею иного языка, активизирует интерпретативные процессы, а значит, он может рассматриваться как специфическая герменевтическая ситуация, осуществляющаяся по модели интерпретации». К сожалению, она не сумела «отделить зерна от плевел» в пресловутой концепции «смерти автора», повторяя опасную для методологии перевода сентенцию о том, что «переводчик не должен пытаться понять, что хотел сказать автор, а напрямую обратиться к смыслу произведения», так как «автор — это всего лишь первый интерпретатор» [Воротова, 2011, с. 45]. Предав забвению один из важнейших принципов герменевтического предпонимания (т.е. в нашем случае — предпереводческого анализа) — «фоновую оценку» оригинала и его творца, не говоря уже о «переводческой верности» последнему, А.В. Воротова по сути дела лишает переводчика части его «когнитивного инструментария» и уподобляется тем учёным, которых едко высмеивает Н.С. Автономова (к авторитету которой она, кстати говоря, неоднократно апеллирует): «[Он] гордится тем, что смотрит на произведение с точки зрения самой настоящей актуальности (или вечности — подчас получается, что это одно и то же), ему важнее собственное состояние духа, его воображение, аффинированное какими-то текстовыми или иными впечатлениями». Очевидно, что «не владея фоном и контекстом» при наличии подчас «большой временной и культурной дистанции», такой учёный (читай: переводчик. — Э.М.) «рискует спутать «общие места» с «единожды сказанным» [Философия и литература, 2009, с. 5].

Любопытную трактовку одной из причин неизбежной плюральности переводов даёт В. Беньямин, который в своей традиционной образно-метафорической манере изложения констатирует: «Сродни тому, как проявления жизни неразрывно связаны с живущим, ничего при этом для него не знача, точно так же и перевод выходит из оригинала. Но не столько из его жизни, сколько из того, что её “переживает” — ведь перевод рождается позже оригинала и, ввиду того, что значительные произведения никогда не находят избранных переводчиков в эпоху своего появления на свет, знаменует собой стадию продолжения их жизни <...> Переводы, являющие собой нечто большее, чем передачу содержания, возникают на свет именно тогда, когда пережившее своё время произведение достигает периода славы <...> Жизнь оригинала каждый раз достигает в них полного расцвета» [Беньямин, 1923, с. 2]. Великое тво-

рение древнерусского эпоса — «Слово о полку Игореве», которое переводилось более ста раз, может служить тому ярким примером.

П. Рикёр, говоря о бесконечных спорах переводчиков о качестве переводов своих коллег, примиряющее констатировал, что «единственно возможная критика чужого перевода <...> состоит в том, чтобы предложить свой перевод, столь же сомнительный по своей удачности, но будто бы лучший или будто бы иной. И это как раз то, чем постоянно занимаются профессиональные переводчики. Все великие произведения мировой культуры известны нам, в основном, в *повторных переводах* (курсив наш. — Э.М.), которые в свою очередь тоже не могут считаться непрезойдёнными. Это относится к переводам Библии, Гомера, Шекспира <...> а также философов от Платона до Ницше и Хайдеггера» [Рикёр, 1998, с. 7].

В этой связи напомним, что знаменитое стихотворение Г. Гейне «Ein Fichtenbaum» («Сосна» в известной «лесбийской» версии М. Лермонтова), которое, по подсчётам акад. Л.В. Щербы, только на русский язык «было переведено 39 раз, даже если не считать пародий» [Щерба, 1936, с. 376], стало одним из излюбленных объектов для переводческой критики его многочисленных одно- и разноязычных переложений.

Действительно, — «выдаёт» Н.К. Гарбовский «тайную игру страстей» — «всякий раз, принимаясь за работу над произведением, уже перенесённым предшественниками в лоно принимающей культуры, переводчики лелеют надежду, что их перевод окажется не хуже, а может быть, даже и лучше тех, что были сделаны до него. Переводчик, подобно автору оригинального произведения, хочет быть не только понятым, но и признанным» [Гарбовский, 2011, с. 14].

Тем не менее, по нашему мнению, — это ещё не повод для того, чтобы переводчик-творец нового «перелагания» позиционировал себя как *автора* «нового литературного произведения» на ПЯ, если это, конечно, не какой-то его опус типа римейка по мотивам облюбленного для «перевыражения» и «самовыражения» значимого иноязычного творения. Этот вид деятельности характерен, в частности, для заказной «сценической переводческой деятельности». Так, арабоязычная литература знает немало примеров драматургического «переодевания» и «переименования» героев и других переводческих «этнически окрашенных вольностей» по отношению к ряду западноевропейских и российских классических произведений [Долинина, 2010, с. 237–296].

Феномен мультиплицированности переводов может быть осмыслен, на наш взгляд, в следующих контекстах, вышедших из под пера авторитетных мыслителей нашего времени. Так, Н.С. Автономова, рассказывая о том, как «делался перевод» одной из работ Ж. Дерриды на русский язык, пришла к выводу, что «ни один пере-

вод не переводит всего в оригинале. Всякий перевод чем-то жертвует ради чего-то, а кто думает иначе, то заблуждается — либо сознательно, либо бессознательно». Она считает, что «большинство переводов делается без учёта этой ограниченности, и стало быть непоследовательно (в одном месте переводится термин, в другом — стилистический приём)». А поливариативность переводов одного и того же текста Автономова обосновывает следующим образом: «В любом случае ясно, что одного-единственного перевода, который бы удовлетворил всех переводчиков и всех читателей, быть не может» [Автономова, 2008, с. 397–399].

Но желание так или иначе сотворить это «чудо» время от времени обуревают некоторыми учёными. Так, увлечение постмодернистскими конструктами в области художественного творчества и экстраполяция идеи «всеобщей интертекстуализации» вербальной коммуникации в сферу переводческой деятельности побудило польскую исследовательницу «новой волны» в западноевропейском переводоведении Д. Урбанек к пропагандированию так называемой «переводческой серии», суть которой заключается в своеобразном дистанционном «коллективном творчестве» по созданию новых переводов-образцов из компилятивного сочетания «наилучших фрагментов отдельных переводов серии», созданных на базе уже существующих переводов соответствующего произведения. Она конечно понимает, что, «с одной стороны, при компилятивном переводе могут быть разрушены его логика и стилистика, но, с другой стороны, такой эклектичный перевод может заинтересовать продвинутого читателя» [Татаринов, 2007, с. 282–284].

О каком таком читателе в широком плане мечтает Д. Урбанек, трудно сказать. Но вполне очевидно, что «переводные серии» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», с которыми непосредственно она работала, — это хорошее подспорье для критиков перевода и профессиональных переводчиков, которые методом сопоставительного анализа данных симулякров смогут «выявить специфику интерпретации оригинала каждым из переводчиков, определить его стратегию» [там же, с. 283].

С более реальных прагматических позиций подходил к вопросу мультиплицирования новых переводов наиболее ценных для человечества произведений Х. Ортега-и-Гассет, имея в виду прежде всего античное научно-культурное наследие. Он подчёркивал, что «каждое произведение неповторимо, а перевод — лишь орудие, приближающее нас к нему.. из этого следует, что один и тот же текст допускает несколько переводов», так как «невозможно, по крайней мере в большинстве случаев, приблизиться к оригиналу сразу во всех измерениях». Выход из положения он видел в том,

чтобы «разделить работу и сделать несколько различных переводов одной и той же вещи в соответствии с теми гранями, которые мы хотели бы точно передать» [Ортега-и-Гассет, 1930, с. 12]. Так, к примеру, «если мы хотим создать представление о... художественных качествах [оригинала], — поясняет Ортега, — мы должны отказаться почти от всей материи текста (т.е., видимо, его содержания. — Э.М.), чтобы передать его формальное изящество». В существующих переводах трудов Платона Ортегу, к примеру, крайне раздражало «не то, что в переводе улетучилась чарующая сладость платоновского стиля, а потеря трёх четвертей предметов, тех самых предметов, которые действуют в высказываниях философов, которые он то едва намечает, то любовно выписывает. Поэтому он так скучен для современного читателя, а вовсе не потому, что, как принято считать, при переводе пострадала его красота. Как он может быть интересным, если из текста выкинули все содержимое, оставив лишь тонкую оболочку, бесплотную и холодную». Исключение Ортега видел в переводе античного философа на немецкий язык, выполненном Ф. Шлейермахером, «именно потому, что он намеренно отказался делать красивый перевод и захотел сделать приблизительно то, о чем я говорил. Этот знаменитый перевод хорошо послужил всем, включая филологов. Поэтому неверно думать, что этот вид работы делается только для тех, кто не знает греческого или латыни» [там же, с. 12–13].

6.2. Разнообразие путей перевода культовых творений можно проследить на различных формах и способах «перевода смыслов» Корана с арабского языка на русский. Так, один из современных переводчиков священной книги мусульман Э.Р. Кулиев, характеризуя имеющиеся версии её перевода, первоначально считал, что «труд академика И.Ю. Крачковского имел определённые преимущества над предыдущими переводами, но нуждался в тщательной литературной редакции и изобиловал неточностями и даже грубыми смысловыми ошибками». Переводы, выполненные профессорами М.-Н.О. Османовым и Б.Я. Шидфар, по его мнению, «тоже содержали множество смысловых ошибок, некоторые из которых явно противоречили самой сути мусульманской веры». Позже Кулиев повысил оценку качества переводов своих предшественников, посчитав, что «переводы Д.Н. Богуславского, И.Ю. Крачковского, М.-Н.О. Османова — это шедевры мирового востоковедения», а «каждый из переводов Корана, несёт на себе отпечаток определённого исторического этапа, все они характеризуются преемственностью и высоким мастерством авторов».

Многовековой опыт «перевода смыслов» сакральных книг свидетельствует, что способы и формы их передачи нередко зависят от тех задач, которые ставит перед переводчиком общество, а также

от личных устремлений и наклонностей. С этой точки зрения негативная оценка поэтического перевода Корана В. Пороховой как книги для «лёгкого чтения» со множеством смысловых ошибок при передаче значения «многих коранических слов и тем более терминов» явно незаслуженна. Эта версия действительно отличается от «научного, осторожного, сухого и тонкого» перевода И.Ю. Крачковского, а также от перевода М.-Н.О. Османова, который «наиболее точно передаёт юридические аспекты ислама, содержащиеся в Коране». Её стиль кажется неприемлемым для Э.Р. Кулиева, который сам стремился, как он пишет, «передать смысл каждого аята правдиво, без каких-либо искажений, добавлений и убавлений». Несомненной заслугой автора является его тщательный предпереводческий этимологический и терминологический анализ тезауруса Корана. Он не ставил своей целью «показать богатство русского языка, используя оригинальные обороты, чуждые духу Священного Корана», и не стремился «изошряться в художественной обработке текста».

В. Порохова, отстаивая своё право на художественно-экстатический подход, утверждает, что «традиционно выполненные переводы не только лишают Коран его духовно-поэтической окраски (а Коран изложен в форме высокопафосного стиха), но и приводят к выраженному оскудению передачи смысла Писания».

Что касается упоминавшегося перевода проф. Б.Я. Шидфар, то в нем автор стремилась «как можно точнее передать не только фактическую сторону, но и художественные особенности священной книги». Она также считала, что переводчик не имеет права игнорировать основную стилистическую особенность Корана — наличие рифмы и определённого ритма, не одинакового во всех сурах», так как ритм и рифма имели не только чисто художественную, но и практическую функцию, облегчая запоминание» [Мишкоров, 2010, с. 133–134].

Обсуждая аналогичную ситуацию с переводами Библии, С.М. Брайович замечает: «С точки зрения “диалектической теологии” любая интерпретация священного текста несёт на себе печать истории и строится на определённом исторически и социально обусловленном её понимании. В связи с изменившимися историческими условиями возникают новые интерпретации, свойственные новой эпохе, содержащие различные выводы о мире, человеке, Боге, жизни и смерти и др. <...> Отсюда возникает задача неустанного выявления рационального содержания текста». И очевидно, добавляет учёный, ссылаясь на известного философа Р. Бульмана, что «как бы ни была точна для своего времени трактовка Библии, например Лютером или Ф. Меланхтоном... их интерпретация нас

все же не устраивает по той причине, что и их взгляды нуждаются в интерпретации» [Брайович, 1985, с. 212].

6.3. Бесспорно, перевод переводу — рознь! Потому для теории и практики перевода значительный интерес представляют субъективные мнения переводчиков о своей работе, особенно если идёт речь о сравнении «своего» и прежнего, «чужого» перевода одного и того же произведения. Так, Л. Добросельский следующим образом отзывается о русскоязычном переводе «Философских исследований» Л. Витгенштейна в 1994 г.: «Предыдущий перевод... представлял собой не столько собственно перевод, сколько *истолкование авторского текста* (курсив наш. — Э.М.) <...> и то, к примеру, «о чем автор говорил кратко или упоминал мельком, *в переводе развёртывалось и объяснялось* (курсив наш. — Э.М.)... именно поэтому было решено подготовить... новый перевод работы Витгенштейна» [Добросельский, 2011, с. 340].

А как сам Добросельский переводил философа? Его ответ: «Мы старались по возможности точно следовать за авторским текстом, что не всегда удавалось, учитывая различия в структуре немецкого и русского языков (переводчику английского издания было в этом смысле куда проще). Именно стремлением максимально точно передать авторскую мысль и авторский стиль объясняются и встречающиеся порой в нашем переводе тяжеловесные конструкции, и “рубленные” фразы <...> и предложения, на первый взгляд маловнятные и противоречащие стилистическим нормам русского языка. Тем же объясняется и лексика: Витгенштейн крайне редко прибегает к техническим и научным терминам, стараясь оперировать словами повседневного языка; вдобавок он нередко употребляет слова, которые при переводе будто бы требуют “замены по контексту”, выбора подходящего из ряда синонимов, но мы и здесь следовали за автором...» [там же].

Выделенные курсивом фрагменты текста говорят сами за себя: в первом переводе (крайне полезном, по нашему мнению, для исследователей творчества Витгенштейна — философов российской школы) были применены приёмы герменевтического типа пере-выражения, а во второй версии переводчик, «подтягивая читателя к автору», предлагает ему фактически маловразумительный «буквально-подчинённый» текст: ср., к примеру, следующее: «... (с другой стороны, можно было бы, пожалуй, сказать о чувстве: “Давным-давно”, ибо есть тон, жест, которые сопровождают конкретные повествования о былом)» [там же, с. 337].

Однако пикантность ситуации заключается в том, что обе эти (и другие имеющиеся) версии органично дополняют друг друга, и при их параллельном чтении истинный смысл сентенций автора

становится более прозрачным. А вопрос «переводческой славы» для философии не столь актуален.

6.4. Отдельного расширенного исследования заслуживает вопрос о сопоставлении двух и более иноязычных переводов одного и того же оригинала с целью устранения «зон затемнения» в корпусе текста, снятия смысловых неясностей и преодоления в целом трудностей понимания и интерпретации подлинника, обусловленных асимметрией исходных рабочих языков.

В таких случаях, как показывает практика, переводчик-полиглот прибегает к помощи третьязычного текста с целью выбора адекватного способа разрешения казалось бы «неразрешимого» и схватывания сути «непостижимого» в рамках своего рабочего языка.

Так, упоминавшийся выше переводчик трактата Л Витгенштейна «Философские исследования» с немецкого языка на русский Л. Добросельский откровенно писал, что, сталкиваясь с «тёмными местами» в оригинале, он прибегал к помощи оксфордского издания (1997 г.) немецко-английской билингвы, подготовленной переводчицей — ученицей Витгенштейна Г.Э. Энскомб. При этом он признаётся, что, «хотя в некоторых абзацах немецкий и английский тексты достаточно сильно разнятся, в целом наличие билингвы существенно облегчило перевод <...> поскольку формулировки самого философа временами настолько образны, отрывисты и/или темны, что разобраться в них на основании одного только оригинала было бы весьма непросто» [Добросельский, 2011, с. 339].

В данном контексте мы посоветуем переводчику в случае нового переиздания работы сверить свой нынешний текст с новой исправленной версией билингвы трактата, изданной уже в 2009 г. [Wittgenstein, 2009].

6.5. Подводя предварительные итоги по существу исследуемой проблемы, следует констатировать, что **перевод** можно верифицировать, перефразируя известное высказывание Хайдеггера, как «дом бытия» реципиента-инофона, «вторгшегося» в концептосферы разноликих мировых культур из жадности познания «чужого» и «иноного», проникновения в глубины исторического бытия человечества, овладения зарубежными инновационными технологиями, обогащения и развития своих языков из ресурсов контактирующих языков, а то и просто из интереса к социально-культурному и духовно-космическому инакомыслию соседей и далеко остранных «аборигенов». Многовековая история доказывает правоту слов А.А. Потебни (1835–1891) о том, что «соразмерно с увеличением количества хороших переводов увеличивается в народе запас сил, которые рано или поздно найдут себе выход в более своеобразном творчестве» [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 302].

У перевода есть своя «аркада» доступа к истинному смыслу ИТ — его «реабилитирующий ресурс» потенциальной повторяемости, заключающийся в оптимально модифицируемые многократные перелазания одного и того же оригинала одним или разными переводчиками на один и тот же или разные языки. Благодаря реальной плюралности и поливариативности подлинника переводы становятся всё глубже, точнее и тоньше смысловоспроизводящими, лучше и органичнее формовоспринимаемыми.

Жизнь подтверждает эту истину: чем дальше, тем их больше, и несть им числа!

7.0. «Автор — переводчик — читатель» как три ипостаси интерактивного переводческого процесса неравноположены и неравноценны по степени их ролевого участия, силы воздействия и результативности в герменевтической процедуре образно-смыслового и знаково-символического перелазания ИТ на ПЯ. Тем не менее, они являются взаимодействующими и неотъемлемыми частями переводческой эпистемы, подлежащими системному осмыслению по всему спектру их потенций — соответственно по манифестации, предпониманию/пониманию и интерпретации оригинала и созданию исходной базы для порождения итогового ПТ.

Драматургия, в сюжете которой в триаде первый член — «смертен» (по Р. Барту), второй — «невидим» (по Л. Венути), а третий — нерелевантное звено по определению (по В. Беньямину), не может не породить «конфликт интерпретаций» (по П. Рикёру), а потому является «игровым эпицентром» самых разнозначимых концепций и гипотез в теории и практике герменевтической транслатологии.

Полемический пафос заявленной к обсуждению проблематики вполне очевиден, но цель настоящих заметок — найти точки соприкосновения в незатихающих дискуссиях, позволяющие соразмерить степень адекватности контрпозиций оппонентов, а также выстроить авторскую систему аргументов *pro et contra* в логическую цепь «возможного/ невозможного» в переводе и показать зависимость этой дихотомии от «игровых ролей» членов триады.

По сценарию суть противостояния точек зрения отражена в виде виртуального диалога-дискуссии между признанными «классиками» и рядом современных ведущих теоретиков и практиков перевода.

Р. Барт (1915–1980) видел задачу автора-писателя в том, чтобы производить «нечто», а дело читателя толковать это «нечто» по своему разумению. Писатель, считал он, рождается вместе с текстом и не обладает «бытием» до и после его написания. Творчество отдельного автора важно как аранжировка идей, смыслов и мыслей, накопленных социумом до него. «Присвоить текст Автору» — это значит «застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо». По мнению Барта, современная лингвисти-

ка доказала, что «высказывание как таковое... превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих. С точки зрения лингвистики, автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как “я” всего лишь тот, кто говорит “я”: язык знает “субъекта”, но не “личность”, и этого субъекта, определяемого внутри речевого акта и ничего не содержащего вне его, хватает, чтобы “вместить” в себя весь язык, чтобы исчерпать все его возможности». Он поясняет причину отделения автора от его произведения: «В средостении того образа литературы, что бытует в нашей культуре, безраздельно царит автор, его личность, история его жизни, его вкусы и страсти; для критики обычно и по сей день всё творчество Бодлера — в его житейской несостоятельности, всё творчество Ван Гога — в его душевной болезни, всё творчество Чайковского — в его пороке; объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счёте сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз “исповедуется” голос одного и того же человека — *автора*».

По Барту, фигура читателя может быть рассмотрена в качестве «личного адресата» ничуть не более, ибо «читатель — это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст». И отвечая своим оппонентам, он с сарказмом пишет: «Теперь нас более не обманут... антифразисы, посредством которых почтенное общество с благородным негодованием вступает за того, кого на самом деле оно оттесняет, игнорирует, подавляет и уничтожает. Теперь мы знаем: чтобы обеспечить письму будущность, нужно опрокинуть миф о нём — рождение читателя приходится оплачивать смертью автора» [Барт, 1994, с. 5; Новейший философ. словарь. Постмодернизм, 2007, с. 615–618].

Н.С. Автономова на «философском круглом столе» не без основания заявила, что иной философ «берётся судить об авторе или произведении, никак не учитывая исторический фон его существования и восприятия, судить об уникальности, скажем, Шекспира, не зная его современников — Бена Джонсона или Кристофера Марло <...> Он, словом, витает над головами филологов, которые ползают по эмпирии (а также, между прочим, переводят, комментируют, сопоставляют, делают нам доступными разных там Делёзов и Шекспиров)» [Философия и литература..., 2009, с. 4–5].

7.1. Возрождение интереса к проблеме «окуляризма» в переводе с философско-герменевтической и этнопсихолингвистической точек зрения в связи с учётом фоновой предыстории текста-источника и личности его автора при его перевыражении на ПЯ вызвало оживлённые споры о метафорическом образе пере-

водчика в виде «прозрачного/мутного стекла» и «правдивого/кривого зеркала» в различных цветовых гаммах.

Отношение к переводчику как к «прозрачному стеклу», «мыслящему инструменту», используемому для выполнения строго определённого задания, в крайней степени характерно для ряда американских переводоведов и практических переводчиков. Ещё в XIX в. поэт Генри Лонгфелло (1807—1881), объясняя своё решение переводить «Божественную комедию» Данте белым стихом, писал: «Единственное достоинство моей книги — в том, что она в точности передаёт слова Данте, без каких-либо домыслов переводчика. Иначе говоря, хотя мой перевод и ритмичен, я попытался сделать его буквальным, словно прозаический перевод... Переводя Данте, следует чем-нибудь пожертвовать. Нужна ли красивая рифма, которая расцветает в конце строки, словно жимолость на изгороди? Нет, нужно сохранить что-то более ценное: точность, правильность, то есть жизнь самой жимолости... Переводчик должен сообщать то, что говорит автор. А объяснять, что тот имел в виду, — дело комментатора». Рифма для него — всего лишь цветы, украшающие изгородь. А переводчик — не поэт и комментатор, а технический сотрудник, выполняющий строго определённое задание [Перевод в XIX веке, с. 1].

А.Н. Шапиро в унисон вторит своему земляку: «Я рассматриваю перевод как стремящийся произвести текст настолько прозрачный, чтобы даже и ощущения не было, что этот текст переведённый. Хороший перевод — как стеклянная поверхность. Понимаешь, что она есть, когда замечаешь небольшие дефекты — царапины, пузырьки. В идеале их быть не должно. Они никогда не должны привлекать к себе внимание».

«Нет!» — опровергает такую трактовку задачи переводчика Л. Венути, так как «верность критерию прозрачности, плавности приводит к искажению оригинала в пользу “своего” в ущерб “иному” <...> что в свою очередь способствует укоренению эстетики этноцентризма в переводе» [Костикова, 2010, с. 44].

Л. Венути, исследуя оппозицию двух стратегий в переводе, так называемых “domestication” и “foreignization”, категорически высказывается против практики «прозрачного, гладкого перевода» и придерживается принципа «форенизации». Он ратует за сохранение в ПТ «остатков чуждости» (reminders), семиотико-художественная значимость которых должна быть объяснена читателю в комментариях переводчика или в предисловии к переводу.

Исследуя переводоведческое наследие Ф. Шлейермахера, Л. Венути бескомпромиссно заявляет: «Сегодня... мы пытаемся возродить традицию очуждающего перевода, противопоставить её царствующему культу прозрачности, гладкости <...> Прозрачный

дискурс пользуется широчайшим спросом на современном культурном рынке, а тот в свою очередь диктует издательскую политику, предопределяя скептическое отношение к иностранным текстам, не поддающимся гладкому чтению». И далее: «Шлейермахерская лекция даёт прекрасный материал для осмысления того бунта против прозрачности, что наблюдается в современной англоязычной переводческой практике» [Венути, с. 11–12].

В целом, полагает О.И. Костикова, «метафора прозрачного стекла не достаточно точно выражает специфику переводческой деятельности» и ей нужно противопоставить «метафору зеркала». «Зеркальный перевод», по её мнению, позволяет глубже проникнуть в систему смыслов оригинала, так как «он способен обучить новому восприятию, новому видению произведения, его прочтению в иной перспективе». Но главное при выборе любых методов перевода, заключает О.И. Костикова, «зависит от личности переводчика, от концепции, предопределяющей его отношение к “своему” и “иному”, от его умения интерпретировать “иное”, от его мастерства в использовании форм переводящего языка, от его литературного и переводческого дара» [Костикова, 2010, с. 44–47].

7.2. В большинстве фундаментальных переводоведческих концепций важное место отводится категории «реципиент — адресат — читатель». Но в постструктуралистских и постмодернистских спекулятивных конструкциях место «читателя», мягко говоря, «факультативно». Так, В. Беньямину (1892–1940) — предтече деконструктивизма и постмодернизма — «читатель» не нужен. В его эссе «Задача переводчика» читаем: «Предназначен ли перевод читателям, не понимающим оригинала?» Ответ на этот вопрос — отрицательный, если исходить из постулата Беньямина, что «ни одно стихотворение не предназначено читателю, ни одна картина зрителю, ни одна симфония слушателю». И далее, форсируя свою идею, он утверждает, что «одна отличительная черта плохих переводов» — неточная передача несущественного содержания, а «от неё не избавиться, покуда перевод выражает свою готовность служить читателю. Однако если бы перевод предназначался читателю, то же самое было бы справедливо и в отношении оригинала. Если же оригинал существует не ради читателя, то как в таком случае следует понимать перевод?» В этих туманных постулатах есть один, обескураживающий полностью: «Переводы, являющие собой нечто большее, чем передачу содержания, возникают на свет именно тогда, когда пережившее своё время произведение достигает периода славы (sic!) <...> Жизнь оригинала каждый раз достигает в них ещё большего расцвета» [Беньямин, 1923, с. 1–8].

Естественными будут вопросы: кто создаёт славу оригиналу и кто оценивает степень его расцвета? Этот «некто» — читатель,

а самый вдумчивый и добросовестный среди них — переводчик. Сам Беньямин являл собой «отчаянного читателя» и собирателя многочисленных цитат. Исследовательница его творчества Ханна Арентс (1906–1975) писала, что «цитаты составляют сердцевину каждого беньяминовского текста <...> Беньяминовский идеал — произведение, состоящее из одних цитат и выстроенное настолько мастерски, что оно способно обойтись безо всякого сопроводительного текста». Этот «сюрреалистический монтаж» может, по его мнению, содержать «сопроводительный текст автора, который однако должен сохранить верность исходной цели подобных исследований: проникать в глубины языка и мысли бурением, а не рытьём», т.е. «не разрушать всего исследуемого объяснениями, которые должны обеспечить причинную или системную связь». Цель вроде бы вполне очевидна — исследование не должно нести «некое готовое содержание», которое «может быть передано читателю или зрителю» [Арендт, 2002, с. 31].

Противоречивость суждений очевидна: его мысль о побуждении читателя к самостоятельным выводам будет фактически реализована в трудах У. Эко, где он ставит вопрос об «открытости текста для интерпретативных усилий читателя», и «в последующих теориях “рецепции”, толкующих по-новому роль “реципиента” в процессе восприятия, интерпретации, и в конечном счёте *со-творения текста*» [Новейший философ. словарь. Постмодернизм, 2007, с. 729–730].

Как бы синтезируя посылы полемического зачина, приведём следующее высказывание Н.К. Гарбовского: «В самом деле, после многочисленных и, в основном, не лишённых оснований рассуждений семиологов, литературоведов и других теоретиков художественного текста о том, что текст — это некоторая открытая сущность, которая утрачивает всякую связь с автором тотчас, как оказывается достоянием читателя, что каждый читатель, естественно, видит в тексте то, что видит, а вовсе не то, что видел автор, создаётся впечатление, что переводчик — это тоже простой читатель, который может видеть в тексте оригинала то, что он видит, основываясь на своём когнитивном опыте. Встав на такую позицию, придётся признать, что перевода как такового не существует, так как каждый переводчик будет создавать своё собственное произведение, в силу ума и таланта, лишь отчасти напоминающее то, что было в оригинальном произведении». И далее: «Вправе ли переводчик приравнивать себя к простому читателю <...> Переводчик и читатель суть категории разные... Переводчик не может только руководствоваться “простым” впечатлением от текста. Его прочтение — это глубочайший лингвистический, культурологический, исторический, эстетический, философский и какой хотите иной анализ текста. Переводческое прочтение оригинала — это

истинная герменевтическая деятельность <...> Второй, не менее тяжкий, этап переводческого труда — это этап реконструкции текста на языке перевода иными средствами выражения» [Гарбовский, 2004, с. 52].

7.3. Философия взаимодействия и взаимоотношений участников процесса производства и потребления «продукта» — переводного текста — драматична, иногда романтична, иногда комична, а чаще всего *explicite* или *implicite* трагична. Суть конфликтной ситуации заключается в вопросе: что получил «читатель» — перекодированный на его родной язык эквивалентный оригинал, адекватный или прагматический перевод, или преобразованное по понятиям переводчика произведение, отдалённо коррелирующее с оригиналом?

Следующий вопрос — кто в этой триаде «слабое/лишнее» звено?

В определении типов и видов функциональных связей и их реальной или виртуальной значимости собственно и заключается задача настоящих заметок.

Итак, «ролевыми фигурами» переводческого процесса как одного из видов «языковых (дискурсивных) игр» в настоящем эссе являются 1) *автор* исходного текста — реальный (персонифицированный) или виртуальный (умозрительный); 2) *переводчик* индивидуальный/коллективный — письменный и устный — интерпретатор текста-источника и продюсер текста переводного — «вторичного» («внутреннего», «чернового для себя») или подстрочника «для себя» или «коллективного переводчика» в составе: а) автор ИТ (на родном языке), являющийся также билингвом в рабочей паре языков и участвующий в процессе перевода своего ИТ на ПЯ и «ведущий переводчик» ИТ на ПЯ, с ИЯ на ПЯ или с подстрочника на ПЯ; б) двое и более переводчиков с ИЯ на ПЯ; 3) *читатель* реальный/виртуальный как обобщённый образ целевого потребителя-реципиента на ПЯ и *читатель-специалист* — редактор и критик, являющиеся обычно билингвами в данной паре языков.

Проблема «автора» по-прежнему находится в эпицентре современного гуманитарного исследовательского поля. По сей день наблюдается повсеместное смещение интереса от автора текста к фигуре читателя, выражающееся, в частности в смене интерпретативных парадигм в философии, литературоведении, семиопрагматике и т.д. Утверждается по-прежнему тезис — «в тексте говорит не автор, а язык». После Р. Барта свой вклад в «уничтожение личности автора» внёс М. Фуко, который утверждал, что автор есть фигура внешняя по отношению к тексту и ей вменяется «роль мёртвого в игре письма» [Новейший философ. словарь. Постмодернизм, 2007, с. 724].

Конечно, Р. Барт в полемически заострённой фактуре «грехопадения» реальных лиц не видел прямой связи их пороков с содержанием их творения. Вряд ли кто-то в Лермонтове-переводчике заподозрит человека, симпатизирующего лесбиянству, хотя он вполне сознательно заставил «северную сосну» во сне тосковать по «южной прекрасной пальме», а в Тютчеве увидит «настоящего джентльмена, который прикрыл «грех Лермонтова» и заставил «кедр» грезить о «восточной юной пальме» в полном соответствии с «гендерной оппозицией» Г. Гейне: *нем.* “Ein Fichtenbaum”: “Eine Palme”.

Однако, если «антиавторские максимы» Р. Барта и М. Фуко вполне вписываются в концепции онтологической философии и деконструктивизма, то их ценность в полном объёме для теории и практики перевода представляется весьма сомнительной. Ещё в начале советской эпохи становления и развития переводоведения проблема взаимоотношений в триаде решалась в совершенно ином ключе. В созданном А.М. Горьким издательстве «Всемирная литература» переводчикам рекомендовалось вначале изучить личность автора оригинала, получить представление об эпохе, в которой он жил и творил, обстоятельно изучить его идиостиль. В 1919 г. было открыто «Бюро научных справок», где сотрудники издательства могли получить помощь при переводе сложных, «экзотических терминов» и т.п. Требовалось высокое качество русского языка перевода. Поощрялись совместные, «хоровые» переводы. Редакторы и переводчики должны были идти рука об руку в работе, все крупные редакторские изменения в тексте перевода должны были производиться с ведома переводчика.

Если обратиться к методам работы конкретных переводчиков этого периода, следует напомнить, в частности о требованиях к адекватному переводу Ф.Д. Батюшкова (1857–1920): 1) точная передача смысла; 2) наивозможно близкое восприятие стиля; 3) сохранение особенностей языка автора, но без нарушения строя родного языка; 4) соблюдение внешней эмоциональности художественной речи и др. Н.С. Гумилёв (1886–1921) в свою очередь писал, что «переводчик поэта должен быть сам поэтом, а кроме того внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе в случае необходимости жертвовать остальным. И он должен забыть свою личность, думая только о личности автора» [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 318–320].

Похожим образом работали переводчики издательства АСАСЕ-МІА в 20-е гг. XX в. Считалось, что переводу должен предшествовать детальный научно-филологический анализ подлинника «со стороны его формы, содержания, исторических особенностей языка и стиля, жанровой специфики, национального своеобразия» и т.п.

В духе требований издательства работал, в частности, видный профессионал-переводчик М.Л. Лозинский (1886—1955). В свою очередь «помимо изучения истории создания текста, его языковых особенностей, фигур стиля оригинала, Лозинский занимался предварительным анализом возможностей русского языка <...> он одним из первых начал уделять особое внимание исторической дистанции текста, определив для себя лексическую архаизацию как одно из средств её воссоздания» [Алексеева, 2008, с. 111—112].

Лучшие традиции этого периода в истории отечественного переводоведения успешно развивались и приумножались в последующие десятилетия деятельности советских учёных.

Очевидно, что категория «автор» традиционно отражает непосредственное соотнесение результатов творческой деятельности с определённым субъектом-исполнителем. Поэтому философско-герменевтический тезис, согласно которому следует «понять автора лучше, чем он сам понимал себя», содержит рациональное зерно для плодотворной переводческой деятельности, а потому деконструктивистская борьба с «репрессивной интенцией автора» (Ж. Деррида) для теории и практики перевода представляется неадекватной.

Обращаясь к анализу различных типов текста — публицистических, художественных, научных и т.д., исследователи констатируют, что автор в них является важнейшей стилиобразующей категорией и не может быть элиминирован из литературоведческого, а тем более из предпереводческого анализа. Другое дело, что степень его присутствия в разных текстах может быть различной и неоднозначной.

Так, к примеру, стилисты медиатекстов различают три типа автора-коммуникатора — персонифицированный, обобщённый и деперсонифицированный. Категория «автор» определяет коммуникативное взаимодействие автора и адресата через текст. По выражению Г.Я. Солганика, адресат есть «зеркало, в котором отражается автор». На неразрывную связь между автором и адресатом прямо указывал акад. В.В. Виноградов, считавший, что адресат в массовой коммуникации выступает «таким же организующим началом, какое принадлежит автору в художественном тексте». А базовыми признаками текстовой категории образа автора являются наличие в тексте оппозиции «свой — чужой», ориентация на речевой опыт целевой аудитории, использование элементов, репрезентирующих картину мира адресата и характеризующих его стиль жизни и социальный статус [Казак, с. 7].

Разумеется, переводчик не может не принимать во внимание каузальную зависимость данных категорий «автор» — «читатель», так как «в реальном тексте *авторское начало* как бы рассыпано по нему, представляя собой цепочку модусов, составляющих текст

высказываний + метатекст. Модусы как принадлежность отдельных высказываний и показатели метатекста как особые текстовые “нити” сплетаются в авторский узор, оказываясь тем “грунтом”, на который накладывается выбор лексики, грамматических средств и композиционного строения текста» [Шмелёва, с. 2]. Аутентичность воспроизводства «грунта» в ПТ без учёта «авторского начала» недостижима.

Одна из причин, по которой постмодернисты настаивают на изъятии личности автора из анализа текста, заключается в предположении, что она влечёт за собой «хаос» в трактовке произведения, заключающийся якобы в появлении возможностей для неограниченного количества интерпретаций текста. Для транслатологии поливариативность перевода одного и того же произведения — вопрос не «хаоса», а его значимости и славы в читающем социуме, потребности последнего в разнообразии современных переводов.

7.4. Как ни странно, но в исследуемой триаде самое «слабое звено» — фигура переводчика: во-первых, из-за его объективной неустранимости из межъязыкового посредничества по определению, во-вторых, из-за неизбывного субъективизма в его творческой работе, в-третьих, из-за объективно обусловленной предвзятости в оценке его труда обществом в лице «профессиональных читателей» — коллег, редакторов, критиков и др., а также просто «читающей публики».

Поэтому перевод как одна из разновидностей «языковых/дискурсивных игр» являет собой пространство «рисковой деятельности», а переводчика вполне логично можно признать рискован игроком — посредником в межъязыковом диалоге/полилоге инофонов. Диалогичность деятельности переводчика хрестоматийно детерминирована. Это особый уровень межличностной коммуникации в герменевтической обработке исходного и результирующего текстов. Переводчик вступает в контакт с автором/текстом-носителями ИЯ, с одной стороны, и сопрягают свою деятельность с социальным заказом рефлексировующего социума-читателя, с другой.

Интерсубъективность в отношениях членов триады объективируется в конечном продукте диалога/полилога — переводном тексте, который по образно-смысловым, лингвостилистическим, а, по возможности, и по семиотико-конституирующим признакам должен быть «созвучен» оригиналу. Иначе говоря, ИТ и ПТ должны быть равноправными и равнозначными творениями с дискурсивно-эквивалентной/дискурсивно-прагматической точки зрения.

Совокупность профессионально выверенных суждений и расхожих мнений и предубеждений переводчиков о своих коллегах и суждения критиков о «плохих/хороших» переводах и пределах творческих возможностей их авторов могли бы составить многотомную

переводоведческую «Википедию». Субъективность положительных и отрицательных оценок работ переводчиков — неотъемлемая черта всей переводоведческой литературы, что однако не мешает, а скорее помогает нескончаемой деятельности по поиску «заветного ключика» к методологии «идеального перевода».

Кому верить? В. Беньямину, который утверждал, что «во всей истории не найти ни одного подтверждения бытующему мнению, согласно которому выдающиеся переводчики непременно являются поэтами, а незначительные поэты — посредственными переводчиками»? [Беньямин, 1923, с. 1, 5–6]. Сам он, видимо, был не совсем удачливым переводчиком, «которого не лень было кому-то критиковать за переводы Бодлера и Пруста» [Чубаров, 2011, с. 251–252]. Или согласиться с Н. Гумилёвым, уверявшим, что переводчик поэзии сам должен быть поэтом? Лично он неплохо совмещал оба вида деятельности. Его перевод того же Бодлера, в частности, «замысловатого стихотворения» последнего под названием “La mort des amants” («Смерть любовников») получил вполне благоприятную критику [Лаццарин, 2012, с. 170–171].

Приверженность переводчиков к разным моделям перевода — одна из причин появления новых переводов одного и того же оригинала. Этот феномен в частности ярко проявляется в выборе режиссёром адекватного его сценическому замыслу переводческого варианта той или иной пьесы, например, Шекспира. В этой связи М.Л. Гаспаров как-то заметил: «Перевод нужен отдельный не только для чтения и для сцены, но и для каждой постановки. Козинцев ставил не “Гамлета”, а пастернаковский перевод: подставить под его кадры перевод Лозинского невозможно» [Гаспаров, 2012, с. 47–48].

С другой стороны, В.Я. Брюсов считал, что Бальмонт «из плохих переводчиков — худший», ибо «совсем... пренебрегает стилем автора, переводя и Шелли, и Эдгара По, и Бодлера одним и тем же в сущности бальмонтовским языком» [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 307–308].

Г.-Г. Гадамер исходя из презумпции «онтологической неперево-димости» из-за асимметрии языков язвительно замечал, что «переводимые книги представляют собой обычно настоящие чудовища, это набор букв, из которых вынули дух <...> Переведённое предложение, если, конечно, *маститый переводчик* (курсив наш. — Э.М.) не преобразил его так, что мы перестаём замечать стоящее за ним живое предложение оригинала, — всё равно что карта в сравнении с ландшафтом» [Гадамер, 1991, с. 59].

Число самых противоречивых мнений о творчестве одних и тех же лиц в литературе можно найти великое множество. Веское слово в оценке качества переводов все-таки остаётся за читательскими предпочтениями и временем их «жития». Переводческие школы

М.Л. Лозинского, С.Я. Маршака, А.В. Фёдорова, В.Н. Комиссарова и других отечественных корифеев перевода, несмотря на шквал критики и хулы, доказали свою теоретическую и практическую состоятельность и заложили прочные основы «классического» отечественного переводоведения. Однако гарантией спасения их от застоя и консервации должны послужить новые веяния и течения в науке о переводе, видное место в которых во всех странах-гегемонах перевода занимает мощная концепция философско-филологического «герменевтического поворота» в современной транслатологии [Мишкур, 2013].

Для герменевтической парадигмы перевода характерно оптимальное сочетание разнообразных «частных» моделей типа «семантической/семантико-семиотической», «трансформационной», «ситуативной/ситуативно-денотативной», «функционально-прагматической» и др., а также специфических способов и приёмов преодоления «непереводимого» при следовании систематизирующему базовому принципу превалирования смыслополагающего и смыслоорганизующего алгоритма.

Обогащаемая новыми междисциплинарными подходами — герменевтико-философским, концептуально-культурологическим, нейролингвистическим, корпусно-лингвистическим и в целом антропоцентрическим — к исследованию сущности переводческой деятельности, наука о переводе в XXI в. вступает в креативную полосу своего инновационного развития. И оттого, насколько успешно новое поколение переводоведов и практиков перевода сумеет освоить и обогатить современные транслатологические парадигмы и внедрить их в реальный переводческий процесс, будет зависеть качественный прорыв в теории и практике перевода.

7.5. Социологи, философы, филологи и другие специалисты в области гуманитарных наук с тревогой отмечают, что «люди все меньше читают». Действительно, в эпоху Интернета, спутникового телевидения, мобильного телефона, интернет-телефонии и всевозможных мультимедийных гаджетов физическое проживание в языковой среде перестало быть единственным эффективным способом для погружения в изучаемый язык — родной и иностранный.

Зрительно-технический ряд существенно потеснил традиционное чтение. В.А. Подорога на уже упоминавшемся «философском круглом столе» констатировал, что «сегодня время чтения резко сокращается; массмедийный, информационный поток доставляет необходимое знание о мире грубо и просто, и всеми возможными техническими способами. Нужда в чтении <...>, в страстном желании читать проходит». Его поддержали коллеги-философы и литераторы: «Время чтения сокращается не только в литературе, коллег своих мы тоже почти не читаем», — утверждает Н.С. Автономова. —

«И вообще все меньше читаем что бы то ни было». Ей вторит акад. В.А. Лекторский: «Книжный текст все больше вытесняется экранным изображением и звуком, но это уже иное восприятие текста и другая культура чтения. Как негативную тенденцию в школе и вузе следует отметить нежелание учеников и студентов читать первоисточники, ограничиваясь в лучшем случае «скачиванием» из Интернета «википедиевских выжимок» [Философия и литература..., 2009, с. 2, 23].

Печатная книга несомненно отодвигается электронными медиатекстами. Однако парадокс ситуации заключается в том, что круг «переводного чтения» постоянно расширяется за счёт зарубежной научной, философской и художественной литературы как в бумажно-печатном, так и в электронном виде. Интернет существенно облегчил работу переводчика, расширив инструментарий «переводческого цеха» [Шевчук, 2010]. Так, только «выдающихся философских памятников» переведено и возвращено из небытия... сотни, тысячи названий». И тем не менее, заключает Подорога, «классическая литература в своих лучших образцах больше не литература для чтения — она предмет изучения. В частности, это приводит к тому, что сегодня чтение фактически становится профессией <...> В социуме выделяется особая прослойка *специальных читателей* (курсив наш. — Э.М.), которую Р. Барт назвал аристократией чтения» [Философия и литература..., 2009, с. 23]. Полагаем, однако, чтобы «смерть читателя» не стала всеобщим поветрием, многое будет зависеть от тяжкой повседневной работы гуманитариев — «аристократов чтения» по осуществлению «второй культурной революции» во всех слоях современного компьютеризованного общества.

Одним из средств «принуждения к чтению», в частности, является переводная литература, которая способствует формированию у молодёжи, изучающей иностранные языки, образно-символического восприятия ПТ как феномена «языкового гостеприимства» — принятия «другого», желания «проживать в иноязычном пространстве» путём сравнения оригинала и перевода, настроенности на получение, по образному выражению П. Рикёра, «удовольствия принять в своём доме чужую речь». Для читателя специальной, профессиональной литературы соответствующие тексты должны быть оснащены квалифицированными примечаниями, комментариями, перекрёстными сносками и т.п. Известно, например, что в философских кругах переводы соответствующих трактатов зарубежных коллег без наличия указанного информационно-ссылочного аппарата считаются абсолютно неприемлемыми.

Пример внимательного отношения к читателю продемонстрируем на опыте совместной работы редактора и переводчика в лице

соответственно А. Левинсона и Н. Гумилёва, работавших вместе с момента основания «Всемирной литературы» осенью 1918 г. Гумилёв представил перевод известного цикла из пяти стихотворений Леконта де Лилля «Малайские пантумы». Строки “Du santal au géroflief / L'épervier pousuit la colombe” он переводит как «Бросаясь с бука на сандал, / Орёл за горлинкой стремится». Левинсон замечает: Быть может, «с пальмы»; кажется, на Яве есть: «Минюя пальмы и сандал». Гумилёв принимает вариант «с пальмы». Этот пример показателен в том отношении, пишет исследовательница творчества Н.С. Гумилёва итальянская славистка Ф. Лаццарин, что «перед нами перевод специальных и редких терминов, на котором сосредоточивались в вышеупомянутом “Бюро научных справок”... “Géroflief” — это устаревшая форма редкого слова “giroflief”, что обозначает малайское растение, известное в России как “гвоздичное дерево”. Найти подходящий русский эквивалент в контексте стихотворного текста было невозможно, но по сравнению с “буком” пальма вернее передаёт этот экзотический образ русскому читателю» [Лаццарин, 2012, с. 173–174].

Очевидно, что в общем плане речь идёт об известном постулате Ф. Шлейермахера о необходимости «приближения читателя к автору» как способу его приобщения к «иной культуре» и обогащения языка перевода.

В исследуемой нами сфере деятельности к категории «профессиональный читатель» относятся переводчик, редактор и критик переводов. Все они, по известной шутке, «читают оригинал и его перевод первый раз очень медленно, а второй — ещё медленнее». Это категория наиболее внимательных, вдумчивых и компетентных читателей. Не исключено, что именно им, в частности, приписывается способность (по Канту) «понять автора лучше его самого» и «выявить скрытые, неизвестные или, по разным соображениям, не приведённые последовательно автором идеи».

Вопрос о взаимосотрудничестве переводчика, редактора и критика переводов требует самостоятельного тщательного исследования.

Обращаясь к философско-культурологической стороне изучения категории «читатель», напомним, что ряд наиболее последовательных постструктуралистов и деконструктивистов рассматривают фигуру читателя на начальном этапе как участника «активной интерпретации» или даже как «источника смысла», так как «каждый читатель овладевает произведением... и налагает на него определённую схему смысла». Соответственно, считал Р. Барт, фигура читателя конституируется как фигура «не потребителя», а «производителя текста» [Новейший философ. словарь. Постмодернизм, 2007, с. 617–618].

Подобная трактовка никак не сопрягается с пониманием участников переводческого процесса как «читателей», обнаруживающих в тексте оригинала явные и скрытые смыслы, а также свои смыслы и коннотации, введение которых в ПТ обуславливаются системой, нормой и узусом функционирующего ПЯ.

* * *

В настоящей работе рассмотрена одна из важнейших составляющих герменевтического процесса концептуального «порождения — перерождения и судьбоносного предъявления переводного текста» заинтересованному читателю, который оказывается в триаде «автор — переводчик — читатель» самым «сильным звеном». Междисциплинарность переводческого процесса однозначно снимает вопрос о чисто «внутритекстовом» толковании источника без обращения к фоновой предыстории его создания. Мы выражаем убеждение в конечной предназначенности перевода «целевому читателю» и релевантности фигуры автора на стадии переводческого предпонимания, а также в органической предопределённости «хаоса» поливариативности переводов знаковых произведений в хронологическом континууме.

Список литературы

- Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.
- Алексеева И.С.* Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. С. 90–91.
- Арендт Х.* Вальтер Беньямин. 1892–1940/ Оп. // Арендт Х. Люди в тёмные времена. М.: МШПИ, 2002. http://krotov.info/libr_min/01_a/re/ndt_17.htm
- Барт Р.* Смерть автора / Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. <http://www.durov.com/literature1/barthes-94e.htm>
- Беньямин В.* Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера. 1923. <http://wwh.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html>. 10 с. (дата обращения: 04.11.2012).
- Брайович С.М.* Герменевтика и религиозная традиция // Герменевтика: история и современность: Критические очерки. М.: Мысль, 1985. С. 204–215.
- Венути Л.* Из книги «Переводчик как невидимка». philol.msu.ru>Кафедра общей теории>images/stories/venuti.doc
- Воротова А.В.* Концепт перевода в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера // Вестн. Томского гос. ун-та. 2011. № 351. С. 43–45.
- Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 1. С. 3–16.

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода во Франции: история и современность // Вестн. Пятигорского гос. лингвистич. ун-та. 2004. № 2–3.
- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Добросельский Л.* Примечания / Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Долинина А.А.* Арабски: Избранные научные статьи. СПб.: Нестор-История, 2010. 444 с.
- Казак М.* Специфика современного медиатекста. <http://www.discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml>
- Костикова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 41–54.
- Лаццарин Ф. Н.С.* Гумилёв — переводчик и редактор французской поэзии во «Всемирной литературе» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 3. С. 163–177.
- Мишуров Э.Н.* Герменевтический поворот» в современной теории и практике перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 3–41; № 2. С. 69–91.
- Мишуров Э.Н.* Смысл перевода и перевод смыслов (социально-исторические, логико-философские и лингвокультурологические этюды) // Труды Высшей школы перевода (факультета). Кн. 1. 2005–2010. М.: Изд-во Высшей школы перевода МГУ. ИПО «У Никитских ворот», 2010. С. 123–138.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней). М.: Флинта: МПСН, 2006. 416 с.
- Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современ. литератор, 2007.
- Ортега-и-Гассет Х.* Нищета и блеск перевода (1930 г.). <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaB...> (дата обращения: 08.02.2013). 14 с.
- Перевод в XIX веке. ТрансЕвропа. <http://transeurope.ru/publications/perevod-v-xix-veke.html>
- Пилатова В.Н.* Зачем переводить заново? (К вопросу об эквивалентности перевода) // Университетское переводоведение. Вып. 8. Мат-лы VIII Юбилейной междунар. науч. конф. по переводоведению «Фёдоровские чтения». СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. С. 353–356.
- Рикёр П.* Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. / Пер. М. Эдельмана. <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/gicoeur.htm> (18.09.12).
- Татарinov В.А.* Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М.: Московский лицей, 2007. С. 275–284.
- Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола» 12.10.2009 г. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view... (дата обращения: 06.12.2012).
- Чубаров И.М.* Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» В. Беньямина на русский язык // Логос. 2011. № 5–6. С. 237–252.

- Шевчук В.Н.* Электронные ресурсы переводчика. М.: Либрайт, 2010.
- Шмелёва Т.В.* Автор в медиатексте. <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portrait/Data/...>
- Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом // Татаринов В.А. Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М.: Московский лицей, 2007. С. 367–379.
- Wittgenstein L.* Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker, J. Schulte. Blackwell Publishing Ltd., 2009.

Р.Р. Чайковский,

доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан); e-mail: tchaikovski@svgu.ru

СПОСОБЕН ЛИ ЯЗЫК ПЕРЕВОДИТЬ? (об одной терминологической нелепости)

В статье прослеживается история появления и функционирования в отечественном переводоведении термина «переводящий язык», который, по мнению автора статьи, не соответствует природе обозначаемого им понятия и поэтому носит деструктивный характер. В статье обосновывается необходимость отказаться от использования этого термина в работах по теории перевода, и предлагаются более адекватные обозначаемому понятию терминологические единицы.

Ключевые слова: перевод, теория перевода, переводовед, термин, язык перевода, «переводящий язык».

Roman R. Chaykovskiy,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Dean of the School of Philology, North-Eastern State University, Magadan, Russia; e-mail: tchaikovski@svgu.ru

Is Language Able to Translate (a Case Study of a Terminological Absurdity)?

The article deals with the origin and functioning of the term “perevodyashchy yazyk” (target language) in the Russian theory of translation. The author states that the term does not correspond to its meaning and proves its unproductive nature. The author suggests excluding this term from the works on translation theory and gives options more appropriate to the meaning of the notion in question.

Key words: translation, translation theory, specialist in the theory of translation, target language.

Спор о словах в науке, столь раздражающий многих, — это, подчас, совсем не пустой разговор.

В. Налимов

Прочитав поставленный в заглавии вопрос, каждый сведущий переводовед непременно ответит, что да, способен. Ведь словосочетание «переводящий язык» использовали и используют в своих работах многие авторитетные учёные — от А.В. Федорова до В.Н. Комиссарова и почти все здравствующие сегодня переводоведы. Терминологическое словосочетание «переводящий язык» и производное от него сокращение ПЯ нашли широкое распространение на страницах статей, диссертаций и книг по проблемам теории и практики перевода, используются в курсах лекций.

Есть все основания полагать, что первыми в отечественном переводоведении сочетание «переводящий язык» употребили И.И. Рев-

зин и В.Ю. Розенцвейг в статье «К обоснованию лингвистической теории перевода», опубликованной в первом номере журнала «Вопросы языкознания» за 1962 г. В статье авторы следующим образом описывают процесс перевода: «Переводчик, пользуясь системой ИЯ, соотносит C_1 с D_1 , затем, пользуясь новой системой языка (назовем этот язык ПЯ), он строит новое сообщение C_2 о той же самой действительности D_1 , и это сообщение C_2 принимается адресатом Б, который, в свою очередь, пользуясь системой ИЯ, устанавливает соответствия между C_2 и D_1 » [Ревзин, Розенцвейг, 1962, с. 52].

Обратим внимание на типичное для научного текста употребление формы будущего времени глагола «называть». Обычно она употребляется для обозначения действия, отнесённого к моменту речи. Следовательно, можно предположить, что в процессе написания статьи авторы рассматривали вводимые ими термины как новые, как созданные ими. Наше предположение в некоторой мере подтверждается сноской к этому фрагменту текста статьи: «Термины ИЯ — “исходный язык”, ПЯ — “переводящий язык” введены для переводов терминов англ. “source language”, франц. “langue de départ” и англ. “target language”, франц. “langue d’arrivée”» [там же]. Авторы, как видим, указывают на то, что предлагаемые словосочетания введены ими для перевода терминов, использующихся в английском и французском языках. Нельзя не удивиться тому, насколько вольно авторы обошлись с английским и французским словосочетаниями “target language” и “langue d’arrivée”, в которых ничего похожего на слово «переводящий» нет. Есть понятие цели, понятие прибытия, и только.

Через два года вышло в свет учебное пособие И.И. Ревзина и И.Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода», в котором процитированные выше строки приведены с незначительными изменениями. Зато сноска претерпела более заметные изменения: в ней нет уже указания на то, что эти термины «введены для перевода». Но и в книжном издании сноска выглядит так же неубедительно, как и в статье: «ИЯ — исходный язык, ПЯ — переводящий язык. Ср. соответствующие термины на английском — “source language”, “target language” и французском “langue de départ” и “langue d’arrivée”» [Ревзин, Розенцвейг, 1964. с. 57]. Далее в книге говорится: «В машинном переводе выяснено, что любой алгоритм анализа имеет своей конечной целью сопоставление отрезков текста ПЯ с некоторой данностью, существующей вне текста. Такой данностью может быть, например, текст на ПЯ или же система ПЯ, система ИЯ и, наконец, система языка-посредника» [там же, с. 116]. Из сказанного следует, что может существовать текст на ПЯ. «Переводящий язык» предстает как некая находящаяся в постоянном действии система, то есть ПЯ — это подобие какого-то

лингвистического вечного двигателя. И одновременно оказывается, что эта динамичная система может находиться в статичном состоянии. Как известно, в механике подобное невозможно. В лингвистическом переводоведении, благодаря использованию ошибочного причастия, такое, как видим, считается допустимым.

Чтобы не иронизировать голословно, рассмотрим причастие «переводящий» более подробно. Оно образовано от переходного глагола «переводить» с помощью суффикса -ящ, служащего для выражения значения действительного залога, и вместе с тем это причастие продолжает сохранять значение переходности. Переходные же глаголы обозначают действие, которое направлено на какой-либо предмет или объект, переходит на предмет или объект: *читать книгу, писать статью, переводить текст* (здесь я отвлекаюсь от тех случаев, когда приведённые глаголы употребляются в другом значении: *ребёнок уже читает, мальчик уже пишет, студенты уже переводят* — т.е. *умеет читать, умеет писать, умеют переводить*). Сочетание причастия «переводящий» с существительным «язык», не имеющим значения деятеля, с позиций грамматики русского языка неправомерно. Язык переводить не может. Переводить может человек или машина (если человек ее «научит»). Поэтому сочетание «переводящий язык» с языковой точки зрения — нонсенс. Ни один языковед не говорит: «читающий язык», «пишущий язык», «говорящий язык». Переводоведы же решили рамки и нормы русского языка расширить и создали некий квазитермин — «переводящий язык».

Знакомство с литературой по переводу, появившейся после выхода в свет статьи и книги И.И. Ревзина и И.Ю. Розенцвейга, показывает, что поначалу большого энтузиазма этот термин у специалистов по теории перевода не вызвал. И тем не менее он уже весьма скоро всплывает в статье Л.С. Бархударова «Уровни языковой иерархии и перевод», опубликованной в 1969 г. в шестом выпуске «Тетрадей переводчика» [Бархударов, 1969, с. 3]. В 1970 г. он появляется в статье В.Н. Комиссарова и в двух статьях А.Д. Швейцера. Публикация В.Н. Комиссарова увидела свет в сборнике МГПИИЯ им. М. Тореза «Лингвистика и методика в высшей школе», в то время как статьи А.Д. Швейцера были напечатаны в журнале «Вопросы языкознания» и в «Тетрадах переводчика». Оба автора употребляют термин или его сокращённую форму при изложении теории И.И. Ревзина и И.Ю. Розенцвейга. Но если В.Н. Комиссаров пишет все же о «языке перевода ПЯ» [Комиссаров, 1970, с. 49], т.е. пользуется только сокращением, то А.Д. Швейцер в «Вопросах языкознания» повторяет термин «переводящий язык» без всяких комментариев, а затем в тексте статьи употребляет сокращение ПЯ [Швейцер, 1970б, с. 32–42]. В публикации в «Тетра-

дах переводчика» автор использует лишь сокращение ПЯ, нигде его не расширявая.

Показательны в отношении функционирования этого термина также работы В.Н. Комиссарова 1970-х гг., где он вновь пишет о «языке перевода» (т.е. о ЯП), но сокращение даёт иное — ПЯ [Комиссаров, 1972б, с. 3; Комиссаров, 1973, с. 18].

В 1973 г. появляется и книга А.Д. Швейцера «Перевод и лингвистика», в которой автор, комментируя отдельные положения цитируемой выше книги И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга, пишет: «Представление о переводе, осуществляемом человеком как о порождении текста на языке перевода (переводящем языке — ПЯ), соответствующем тексту на исходном языке (ИЯ) по заданным соответствиям без обращения к действительности или к предшествующему опыту переводчика, явно идёт вразрез со всем, что нам известно о реальных процессах обычного, т.е. немашинного перевода» [Швейцер, 1973, с. 31] (разрядка А.Д. Швейцера. — *Р. Ч.*). И снова, как видим, нет никаких пояснений относительно того, почему «язык перевода» нельзя передать аббревиатурой ЯП, а нужно вместо «языка перевода» вводить понятие какого-то, по сути, чудодейственного «переводящего» языка и узаконивать сокращение ПЯ. Книга «Перевод и лингвистика», кроме того, снабжена «Словарем терминов», в котором значится: «**Язык перевода (переводящий язык — ПЯ)** — язык, на который осуществляется перевод. Target language (TL), receptor language (RL)» [там же, с. 275] (выделено А.Д. Швейцером).

Я.И. Рецкер в 1974 г. уже использует и словосочетание «переводящий язык», и аббревиатуру ПЯ как само собой разумеющиеся терминологические данности. Ср.: «Когда Дж. Кэтфорд вместо “перевода” предлагает термин “передача”, это объясняется его отрицанием эквивалентности как возможности воссоздания значения слова исходного языка (ИЯ) средствами переводящего языка (ПЯ)» [Рецкер, 1974, с. 12].

В 1975 г. выходит монография Л.С. Бархударова «Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)», в которой автор следует за стилем книги И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга: «Язык, на котором произнесен или написан текст подлинника, назовём **исходным языком** (сокращённо ИЯ; англ. “source language” — SL). Язык, на который осуществляется перевод (язык текста перевода), назовем **переводящим языком** (сокращённо ПЯ; англ. target language — TL)» (выделено Л.С. Бархударовым) [Бархударов, 1975, с. 9].

Теория перевода развивалась, появлялись всё новые работы, и на их страницах продолжал своё победное шествие всё тот же таинственный «переводящий язык». При этом авторы часто проявляют непоследовательность в использовании терминологии. Так,

Г.М. Стрелковский совершенно справедливо указывал, что понятие «“перевод”» часто употребляется в двух значениях: как вид деятельности, процесс творческой работы переводчика, и как результат этой работы, т.е. новый текст сообщения, но уже на **языке перевода**» [Стрелковский, 1979, с. 17] (выделено мной. — Р.Ч.). Однако затем автор словно спохватывается и уточняет: «В дальнейшем изложении мы примем следующие сокращённые обозначения: язык, на котором написан оригинал, подлежащий переводу, будем обозначать **ИЯ** (исходный язык), язык транслята — **ПЯ** (язык перевода, переводящий язык). Эти сокращённые обозначения стали в настоящее время общеупотребительными» [там же, с. 43] (выделено Г.М. Стрелковским). Стрелковский пишет ПЯ, но сначала расшифровывает это как «язык перевода» (тогда как, следуя логике, надо было бы написать ЯП), но тут же спешит повторить термин-нелепицу «переводящий язык». Нельзя не обратить внимания и на последнюю фразу в приведённой цитате. Автор признаёт тот факт, что сокращение ПЯ стало уже общеупотребительным, но, как и другие авторы, уместность такой аббревиатуры никак не обосновывает. Более того, он способствует её закреплению в теории перевода, включая в «Краткий толковый словарь», завершающий его книгу, такую статью: «**Переводящий язык, ПЯ** — язык транслята, т.е. язык, на который переводится оригинал» [там же, с. 261] (выделено Г.М. Стрелковским).

В вышедших в 80–90-х гг. XX в. книгах В.Н. Комиссарова просматривается всё та же непоследовательность в употреблении терминологии. В «Лингвистике перевода» он писал: «Эта информация поступает к переводчику, который передает её с помощью речевого произведения на ПЯ (переводящий язык или язык перевода)» [Комиссаров, 1980, с. 30]. Здесь приоритет, как видим, уже отдан «переводящему языку», хотя «язык перевода» ещё не забыт. В появившемся через десять лет учебнике «Теория перевода (лингвистические аспекты)» эти термины меняются местами: «Таким образом, лингвистическая теория перевода имеет дело как с текстами на *исходном языке (ИЯ)* и на языке перевода (*переводящего языка* — ПЯ), так и с процессом преобразования текста оригинала в текст перевода» [Комиссаров, 1990, с. 40] (курсив В.Н. Комиссарова). Термины даны в другой последовательности, но зато термин «переводящий язык» выделен автором учебника. При этом В.Н. Комиссаров не заметил, что у него получилась фраза с весьма странным смыслом: переводчик имеет дело с текстом на языке перевода, т.е. переводящего языка. Выходит: «на языке переводящего языка» (см. также: [Комиссаров, 1999, с. 19; 2000, с. 24, 25]). В 2002 г. вышла ещё одна книга В.Н. Комиссарова — «Лингвистическое переводоведение в России». Сокращение ПЯ появляется в главе, посвящён-

ной теоретической концепции перевода И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга, и вводится в следующем контексте: «Процесс перевода описывается как восприятие переводчиком сообщения, передаваемого его отправителем на исходном языке (ИЯ), и построение переводчиком сообщения на языке перевода (ПЯ)» [Комиссаров, 2002, с. 45]. С удовлетворением можно было бы констатировать, что термин «переводящий язык» наконец-то исчез со страниц книги В.Н. Комиссарова, если бы не пресловутое сокращение ПЯ. Что оно может означать для читателя, не знакомого с историей развития терминов теории перевода? Читатель вправе подумать, что за этой аббревиатурой скрывается инверсионная форма «перевода язык» или в лучшем случае варианты: «переводной язык», «переводческий язык». Из этого беглого обзора книг В.Н. Комиссарова можно сделать неутешительный вывод о том, что этот известный переводовед так и не решил для себя проблему анализируемого нами термина и поэтому прибегал в своих работах к самым разнообразным терминологическим вариантам, неизменно сохраняя не разъяснённое читателю сокращение ПЯ.

Не избежал рассматриваемой терминологической ловушки и Л.К. Латышев. Уже на самой первой странице его монографии «Курс перевода: эквивалентность перевода и способы её достижения» читатель наталкивается на такое утверждение: «В наиболее общих чертах деятельность переводчика мотивируется и регламентируется двумя факторами: стремлением к максимальной эквивалентности оригинального и переводного текстов и степенью сопротивления, которое ему при этом оказывает язык перевода, а также культурно-исторические различия между носителями исходного и переводящего языков (ИЯ и ПЯ)» [Латышев, 1981, с. 3]. Затем до конца книги автор использует только указанные сокращения. Не отказался Л.К. Латышев от этого тёмного термина и в своих последующих книгах. Однако в «Технологии перевода» всё же есть пояснение: «носитель переводящего языка (языка перевода), потребляющий перевод» [Латышев, 2005, с. 26]. Выходит, что носитель «носит» язык, язык сам «переводит», носитель тут же «потребляет» перевод. Картина весьма неоднозначная.

Рубеж 70–80-х гг. прошлого века можно назвать эпохой полной победы «переводящего языка». Сказанное подтверждается тем фактом, что даже один из основоположников отечественной теории перевода, старейшина переводоведческого цеха А.В. Фёдоров не избежал искушения и также поддался необъяснимым чарам загадочного словосочетания «переводящий язык». Во всех трёх изданиях книги «Введение в теорию перевода» (третье издание, как известно, вышло в переработанном виде под названием «Общие проблемы теории перевода: Лингвистический очерк» в 1968 г.), а также в кни-

гах 30–40-х гг. («Искусство перевода» <в соавторстве с К.И. Чуковским>, «О художественном переводе») корифей отечественного переводоведения благополучно обходился без этой несообразности. Но в четвёртом издании его книги, оказавшемся последним прижизненным, мы вдруг обнаруживаем следующий абзац: «Слово “перевод” принадлежит к числу общеизвестных и общепонятных, но и оно, как обозначение специального вида человеческой деятельности и её результата, требует уточнения и терминологического определения. Оно обозначает: 1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшие на одном — исходном — языке (ИЯ), пересоздаётся на другом — переводящем — языке (ПЯ); 2) результат этого процесса, т.е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на ПЯ» [Фёдоров, 1983(а), с. 9]. И далее в этом издании везде мелькает ПЯ. Студент-филолог может сравнить тексты третьего и четвёртого изданий и решить, *что* правильнее: словосочетания «язык, на который делается перевод» и «язык перевода», использовавшиеся автором в третьем издании, или аббревиатура ПЯ, заменившая их в четвёртом издании [Фёдоров, 1968; Фёдоров, 1983(а)]. Примечательно, что в вышедшей параллельно с четвёртым изданием «Основ общей теории перевода» книге А.В. Фёдорова «Искусство перевода и жизнь литературы» словосочетание «переводящий язык» появляется только однажды — в абзаце, в котором рассматривается теория И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга, а аббревиатура ПЯ не встречается вовсе [Фёдоров, 1983б, с. 173]. Это вполне объяснимо. Сам филологический контекст книги не допускал на её страницы подобных сочетаний и сокращений. Не мог же А.В. Фёдоров вместо фразы: «Его (Горького. — *Р.Ч.*) отношение к языку перевода совпадает с отношением к языку литературы оригинальной...» [там же, с. 141] написать абракадабру: «...его отношение к переводящему языку...». На этот раз чувство стиля победило стремление следовать за сомнительными квазисовременными ориентирами.

В дальнейшем во многих книгах аббревиатура ПЯ уже вообще никак не расшифровывалась. Так, в монографии З.Д. Львовской «Теоретические проблемы перевода», вышедшей в свет в 1985 г., на первой же странице предисловия можно прочитать: «Другие считают, что объектом исследований должен быть весь акт двуязычной коммуникации, в котором переводчик является лишь одним из звеньев, поскольку двуязычная коммуникация начинается в момент порождения текста на ИЯ и заканчивается в момент его интерпретации адресатом перевода на ПЯ» [Львовская, 1985, с. 3]. Странно, что автор не счёл нужным пояснить читателю, что такое «перевод на ПЯ». Возможно, создатели таких работ думают, что

даже студент-троечник не может не знать священной коровы терминосистемы российского переводоведения в виде отдающего мистикой словосочетания «переводящий язык».

В книге Г.В. Чернова по синхронному переводу 1978 г. обнаруживаем всё то же ПЯ без всяких разъяснений [Чернов, 1978, с. 12], зато в его же учебнике 1987 г. находим такое решение: «язык перевода» (далее ПЯ)» [Чернов, 1987, с. 6]. Таких вариантов введения этого сокращения очень много. Но тайну, почему ПЯ, а не ЯП, не выдаёт никто.

Многие авторы поступают по-другому: дают сокращение ПЯ, но расшифровывают его как «язык перевода». Например, Ю.П. Солодуб в списке «Общие обозначения» пишет так: «ПЯ — язык перевода, т.е. язык, на который делается перевод» [Солодуб, 2005, с. 5]. Н.Н. Гавриленко даёт в сноске следующую расшифровку: «ИЯ — исходный язык, ПЯ — язык перевода, ИТ — исходный текст, ПТ — текст перевода — обозначения, принятые в переводоведении» [Гавриленко, 2008, с. 19, сноска 2]. К сожалению, в переводоведении принято другое обозначение: ПЯ — «переводящий язык».

Введя в своей схеме перевода невразумительный термин «переводящий язык», И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг предоставили другим авторам возможность воспользоваться им или предложить другой термин. Как мы теперь знаем, переводоведы, работавшие на рубеже 60–70-х гг. прошлого века поисками какого-либо другого термина не озаботились, они некритично переняли предложенный вариант. И вот уже пятьдесят лет почти все специалисты по теории перевода пользуются терминологическим словосочетанием «переводящий язык», так и не объяснив, что же это такое. Переводящий язык, если следовать большинству отечественных переводоведов, есть, а переводами занимаются все те же переводчики. Переводящий язык почему-то не переводит.

Естественно, что за столь долгое время использования, этот термин и сокращение ПЯ вошли уже и в лексикографические справочники. В своём «Толковом переводоведческом словаре», в котором приводятся термины, экстрагированные из многочисленных отечественных источников, Л.Л. Нелюбин сразу же отсылает читателя от термина «переводящий язык» к терминологическому словосочетанию «язык перевода»: «**Переводящий язык** — то же, что *язык перевода*, ПЯ» [Нелюбин, 2003, с. 151]. Статья «Язык перевода» имеет в этом словаре такой вид: «**Язык перевода (ПЯ)** — 1. Язык, на который осуществляется перевод. 2. То же, что переводящий язык. 3. Передаёт те значимые элементы исходного языка, которые отсутствуют в нём, возмещая их через кальки, слова-заимствования, неологизмы, семантические сдвиги и описательно. 4. Язык, на который переводится данный текст» [там же, с. 261]. Как видим, автор

приводит широко употребляемый термин, разъясняет его оптимальным образом как язык перевода и отсылает к соответствующей статье, подчёркивая тем самым смысловой приоритет именно термина «язык перевода». К сожалению, это словосочетание сопровождается аббревиатурой «переводящего языка» (ПЯ), утвердившейся в подавляющем большинстве работ по переводу.

В новейшем справочнике «Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): Терминологический словарь-справочник» «переводящему языку» также отведена отдельная статья, автором которой является М.Б. Раренко, ответственный редактор книги. В статье даётся определение «переводящего языка» ПЯ по учебнику И.С. Алексеевой («ПЯ — переводящий язык; это любой естественный язык, знаками которого закодирован переведённый текст (перевод)» [Алексеева, 2004, с. 128]) и отмечается, что ПЯ — «переводческая универсалия» (здесь же даётся отсылка к статье «Теоретико-переводческая универсалия»). Далее читаем: «Данное понятие обладает стабильностью и может быть отнесено к теоретико-переводческим универсалиям. Как правило, в работах по переводоведению... данное понятие принято обозначать сокращением — ПЯ» [Основные понятия..., 2010, с. 136]. Теоретико-переводческие универсалии словарь-справочник определяет так: «...свойства и характеристики перевода и связанных с ним процессов, присущие разным моделям перевода и признаваемые всеми или подавляющим большинством специалистов в области теории и практики перевода и, следовательно, не нуждающиеся в объяснении и доказательстве; ключевые для теории перевода понятия» [там же, с. 198]. М.Б. Раренко права: обходиться без дополнительных пояснений авторам удобно. Но удобно ли это читателям? Как здесь не вспомнить слова В.В. Налимова, который подчёркивал, что «термины должны скорее разъяснять, чем строго определять» [Налимов, 1979, с. 130].

Помимо работ по переводоведению, квазитермин «переводящий язык» переползает уже и в другие науки — в лингвокультурологию и теорию межкультурной коммуникации (см., например: [Тхорик, Фанян, 2005, с. 170]).

Читатель вправе спросить: неужели ни один из отечественных переводоведов не выступил против этой терминологической нисенитницы? Однозначно ответить на этот вопрос не могу, поскольку мне такие работы не встречались. Возможно, они всё же есть. Зато я могу с определённостью сказать, кто этот странный термин в своих работах не использовал. Это один из наиболее авторитетных отечественных переводоведов, автор широко известных трудов по устному и общему переводу Р.К. Миньяр-Белоручев. В его книгах этот термин не употребляется (за исключением заковыченных цитат из работ И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга, Л.С. Бархударова —

см., например: [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 84]). Во всех остальных случаях Р.К. Миньяр-Белоручев пользуется словосочетанием «язык перевода». В «Кратком словаре», публикуемом в разных книгах Р.К. Миньяра-Белоручева, термина «переводящий язык» также нет. Зато есть статья «Язык перевода», в которой коротко, но ясно сказано: «Язык, на который осуществляется перевод» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 232; 1994, с. 141; 1996, с. 202; 1999, с. 176].

Думается, что отсутствие в работах Р.К. Миньяра-Белоручева пресловутого ПЯ — сознательная позиция их автора. Он, как можно предположить, видел всю несообразность этого словосочетания и поэтому не считал для себя возможным пользоваться им.

Другой известный переводовед В.С. Виноградов пошёл по другому пути. Во втором издании своей книги «Перевод: общие и лексические вопросы» для обозначения языка, на который осуществляется перевод, он пользуется разными словосочетаниями: «язык перевода», «переводящий язык» и «переводной язык» [Виноградов, 2004]. Какую-либо закономерность в употреблении этих терминов у В.С. Виноградова выявить трудно. Скорее всего, он предпочитал термин «язык перевода», но ради стилистического разнообразия текста вставлял иногда в свою книгу и варианты «переводящий язык» и «переводной язык». Как бы там ни было, книга В.С. Виноградова наглядно демонстрирует благосклонность автора к форме «язык перевода». Здесь уместным будет попутно затронуть ещё один вопрос: В.С. Виноградов не пользуется сокращениями (ИЯ, ПЯ). В этом нам видится обнадеживающая тенденция к переходу специалистов по вопросам перевода с птичьего языка сокращений, получившего с развитием структурной и математической лингвистики, машинного перевода на рубеже 50–60-х гг. XX в. широкое распространение, к языку подлинно филологических текстов, прекрасные образцы которых мы находим у К.И. Чуковского, Е.Г. Эткинда, Л.В. Гинзбурга и других.

Показательной, на наш взгляд, является и монография А.Д. Швейцера «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты», изданная в 1988 г. Мы помним, что в начале 70-х гг. А.Д. Швейцер достаточно активно использовал сочетание «переводящий язык» и сокращение ПЯ. В книге 1988 г. термин «переводящий язык» не встречается ни разу (даже на тех страницах, на которых автор вновь критически рассматривает теорию И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга) [Швейцер, 1988, с. 49–51]. Один раз в переводе цитаты из книги В. Коллера “Einführung in die Übersetzungswissenschaft” появляются сокращения ИЯ и ПЯ. Во всех остальных случаях в книге А.Д. Швейцера фигурирует словосочетание «язык перевода». Встречается в этой книге и термин «язык-рецептор» (с. 79), но «переводящего языка» в ней, повторюсь, уже нет. Можно с большой долей уверенности

допустить, что известный переводовед ощутил всю неприемлемость этой терминологической бессмыслицы и решительно от неё откачался. К сожалению, коллеги его примеру не последовали.

Теперь следует задаться закономерным вопросом: как мог столь неудачный, столь деструктивный, да попросту говоря, столь глупый термин внедриться в переводоведческую терминологию, почему этот квазитермин, этот лингвистический уродец был так некритично воспринят переводоведческим сообществом и колорадским жуком расплодился на страницах книг, статей и диссертаций по переводу? По недомыслию? По небрежности? Из-за ложно понятого чувства солидарности с коллегами? Или, может быть, из неосознанной тяги к заимствованию чужого, необычного (хоть и нелепого)? Или причиной стало подсознательное подражание предшественникам или авторитетам? А, может быть, «виной» тому неудачные английские и французские термины, которые так сильно подействовали на авторов их русских эквивалентов, что они придумали не «язык цели», не «язык прибытия» (термины, на мой взгляд, также малоудачные), а какой-то «переводящий язык»? Но они и их последователи читали работы зарубежных авторов и нигде никогда не встречали сочетаний “a translating language” или “eine übersetzende Sprache”. И всё же мы снова оказались впереди планеты всей — в России был обнаружен «переводящий язык», т.е. язык, который сам переводит. Может быть, авторы термина и использующие его другие переводоведы усматривали и усматривают в нём некий образный смысл? Однако словосочетание «переводящий язык» метафорическим назвать нельзя, поскольку никакого переноса значения в нём обнаружить не удаётся.

Дать однозначные ответы на эти и другие подобные вопросы вряд ли возможно. У меня есть несколько своих предположений на этот счёт. Но, прежде всего, замечу, что я не думаю, что кто-либо из употреблявших и употребляющих это бессмысленное словосочетание считает, что язык сам переводит иноязычный текст.

Одно из моих объяснений причин появления этого (пользуясь словами А.М. Пешковского [Пешковский, 1959, с. 107]) клинического случая терминологии отечественного перевода таково: запоздалое развитие структурализма в бывшем СССР в начале 60-х гг. XX в. вызвало среди сторонников этого направления столь сильную эйфорию, что говорить и писать на языке здравого смысла казалось неприличным. Поэтому возникли сотни уродливых терминов, которые, возможно, виделись приверженцам структурализма (и зарождающейся тогда теории машинного перевода) неким тайным ключом в эту доступную, по их мнению, только избранным науку, которая, как им, видимо, представлялось, разрешит все вопросы. Структурализм в его наиболее радикальной форме благополучно скончался, а термины-уродцы остались. Никто из наты-

кавшихся на бессмысленное словосочетание «переводящий язык» не осмелился заявить, что король-то голый. Не нашлось «чуждо-го... всякому преклонению перед условностями» наивного мальчика [Сильман, 1977, с. 9]. Или критически воспринимающего «находки» предшественников переводоведа. И вот уже полвека «переводящий язык» и ПЯ расцветают пышным цветом на огородах и полях теории перевода. К пестицидам никто не прибегает.

Ещё одно возможное пояснение этого феномена — ничем и никем не сдерживаемая тяга к подражанию.

Третье объяснение подсказал мне доктор филологических наук, профессор Г.Т. Хухуни. В письме ко мне он пишет (цитирую с его любезного разрешения): «У нас с Л.Л. Нелюбиным он (квазитермин “переводящий язык”. — *Р.Ч.*) действительно есть (имеется в виду прежде всего книга “Наука о переводе”)» [Нелюбин, Хухуни]. — *Р.Ч.*), но здесь уж действовал принцип традиции — раз термин укоренился, его приходится студентам давать, независимо от того, насколько он лично мне нравится, тем более учитывая, что полемизировать тогда пришлось бы со всеми классиками отечественного переводоведения». Итак, еще одна причина, по Г.Т. Хухуни, сила традиции, необходимость использовать термин в силу того, что он уже укоренился.

Можно высказать также предположение, что авторам работ по переводу больше по душе параллелизм сокращений: ИЯ — ПЯ, чем их полужеркальный вариант: ИЯ — ЯП. Пусть было бы на худой конец ПЯ, но с другой расшифровкой: переводной язык. Хотя, разумеется, и это сочетание не соответствует сути дела. Остаётся одно — язык перевода и, следовательно, ЯП. Этот тот случай, когда от перемены мест слагаемых сумма здравого смысла резко возрастёт.

Разумеется, что я высоко чту наших выдающихся переводоведов, много сделавших для того, чтобы теория перевода стала в России самостоятельной и авторитетной наукой. Но если в системе её терминологии есть единица, которая не соответствует сути категорий этой науки, то об этом давно пора было сказать. Я всё надеялся, что это сделает, наконец, кто-либо из наших ведущих переводоведов. Как мы теперь знаем, некоторые пошли по другому пути — по пути молчаливого отказа от несостоятельного термина, но печатно, насколько я могу судить, никто об этом не высказался. Поэтому я решил взять этот труд на себя в надежде, что здравствующие классики отечественного переводоведения меня, если нужно, в чём-то поправят, и меня, если это возможно, в чём-то поддержат.

Но я убеждён, что переводоведческому сообществу надлежит признать, что термин «переводящий язык», по сути, алогичен и не только неудачен, но и деструктивен, поскольку вводит читателя в заблуждение. Авторам статей и книг по переводу предстоит отка-

заться от этого ошибочного термина и вместо него использовать словосочетания «язык перевода», или «язык, на который осуществляется перевод», и сокращение (когда это необходимо) — ЯП. Другой возможности русский язык нам не предоставляет.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Издат. центр «Академия», 2004. 352 с.
- Бархударов Л.С.* Уровни языковой иерархии и перевод (на материале перевода с английского языка на русский) // Тетради переводчика. Вып. 6. М.: Междунар. отношения, 1969. С. 3–12.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частичной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
- Виноградов В.С.* Перевод: общие и лексические вопросы. 2-е изд., перераб. М.: КДУ, 2004. 240 с.
- Гавриленко Н.Н.* Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: РУДН, 2008. 175 с.
- Комиссаров В.Н.* Вопросы теории перевода в современной лингвистике // Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. V. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970. С. 47–55.
- Комиссаров В.Н.* К определению понятия «перевод» // Учебно-методические разработки к курсу теории перевода. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1972а. С. 6–13.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистические модели процесса перевода // Тетради переводчика. Вып. 9. М.: Междунар. отношения, 1972б. С. 3–14.
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М.: Междунар. отношения, 1973. 215 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода (очерк лингвистического учения о переводе). М.: Междунар. отношения, 1980. 167 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Комиссаров В.Н.* Теоретические основы методики обучения переводу. М.: Рема, 1997. 111 с.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. М.: ЧеРо, 1999. 134 с.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Курс лекций М.: ЭТС, 2000. 192 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистическое переводоведение в России. М.: ЭТС, 2002. 184 с.
- Латышев Л.К.* Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения. М.: Междунар. отношения, 1981. 248 с.
- Латышев Л.К.* Технология перевода. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 320 с.
- Львовская З.Д.* Теоретические проблемы перевода. М.: Высшая школа, 1985. 232 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воен.-издат, 1980. 237 с.

- Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? М.: Стелла, 1994. 142 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О сопоставлении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория перевода с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
- Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): Терминологический словарь-справочник / Отв. ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
- Пешковский А.М.* Плагольность как выразительное средство // Пешковский А.М. Избр. труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 101–111.
- Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* К обоснованию лингвистической теории перевода // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 51–59.
- Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. 243 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Междунар. отношения, 1974. 216 с.
- Сильман Т.И.* Сказки Андерсена // Андерсен Г.Х. Сказки и истории: В 2 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1977. С. 5–26.
- Солодуб Ю.П.* Теория и практика художественного перевода. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 304 с.
- Стрелковский Г.М.* Теория и практика военного перевода. М.: Воениздат, 1979. 272 с.
- Тхорик В.И., Фанян Н.Ю.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М.: ГИС, 2005. 260 с.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода: (Лингвистический очерк). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1968. 396 с.
- Фёдоров А.В.* Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Сов. писатель, 1983а. 352 с.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983б. 303 с.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 208 с.
- Швейцер А.Д.* Возможна ли общая теория перевода? // Тетради переводчика. Вып. 7. М.: Междунар. отношения, 1970а. С. 35–46.
- Швейцер А.Д.* К проблеме лингвистического изучения процесса перевода // Вопросы языкознания. 1970б. № 4. С. 30–42.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Ван Мэняо,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени
М.В. Ломоносова; e-mail: mengyao811@gmail.com

КИТАЙСКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЗАПАДНАЯ НАУКА О ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются сходства и различия во взглядах на переводческую деятельность, методологию, а также на критерии оценки перевода китайских и западных учёных, исследовавших проблемы перевода. В понимании автора «Запад» — это страны, расположенные западнее Китая. В статье китайская теории перевода сравнивается с теоретическими постулатами науки о переводе, разрабатываемой в России (СССР), в странах Европы, в США, в Канаде и других странах западного мира.

Несмотря на различия речевых культур, языковых картин мира, менталитета оказывается возможным установить немало сходств в осмыслении сущности перевода в Китае и в странах запада.

Ключевые слова: история перевода, теория перевода в Китае и на Западе.

Wang Mengyao,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mengyao811@gmail.com

Comparing Traditional Chinese Translation Theory to Western Translation Theory

This article specifies similarities and differences between the Chinese and the Western traditional translational theories. The word “Western” here refers to all the countries west of China that have made considerable success in the field of translational theory, i.e. Russia (USSR), European countries, the United States, Canada, etc.

Key words: history of translation, theory translation in China and Western Europe.

Общие черты китайской и западной теорий перевода

Прежде всего следует отметить, что в Китае, как и на Западе, на протяжении многих веков переводческая деятельность осуществлялась весьма активно, в результате чего было переведено большое количество литературы. Как в западном, так и в восточном мире, перевод нередко оказывался объектом размышлений и предметом теоретических построений. Чем стремительнее развивалась практическая переводческая деятельность, тем глубже и многочисленней становились размышления о переводе.

Переводческая деятельность в Китае как особый вид практической деятельности предполагает соблюдение определённых пра-

вил. В Китае, как и в странах Запада, на протяжении всей обозримой в прошлом истории перевода неоднократно предпринимались попытки формулирования неких правил и законов перевода. Однако в отличие от западной традиции, эти правила и законы не были изложены достаточно ясно и системно.

На начальном этапе, когда теоретическое знание о переводе только зарождалось, ни в Китае, ни на Западе не были ещё разработаны какие-либо методы и приёмы перевода.

Так, во II и в III вв. китайские переводчики Ань Шигао¹ (安世高), Чжи Цянь² (支谦), переводя буддийские тексты на китайский язык, не смогли свободно передать оригинальные смыслы буддизма (отчасти из-за недостаточного владения литературным китайским языком) и решили соблюдать принцип «案本而传, 不加文饰», т.е. передавать смысл оригинала без каких бы то ни было трансформаций, т.е. «без украшения».

Напротив, в европейской истории перевода известны примеры, когда римляне вели себя по отношению к греческой литературе как завоеватели, считая её своей военной добычей. Поэтому при переводе произведений греческих авторов, нередко предпринимались попытки «выравнивания языка оригинала и создания переводных текстов лучше, чем тексты оригинала».

Со временем переводчики постепенно осознали, что для качественного выполнения перевода нужны определённые правила и принципы. Таким образом, переводческая практика совершенствовалась по мере расширения и углубления теоретических знаний в области перевода. Постепенно формируется определённое понимание сущности перевода, его целей и функций, а также переводческих стратегий. Одновременно осознавалась необходимость разработки методологии перевода, т.е. выработки наиболее соответствующих этому виду деятельности методов и приёмов.

Одной из центральных проблем методологии перевода, как на Западе, так и в Китае, оказалась проблема переводческой стратегии, которая выражалась в оппозиции «смыслового перевода» (意译) к «дословному переводу» (直译). Эта оппозиция более или менее отчётливо была сформулирована Цицероном, который, по справедливому замечанию французского исследователя М. Балляра, предстаёт «если не как теоретик, то, по меньшей мере, как первый защитник “вольного”, по определению одних, или “динамического”, по определению других, перевода» [цит. по: Гарбовский, 2004, с. 69]. Как отмечает Н.К. Гарбовский, «Цицерон позволил себе целый ряд вольностей в переводах. Сохраняя структуру фраз

¹ Парфянский монах, жил во II — начале III в. н.э.

² Китайский переводчик, переводил на китайский язык буддийские сутры, жил во II — начале III в.

оригинальных текстов, расположение слов, фигуры речи, взаимосвязь мыслей, он использует слова, привычные в латинском употреблении. При этом Цицерон не стремится передать слово словом, он передаёт заключённые в словах понятия. Более того, он подчёркивает, что не стремился сохранить тоже число слов. Для него важен смысл, “вес”, слова. Нужно полагать, что Цицерон имеет в виду переводческие перифразы, когда одно слово оригинала, не имея в переводящем языке однословного эквивалента, заменяется в переводе сочетанием нескольких слов» [там же].

В Китае эта проблема выдвигается Чжи Цяном в III в. н.э.

Подход к выбору стратегии перевода и его обоснование положило начало развитию теории перевода в дальнейшем. Переводчики начали также задумываться об использовании определённых методов перевода в своей практической деятельности, чтобы лучше достичь своих целей.

«Смысловой перевод» и «дословный перевод» — эти две базисные стратегии перевода, которые не только играют главную роль в многовековой истории перевода, но и являются одной из излюбленных теоретических тем обсуждения для переводчиков. В Европе об этом рассуждали помимо Цицерона блаж. Иероним, Мартин Лютер, Жак Амио, Джон Драйден, Август Шлегель Эдвард Фицджеральд и др., а в Китае — Дао Ань, Цзюмолоши, Сюань Цзан, Сюй Гуанчи, Янь Фу, Линь Шу, Лу Сюнь, Фу Лэ и др.

И можно с уверенностью сказать, что данная полемика ведётся и до наших дней.

В истории перевода Китая, как и в истории перевода в странах Запада, можно наблюдать разные периоды развития теоретических взглядов на переводческую деятельность.

Главные периоды развития перевода в Китае обычно соотносятся со следующими историческими событиями: перевод буддийских сутр с конца правления династии Восточная Хань до конца правления династии Северная Сун³, перевод произведений западных авторов после «Опиумной войны» и во время «Движения 4 мая»⁴ в Китае [Ma Zuyi, 2001, с. 3; Костикова, Чень Шуи, 2012, с. 34].

Перевод буддийских сутр с конца династии Восточная Хань до конца династии Северная Сун был ориентирован на передачу средствами китайского языка основных смыслов, заключённых в этих текстах, для их ассимиляции китайской культурой. В этот период начинается и теоретическое осмысление проблем перевода в Китае. Как отмечают исследователи О.И. Костикова и Чень Шуи, «через

³ С 148 г. до начала XI в.

⁴ Со второй половины XIX до начала XX в.

практику перевода буддийских текстов формировались основы китайской классической теории перевода. В свете переводческих проблем были переосмыслены основные категории даосизма и конфуцианства *вэнь* (“литературный” (смысловой) перевод в изящном стиле, вольный перевод) и *чжи* (“строгий” (буквальный или дословный) перевод), осознана относительность принципа “точности” и неизбежность потерь при переводе, выбраны первые критерии правильного перевода, заложены основы переводческой этики» [Костикова, Чень Шуи, 2012, с. 46].

После «Опиумной войны» и во время «Движения 4 мая» — в период перевода произведений западных авторов — появились такие известные переводчики, как Янь Фу, Линь Шу и др., отчётливо осознававшие важность не только практики, но и теории перевода.

В европейской науке о переводе существует целый ряд периодизаций, основанных на разных подходах к описанию явлений в истории перевода и научных взглядов на перевод. Некоторые периодизации, в частности, предлагавшиеся советским исследователем П.И. Копаневым, англичанином Дж. Стейнером, французом М. Балляром, описаны в книге Н.К. Гарбовского «Теория перевода» [Гарбовский, 2004/2007, с. 19–26]. Гарбовский, в частности, отмечал, что «все исторические описания перевода ограничены в основном кругом одних и тех же событий: опыт первого коллективного перевода (Септуагинта), первые рассуждения о разных видах перевода (Цицерон и Гораций), первые рассуждения о пользе перевода как риторического упражнения (Цицерон, Квинтилиан), первые оправдания и обоснования вольного перевода (Иероним), первые трактаты, посвящённые переводу (Доле), первый машинный перевод и т.п. Одни из описаний — более полные, другие — более скромные, но независимо от того, в каком объёме представлен в них переводческий опыт прошлого, все они построены как совокупность фрагментов, событий, выделяющихся тем или иным аспектом на фоне общего процесса перевода» [там же, с. 27].

Новый и весьма интересный подход к периодизации истории перевода предлагает О.И. Костикова, которая рассматривает перевод как организованный определённым образом информационный процесс и на этом основании полагает что критерием, позволяющим отграничить один исторический период в развитии переводческой деятельности от другого мог бы стать способ хранения и передачи информации [Костикова, 2011, с. 18]. «Перевод, — пишет этот исследователь, — это передача информации, заключённой в исходном сообщении от одного коммуниканта к другому, предполагающая переход от одного года к другому. Передача информации с необходимостью предполагает канал, т.е. некую материальную основу. И если взглянуть на историю перевода с этих по-

зиций, то в ней можно довольно отчётливо увидеть целый ряд периодов. Следует иметь в виду, что использование того или иного канала, существенно влияет на все аспекты переводческой деятельности, на технологию и стратегию перевода» [там же].

Тем не менее важными явлениями в истории перевода в западном мире оказываются выдающиеся идеи о переводе, высказывавшиеся Цицероном, блаж. Иеронимом и др.; переводы произведений классической литературы и библейских текстов в эпоху Возрождения, такие, как перевод на французский язык «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха Жаком Амиео, перевод Библии на немецкий язык Мартином Лютером и т.д.; трактаты о переводе Леонардо Бруни (Bruni, 1426), Этьенна Доле (Etienne Dolet, 1540), Баше де Мезираака (1635), Александра Тайтлера (Alexander Tytler, 1790) и др.

Рассматривая процесс развития теории перевода в истории Китая и Запада, можно сделать вывод о том, что в его основе лежит одна и та же модель: сначала появлялись общие рассуждения, а потом возникали и более или менее систематизированные системы правил перевода, основанные на критическом анализе предшествующего переводческого опыта. Среди основных идеологов теории перевода в Китае следует назвать таких переводчиков, как Чжи Чань, Дао Ань, Цзюмолоши, Сюань Цзан, До Янь Фу, Лу Сюнь, Фу Лэ, Чань Чжуншу, ещё до Динь Ти, Лю Мичин и др.

Рассмотрим конкретные методы и способы перевода, выработанные в западной и китайской переводческих культурах.

С древности до наших дней и в Китае, и на Западе теоретики перевода решают одни и те же задачи, размышляют о принципах и целях перевода, анализируют процесс перевода, выделяют его этапы, разрабатывают методы перевода. То есть и в Китае и на Западе задумываются над одинаковыми вопросами: что такое перевод?, что переводить?, почему переводить?, для кого переводить?, как переводить?, что важнее для перевода: содержание или форма?, перевод — это искусство, техника или наука? и т.д.

Несомненно, можно выделить основные способы перевода, схожие в культурах Китая и западного мира. С древности в теории перевода Китая и на Западе различали концепции «смыслового перевода» (直译), «дословного перевода» (意译), «буквального перевода» (死译) и «произвольного перевода» (活译).

Приведём похожие мысли Цицерона и Чжи Цяна по поводу этих переводческих принципов. Когда Цицерон говорил, что переводил «не как простой переводчик, а как писатель» [Гарбовский, 2004, с. 69] он противопоставлял «смысловый» или «вольный» перевод переводу, которому отдавал предпочтение, — «дословному» переводу.

Подобное противопоставление мы видим и у Чжи Цяна, который различал две концепции, или два принципа, перевода: «*Чжи Чжи*» (质直) и «*Вэнь Ши*» (文饰). Первая предполагает сохранение при переводе смысла оригинала и включает в себя «транскрипционный перевод» (音译) и «буквальный», т.е. «дословный» перевод. Концепция «*Вэнь Ши*» (文饰) заключается в том, что переводчик видит свою главную задачу в том, чтобы следить за красотой стиля текста перевода и использовать разнообразные риторические приёмы. Эта переводческая концепция близка той, которую излагал Цицерон, описывая свой переводческий опыт. Она может быть определена как «смысловой» или «вольный» перевод.

Различия китайской и западной теорий перевода

Китайская и западная традиции перевода относятся к разным речевым культурам, разным представлениям о мире, сформировались на разном материале. Поэтому между ними существует много различий.

Мы предлагаем обсудить в этой связи следующие пять положений.

Первое различие заключается в предпочтении функционального, или теоретического подхода.

Традиционная теория перевода Китая всегда отдаёт предпочтение функциональности. Вопрос всегда ставится следующим образом: как переводить на практике? Исследователи переводческой деятельности полагают, что нужны определённые способы перевода и что необходимо вырабатывать переводческие умения и навыки. Так, ещё в IV в. буддийский монах Дао Ань предложил концепцию «пяти потерь и трёх трудностей» (五失本, 三不易), он старался показать, какие основные трудности встречаются переводчикам в процессе работы над переводом и какие можно найти методы решения проблем при переводе.

Особенность традиционной теории перевода Запада совсем другая. На Западе считают важными логику и системность теории перевода. В XX в. появилось множество работ о переводе, которые описывали перевод с точки зрения современного языкознания. Один из основоположников советской теории перевода А.В. Фёдоров писал: «Практическое значение этой теоретической науки не в том, конечно, чтобы давать переводчикам советы или — того хуже — рецепты и предписания; она может им быть полезна иначе — лишь опосредованным путём, то есть раскрывая многообразие отношений между разными языками и литературами, разнообразие стилистических возможностей и богатство того языка, на котором делается перевод, широту в выборе средств, предоставляемых им в распоряжение переводчика, указывая на отрицательный эффект,

производимый дословным следованием языковым особенностям подлинника, на взаимосвязь и различие между методами перевода и методами оригинального творчества, и многое ещё другое» [Фёдоров, 1983, с. 49].

Второе отличие касается разных способов анализа исходного текста и вынесения переводческого решения. Китайская традиция в данной связи больше основывается на «мышлении восприятия» (悟性思维), а западная — на «мышлении разума» (理性思维) [Лю Мичин, 1991; Уичэн, 1998]. Это, возможно, связано с различными философскими традициями Запада и Китая. В процессе познания мира и узнавания пути жизни человека философии буддизма, даосизма и конфуцианства предлагают следующее: всегда можно понять, но не всегда можно найти слова, чтобы объяснить. (you can understand it, but won't able to express it in words — 只能意会不能言传). И тогда от переводчика в первую очередь требуются понятливость и умение видеть и воспринимать.

В отличие от Китая на Западе традиционная западная философия основана на учениях Платона и Аристотеля и носит более концептуальный характер. У традиционной философии западной идеологии всегда найдутся объяснение и осознание каждого конкретного явления.

И из-за того, что между китайской и западной философскими традициями существует большая разница, китайская и западная теория перевода существенно различаются.

Итак, мы можем сказать, что процесс перевода неразрывно связан с данной традиционной культурой.

В процессе развития китайской традиционной теории перевода, особенно до XX в., можно отметить следующие тенденции: теоретики перевода только на основании своего интереса обсуждали переводческие вопросы, и у большинства китайских теоретиков не было систематического знания о проблемах перевода. На их фоне выделяются лишь Дао Ань с теорией «пяти потерь» (五失本) и «трёх трудностей» (三不), и Сюань Цзан с теорией «пять оснований непереводаемости» (五不翻).

По сравнению с китайской теорией перевода, западная теория перевода развивалась более стройно и систематично. Здесь можно обратить внимание на следующее: 1) западные переводчики больше обращают внимание на анализ текста оригинала, т.е. на замысел автора, структуру и содержание текста; 2) западные переводчики более думают о факторе читателя; 3) западные переводчики умеют обобщать и резюмировать свои наблюдения о переводе.

Цицерон говорит, что переводчик, который переводит работы греческого оратора Демосфена на латинский, должен уметь вести речи по стилю Демосфена. И сам Цицерон переводил тексты Де-

мофена на латинский как образец для своих латинских учеников (Cicero, 46 BC:9). Поэтому для Цицерона важны и стиль оригинала текста, и его получатель, т.е. читатель перевода.

Когда блаж. Иероним переводил «Церковную историю» Евсевия Кесарийского (Eusebius Pamphili, 260–341) он объяснил, что трудно сохранить своеобразную красоту оригинала текста в переводе, так как каждое слово в оригинале имеет своё значение. И очень часто бывает, когда перевоодишь, очень трудно найти эквивалентное слово (Jerome, 395: 25). Но Иероним подчеркнёт важность автора и текста оригинала, подчеркнёт важность следования стилям оригинала.

О том, что Запад по сравнению с Китаем всегда больше обращал внимание на теоретическую сторону вопроса, свидетельствуют и следующие примеры: лингвистическая точка зрения на перевод св. Августина; рассуждения гуманистов, писателей и поэтов эпохи Возрождения о свойствах перевода, трактаты Доле, Тайтлера и др. о принципах и правилах перевода [Van Hoof, 1991], а также разные теории перевода современного Запада. Все эти примеры показывают, что внимание к абстрактным аспектам перевода составляет особенность западного мышления и, соответственно, теории перевода на Западе.

Третьем типичным явлением можно назвать понятия «скромности» для китайской традиции и «конкретности» для западной. Обычно в работах традиционной китайской теории перевода теоретики любят сокращать своё слово и давать читателям большое пространство для понимания. Расплывчатость и скромность являются особенностями китайской теории перевода. Китайцы считают, что значение любой теории не зависит от того, что определяет её, ибо у каждого человека есть своё понимание и объяснение. Это, как мы уже говорили выше, основывается на философском принципе: всегда можно понять, но не всегда можно найти слова, чтобы объяснить (you can understand it, but won't able to express it in words).

Так, например, Янь Фу в своём труде «Эволюция» вывел такие критерии правильного перевода, как «достоверность», «норма» и «стиль» (信 синь да да я). Эти три критерия были лишь кратко изложены у него в первой части работы, но больше он не даёт никаких подробных изложений или дополнительных объяснений. А что конкретно значит китайский иероглиф «достоверность» (信) в триаде «достоверность, норма и стиль»? А что означают иероглифы «норма» и «стиль» (达), (雅)? Какие отношения связывают между собой эти три иероглифа «достоверность, норма и стиль»? На эти вопросы Янь Фу почти не дал ответа. Благодаря тому, что китайский язык — это пиктографическое письмо, у каждого слова-иероглифа очень богатое и сложное значение. Китайский иеро-

глиф 信 (синь) имеет несколько значений: верность, доверие, правдивость и т.д.; китайский иероглиф 达 (да) значит: свободно, достижение и т.д.; китайский иероглиф 雅 (я) значит: изящество, благовоспитанность, культура и т.д. Видно, что китайское слово обычно многозначное, и у нас нет конкретного понимания того, какой именно смысл Янь Фу вкладывал в эти иероглифы, выдвигая критерии правильного перевода.

Такие явления, как скромность и богатство значений слова-иероглифа, делающее довольно расплывчатым смысл выдвигаемых положений и позволяющее их различную интерпретацию, оказываются важными для китайской теории перевода. Напротив, традиционная западная теория перевода предпочитает точные объяснения и определения. Некоторый формализм западной теории способствовал появлению большого количества работ по теории перевода и разработке переводческой терминологии. Количество работ по теории перевода и число учёных, исследующих различные аспекты переводческой деятельности и высказывающих своё мнение по теоретическим вопросам в области перевода значительно больше на Западе, чем Китае.

Западная теория перевода — это формализация и подробное изложение, разъяснение и аргументация высказываемых положений. Поэтому в западной науке о переводе существуют, например, «литературоведческая теория перевода», «лингвистическая теория перевода», «функциональная теория перевода», «скопос-теория перевода», «интерпретативная теория перевода», «когнитивная теория перевода» и др.

Четвёртый аспект, позволяющий нам установить различия китайской и западной теорий перевода — это консерватизм и так называемая инициатива в исследовании перевода. Китайской этической традиции в большей степени свойственен консерватизм. Китайцы привыкли к тому, чтобы уважать и почитать идеи философов Древнего мира. Причиной тому можно назвать доминирование в Китае более двух тысячелетий конфуцианской идеологии. Также важным фактором следует считать многовековой феодализм в общественной жизни. Но главное — это традиционная этика китайцев, состоящая в том, чтобы скорее принимать то, что говорили древние мудрецы нежели отвергать идеи предков.

Так, уже упоминавшаяся работа Янь Фу «Эволюция» была написана столетие назад, но его концепция — «достоверность, норма, стиль» (信, 达, 雅) — всё равно продолжает использоваться и по сегодняшний день.

Иначе обстоит дело на Западе. На протяжении столетий многие переводчики предлагали свои концепции или принципы перевода. Так, французский переводчик Этьен Доле сформулировал пять

факторов, необходимых для правильного перевода в 1540 г. [Гарбовский, 2010, с. 18–30], а Александр Тайлер вывел «принципы перевода» в 1790 г. Но люди не считали эти идеи единственными правилами и продолжали исследовать проблемы теории и методологии перевода.

Пятое отличие, помимо разницы в основных системах представления теорий перевода в Китае и на Западе можно увидеть в интерпретации таких понятий, как «нейтральность» и «таинственность». Здесь мы говорим об этих понятиях в связи с переводом религиозной литературы. «Нейтральность» означает, что идеи о переводе исходят из практики перевода религиозных текстов, но перевод религиозных текстов не является единственной и конечной целью перевода. Мысли и рассуждения о переводе китайских переводчиков буддийских текстов и есть нейтральное, потому что Чжи Чянь, Ань Дао, Цзюмолоши и Сюань Цзан были не только переводчиками буддийских сутр.

На Западе же в переводе религиозных текстов преобладает таинственное. Мысли и рассуждения переводчиков Библии — скорее мысли и рассуждения о таинстве, нежели о чем-то нейтральном. Филон Александрийский, блаж. Иероним, св. Августин, Джон Уиклиф, Мартин Лютер, Эразм Роттердамский, Уильям Тиндэйл, обращаясь в той или иной мере к переводам «Библии», имели ясное и чёткое представление о том, что перевод совершается с таинственной и незримой помощью Бога. Лютер, Эразм и Тиндэйл считали, что Библия — это Слово Бога, и переводы Библии должны целиком и полностью передать людям всей земли представление о Боге.

Идея Божьего промысла отчётливо прослеживается и в истории создания Септуагинты, описанной Филоном Александрийским. Согласно легенде, переводчики были размещены изолированно друг от друга, не имея возможности общаться. Когда же они закончили работу по переводу Ветхого Завета, при сличении их переводов оказалось, что их тексты совпали слово в слово. То есть в переводе Библии следует видеть таинственный процесс, и действительно понимать Библию можно только по воле и благодати всемогущего Бога.

Что касается традиционной теории перевода в Китае, то перевод буддийских текстов подобной «таинственности» не предполагает.

Таким образом, традиционная теория перевода в Китае, основанная на традициях перевода буддийских текстов, и западные теории перевода, начавшие формироваться во многом благодаря размышлениям о стратегиях, возможностях, способах перевода текстов сакрального характера, имеют как общие, так и различные черты. Но современная общественная, культурная, экономическая, научная жизнь Китая всё более широко открывается Западу.

Западные идеи и научные построения всё активней заимствуются китайскими исследователями и адаптируются к условиям практической деятельности в Китае. Поэтому вопрос о взаимодействии и взаимопроникновении идей западных и китайских учёных, размышляющих над проблемами перевода, над извечными вопросами методологии переводческой деятельности, остаётся открытым.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М. 2004, 2007, 2010.
- Гарбовский Н.К.* Этьен Доле — родоначальник французской теории перевода // Наука о переводе сегодня: Труды Высшей школы перевода (факультета). Кн. 1. 2005—2010. М., 2010.
- Жэнь Циюй.* Буддизм и китайская культура. Тайбэй. 1990. (任继愈 «佛教与中国文化» 台北, 1990).
- Костикова О.И.* История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2.
- Костикова О.И., Чень Шуи.* Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1.
- Лао Лун.* Выбросить фантазии и контактировать с практикой. Пекин, 1996 (劳陇 «丢掉幻想, 联系实际» 中国翻译 北京, 1996).
- Линь Юйтан.* О переводе. Пекин, 1933 (林语堂 «论翻译» 翻译通讯 北京, 1933).
- Фёдоров А.В.* Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983.
- Цзи Ди.* Исследование переводческой эквивалентности. Пекин, 1998 (金堤 «等效翻译探索» 北京, 1998).
- Чан Сефэн.* Верность или Достоверность, Норма и Стиль? // Собрание теорий перевода. Пекин, 1984 (常谢枫. «是“信”, 还是“信达雅”?». 翻译论集, 1984).
- Чжэнь Кан.* О переводе философских произведений и Достоверность, Норма и Стиль // Собрание теорий перевода. Пекин, 1984 (陈康 «论信达雅与哲学著作翻译» 翻译论集, 1984).
- Atos, Flora Ross.* Early Theories of Translation. N.Y., 1973.
- Ma Zuyi.* History of Translation in China // Encyclopedia of Translation / Chan Sin-wai, David E. Pollard (Eds.). Hong Kong: Chinese University Press, 2001.
- Van Hoof H.* Histoire de la traduction en occident. Paris; Louvain-la-Neuve, 1991.

ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

М.О. Алексеева,

кандидат филологических наук, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: monorime@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются проблемы адекватности передачи смыслового содержания поэтического текста в переводе. Анализируется план содержания одного из поздних стихотворений Сергея Есенина в контексте эпохи, биографии и творчества поэта; исследуется полнота передачи системы образов и системы смыслов в переводах этого стихотворения на польский язык.

Ключевые слова: художественный перевод, адекватность, система смыслов, Есенин, тема родины, художник и власть.

Marianna O. Alekseyeva,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

The importance of Hermeneutical Approach to Translation of Poetic Texts

The article studies the issues of adequacy in terms of conveying the essence of a poetic text in translation. The plane of contents of one of Sergey Yesenin's late poems is analyzed in connection with the poet's epoch, biography and creative work. The plentitude of transferring the system of images and meanings in a Polish translation of this poem is discussed.

Key words: artistic translation, adequacy, system of meanings, Yesenin, motherland theme, artist and authorities.

В качестве короткой преамбулы позволим себе несколько общих соображений, не претендующих на оригинальность. Несмотря на очевидную непродуктивность, в литературоведческом и читательском сообществах перманентно возникают споры: так ли уж необходимо знание деталей жизни поэта и основ его мировоззрения, чтобы адекватно оценить глубину его произведений и насладиться их красотой? Насладиться, пожалуй, можно. А вот понять поэтический текст во всей его полноте и сложности и, тем более, переложить его на другой язык с минимальными потерями — вряд ли.

Сегодня наблюдается оживление интереса к пониманию перевода как процесса и результата интерпретации оригинала, и особенно отчётливо эта тенденция проявляется в поисках переводческих стратегий при работе с поэтическими тестами. Но переводчик стихотворного текста, осуществляющий наиболее сложный вид художественного перевода, не может ограничиваться лишь ролью

интерпретатора: ведь текст оригинала, выраженный в материале другого языка, неизбежно несёт отпечаток творческой личности переводчика, так или иначе, воплощает его индивидуальность. Соответственно, сам процесс перевода является *сотворчеством*, причём своеобразие вторичного творческого акта определяется наличием общих посылок и эмоционального строя у людей, принадлежащих не только к разным этносам, но и — зачастую — к разным социумам и историческим эпохам.

Формирование коммуникативного намерения переводчика (в качестве интерпретатора и соавтора) в высокой степени связано с *глубинным пониманием* стихотворного текста оригинала, с извлечением из него той сложной палитры смыслов, которая онтологически присуща подлинной поэзии и проявляется именно в «мышлении образами», т.е. в сложной символике, нуждающейся в дешифровке.

Очевидно, что потери при переводе поэтических текстов определяются прежде всего уровнем понимания оригинала самим переводчиком: ведь каждый перевод — это попытка нового прочтения. При этом «переводчики априори исходят из того, что текст оригинала понят полностью», в результате, «немалая доля переводческих ошибок происходит в силу неполного или искаженного понимания оригинального текста» [Гарбовский, 2007]. Такого рода переводческие ошибки коренятся, кроме всего прочего, в неумении или нежелании переводчика провести тщательный анализ системы образов и смыслов, заложенных в тексте, и вписать эту систему в конкретную историческую эпоху и жизненные коллизии автора. Одна из важнейших задач переводчика — «исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника» [Фёдоров, 1983, с. 151] (при сохранении полноценного формального и стилистического соответствия) — не может быть решена без герменевтического анализа не только самого текста, но и — что не менее важно — авторской поэтики в целом. Особенно, если это касается поэта со столь непростой творческой судьбой, изобилующей взлётами, спадами и крутыми поворотами, как у Есенина.

Сергей Есенин — один из самых читаемых русских поэтов в Польше — переводился очень активно. К сожалению, внешняя ясность и прозрачность есенинских стихов, создающие иллюзию простоты и очевидности их смыслового содержания, не инициируют переводчика к постижению сокровенных смыслов. Так, на наш взгляд, одно из известнейших стихотворений Есенина «Вижу сон. Дорога чёрная...» — внешне простое, даже незатейливое, но раскрывающее позицию поэта в отнюдь не новой для мировой культуры ситуации противостояния художника и власти, — не нашло адекватного воплощения в переводе. Показательно, что такие блестящие поэты, как Владислав Броневский, современник Есенина, и Тадеуш Новак,

оставившие нам множество прекрасных переводов есенинских стихов, именно к этому стихотворению не обращались — может быть, как раз потому, что, обладая безупречным поэтическим слухом, интуитивно ощущали наличие некоего ускользающего смысла, нечитаемых аллюзий. Более того, и в отечественном литературоведении этот текст практически не анализировался, — а между тем это одно из самых ярких произведений Есенина: пронзительное, глубокое, наполненное сложными реалиями. Попытаемся расшифровать систему смыслов, заложенных в нём, опираясь на темы и мотивы, многократно возникающие в лирике двух последних лет его жизни.

Вижу сон. Дорога чёрная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, берёза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблён,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и всё ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За берёзовую Русь
С нелюбимой помирюсь! (с. 159)¹

Написано в 1925 г., в начале июля. Меньше чем через полгода поэта найдут мёртвым в номере ленинградской гостиницы «Англетер».

В основе сюжета этого стихотворения лежит описание сна поэта. Надо сказать, что мотивы сновидений (или видений) в стихах 1924—1925 гг. звучат весьма отчётливо: сон и явь переплетаются в поэтическом мире Есенина, образуя довольно прихотливую художественную реальность. Не буду приводить конкретные примеры — поверьте, их множество и все они связаны с образом послереволюционной России, жизнь в которой воспринимается поэтом как страшный сон (заметим на будущее, что и «милая, как сон»).

Очевидно, что сон лирического героя этого стихотворения наполнен особым, сокровенным смыслом — но как раскрыть его?

«Вижу сон. Дорога чёрная. / Белый конь. Стопа упорная». Поражает лапидарность стиля, свидетельствующая о высокой степени внутренней концентрации. И тут же возникает неожиданная, фольклорно-частушечная, разухабистая интонация, отчасти снимающая тревожное чувство, навеянное первыми строками: «И на этом на коне / Едет милая ко мне. / Едет, едет милая, / Только нелюбимая».

¹ Здесь и далее цитаты стихов Есенина даны по изданию: *Есенин С.А. Собр. соч.*: В 5 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1967; номера страниц указаны в тексте в круглых скобках.

Значит, стихотворение всё же о любви? О свидании с милой? Озадачивает, правда, несколько странная формула — «милая, только нелюбимая». Не слишком характерная и для русского фольклора, и для Есенина. В странном сне лирического героя женский образ приобретает загадочную амбивалентность: с одной стороны, «милая», т.е. близкая, дорогая, с другой — «нелюбимая», т.е. близость вынужденная, неестественная, движением души не поддержанная. Эта вынужденность, заданность усугубляется возникшим в начале следующего шестистишия образом узкой дорожки («*путь-дорога узкая*»), не оставляющей герою свободы действий и права выбора.

Чтобы понять смысл этого стихотворения, нам надо расшифровать странный, двоящийся образ лирической героини. Но в какой плоскости искать ключ к разгадке?

Уже в начальных строках этого стихотворения ощущается какая-то грозная неотвратимость: по чёрной дороге упорно продвигается белый конь с загадочной всадницей. Не Смерть ли приближается к герою? Эта ассоциация, в общем, лежит на поверхности и как будто подтверждается всем строем есенинской поэзии последних лет. Может быть, двойственность героини связана с борьбой добра и зла или, точнее, с дихотомией небесного и земного начал?

Отчасти в этом ключе прочитала стихотворение в ещё 60-х гг. Анна Каминьска [Jesienin, 1967, s. 182–183], очень яркий поэт и прозаик, основой зрелого поэтического творчества которой стало религиозное постижение смысла бытия (будучи ревностной католичкой, она, в частности, осуществила переложение на польский язык всех псалмов). Её перевод наполнен отчётливым сакральным содержанием: в третьей строфе лирическая героиня названа “Jedyna” (с заглавной буквы!), что является одним из именований Девы Марии, и свет, который она излучает, получает не одно (как в оригинале), а два определения: не только “tajemny” — «таинственный», но и “inny” — «нездешний». Таким образом, в стихотворении возникает антиномия “Jedyna-niejedyna”, т.е. противопоставляется божественное и мирское воплощение женственности. Переводчица в первой же строфе вполне отчётливо расставляет смысловые акценты, называя лирическую героиню “*wybrana... jeno e niekochana*”. И здесь обращает на себя внимание очень важная игра смыслов: “wybrana” может означать как «выбранная» (и в этом проявляется некая рассудочность действия), так и «избранница» (т.е. «возлюбленная»). Но и в том, и в другом случае она, *нелюбимая*, имеющая вполне плотское воплощение, противопоставляется бестелесной *любимой* — в высоком, духовном смысле этого слова. Определённую стилистическую окрашенность — книжную, возвышенную — всей фразе придаёт и несколько архаичное слово “jeno” («лишь, только»).

Очень всё красиво, только в есенинском тексте нет *никаких* указаний на связь лирической героини с образом Богородицы. Так что сакральный, христианский подтекст — это всё фантазии переводчика.

Переведём наши поиски в житейскую плоскость и предположим, что речь идёт о Софье Толстой, внучке великого писателя, на которой женился Есенин, и о каком-то его мимолётном увлечении. Может быть, в основе сюжета стихотворения лежит банальный любовный треугольник?

По этому — самому простому — пути пошёл переводчик Адам Поморский [Jesienin, 1984, s. 236]. У этого популярного публициста, вице-президента польского ПЕН-клуба, мы видим стремление максимально точно пересказать странный (и совсем не страшный!) сон русского поэта, навеянный сложными взаимоотношениями с двумя женщинами, — про одну лирический герой говорит: “*miła, a niekochana*” («милая, но нелюбимая»), а про другую “*ta jedna, którą Kocham*” («та единственная, которую люблю») и “*której nie ma na świecie*” («которой нет на свете»). Поскольку сакральная тема не возникает, остаётся предположить, что любимая женщина героя умерла, а осталась только не очень любимая (по-видимому, жена), с которой он и вынужден примириться, за неимением лучшего.

Итак, мы видим, что в переводах, как и в оригинале, уже первая строфа задаёт определённую систему смыслов и образов, определяющих план содержания всего стихотворения.

Второе шестистишие начинается *обращением*: поэт закликает русскую берёзу помочь ему, удержать эту «милую» «ветками, как руками меткими». Причём глагол «удержать», скорее, означает не «поддержать», т.е. уберечь от падения, а «задержать», т.е. остановить, ограничить движение. Возникает естественный вопрос: зачем же задерживать милую, которая едет к лирическому герою? «Лишь для той, в кого влюблён», — отвечает сам автор. Туманный ответ. Ясно только, что одновременно существуют «та, в кого влюблён», — бесконечно далёкая и недостижимая, и «милая, только нелюбимая», с которой поэт ощущает какую-то странную, болезненную, но нерасторжимую связь; её приход не радует лирического героя, даже связан с какой-то опасностью для него, и он просит защиты и помощи у «берёзы русской» (заметим, что в последней строфе появляется «берёзовая Русь» — и это принципиально важно для понимания смысловой структуры всего стихотворения).

Очевидно, что здесь обращение к берёзе приобретает особый смысл: мучительное противоречие между «нелюбимой» и «любимой» лирический герой как будто пытается разрешить для себя, ориентируясь на некую константу, постоянно живущую и его душе, — и это берёза, т.е. символ России. В переводе Каминьской тема Рос-

сии звучит достаточно отчётливо: лирический герой готов примириться с *земным* ради сохранения *небесного*, причём очень важно, что сама возможность этого выбора обусловлена существованием «берёзовой Руси» (“...Przez moją Ruś brzezinną, / Zgodzę się z niejedyną”) — именно с ней связана сакральность образа. При этом заметим, что у Каминьской герой примиряется с нелюбимой «**через** берёзовую Русь», а не «**за** берёзовую Русь» (как в тексте оригинала), поэтому мотив *жертвенности* не возникает: есть инструмент, средство, способ, а не цель, ради которой герой готов на самопринуждение. А у Покорского есенинская «берёзовая Русь» вообще превратилась в «русские берёзы вдоль дороги» (“ruskie brzozy w drodze”), и никакой смысловой глубины в этом образе нет — просто своеобразная примета страны, как ливанский кедр или грузинская виноградная лоза.

Совершенно очевидно, что двоящийся женский образ и связанный с ним образ русской берёзы являются ключом к дешифровке смысловой структуры всего стихотворения. Однако для полной картины следует вписать это стихотворение в контекст есенинского творчества.

В стихах последних лет Есенин достигает почти пушкинской чистоты и ясности: он созрел как художник, он чувствовал в себе мощный потенциал и стремился его реализовать, он хотел, чтобы его услышала страна. Но как этого достичь?

В двадцатые годы поэт упорно стремился наладить контакт с властью, убедить руководство страны, что он свой, что он нужен: «Хочу я быть певцом / И гражданином, ... / В великих штатах СССР» (т. 3, с. 44) Невольно вспоминается, как загнанный в угол Осип Мандельштам, предчувствуя трагический исход, так же заклинал сам себя в «Стансах»: «Я должен жить, дыша и большевея...» [Мандельштам, 1991, с. 217–218]. Потому что «не большевея» при этом режиме не позволительно ни жить, ни дышать. Но власть недоверчива и подозрительна и «большеветь», т.е. становиться своим, позволяла далеко не всем (и Мандельштаму не позволила). Легко обвинить Есенина в неискренности и ангажированности. Но это не конформизм, а мучительное осознание необходимости вписаться в новую реальность, найти свою экологическую нишу, свою дорогу: «Стой, душа, мы с тобою проехали / Через бурный положенный путь. / Разберёмся во всем, что видели, / Что случилось, что стало в стране...» (с. 139–140). Заметим, что такая рассудительность не была ему свойственна раньше: реакция Есенина на события всегда отличалась резкостью и спонтанностью, ведь не побоялся же он бросить власти в лицо: «Вёслами отрубленных рук / Вы гребётесь в страну грядущего» (т. 2, с. 84)! Теперь же он постоянно сам себя уговаривает, заговаривает, закликает смириться с неизбежным, принять как данность всё происходящее: «Приемлю всё. / Как есть всё

принимаю» (с. 24); «Принимаю, что было и не было...» (с. 140); «...Ничего не могу пожелать, / Всё, как есть, без конца принимая, / Принимаю — приди и явись, / Всё явись, в чём есть боль и отрада» (с. 155).

Необходимость примирения со всем, что творится в стране, стремление обрести внутренний покой, т.е. своеобразное «непротивленчество», становится основным мотивом есенинской лирики последних лет. Есенин принадлежал к тому типу художников, которые органически были не способны лгать в творчестве (Владислав Ходасевич, не самый близкий ему, но очень тонко чувствующий поэт, писал, что он всегда «был бесконечно правдив в своём творчестве и пред своей совестью» [Ходасевич, 1992, с. 169]). Именно поэтому Есенин столь мучительно, с каким-то отчаянием пытается *сердцем* принять эту новую жизнь: «Я живу давно на всё готовый, / Ко всему безжалостно привык» (с. 176); «Жить нужно легче, жить нужно проще, / Всё принимая, что есть на свете» (с. 203). Но как полюбить страну «самых отвратительных громил и шарлатанов» (с. 302)?

Похоже, что неизбывная любовь к России — *единственное*, чем он по-настоящему дорожил: это составляло некую основу жизни, давало ощущение твёрдой почвы под ногами. Без этого невозможны ни жизнь, ни творчество, ибо гармония с самим собой, пусть зыбкая, ненадёжная, достигается только в ощущении своей принадлежности к «*полевой России*». Только она — любимая, «*единственная*».

К 1925 г. Есенин как будто утверждает себя в новом качестве, приходит к окончательному решению примириться с неизбежным — так фраза «с нелюбимой помирюсь» из *бытового* дискурса переходит в дискурс *исторический* в значении: «приму вызовы времени, помирюсь с существующим порядком вещей». Поэт *отчётливо формулирует, ради чего*: «за эту прыть, чтобы сердцем не остыть», т.е. за творческую «прыть», ради возможности сохранить в себе то поэтическое горение, без которого стихи не рождаются. Значит, надо сердцем принять новую Россию и связать с ней свою творческую жизнь.

Очевидно, «*милая*» и «*единственная*» — это не две женщины, а две России. Пользуясь определениями самого Есенина, это «Русь советская» и «Русь уходящая». Тогда становится вполне естественным, что лирический герой закликает именно «*берёзу русскую*» задержать, отсрочить наступление новой России на Русь прежнюю, деревенскую, столь дорогую сердцу поэта. Но ведь это не две страны, а одна! И разделить её невозможно. Отсюда и возникает странный, двоящийся образ: вполне реальная «*милая, только нелюбимая*», с которой необходимо «помириться», чтобы «сердцем не остыть», т.е. не утратить способность любить, страдать, верить, писать стихи, и призрачная «*единственная*», мерцающая таинственным небесным светом.

Что же тогда значит этот странный «сон»? Как нам его истолковать?

Это фактически установка к действию. Поэт видит неумолимое движение России по пути, заданному стране после большевистского переворота, и понимает, что ради сохранения связи с родиной, ради счастья жить и творить в своей стране, ради возможности состояться как большой художник он должен принять эту новую жизнь. Иначе — гибель.

Проблема адекватности стихотворного перевода по-прежнему остаётся одной из самых сложных — ведь чем ярче и талантливей перевод, тем отчётливей и неизбежней проявляется в нём индивидуальность переводчика. В нашем случае, ни один из переводчиков не отразил сложную проблематику оригинала. Анна Каменская, расшифровывая систему смыслов исходного текста, основывалась на индивидуальном когнитивном опыте. Она дала своё, *религиозное* прочтение стихотворения, которое освещается образом Богородицы как хранительницы Руси. Это ярчайший пример того, сколь отчётливо переводчик реализуется в тексте как творческая личность со своей иерархией ценностей, определённо влияющих на иерархию смыслов, заложенных в переводе. Но при этом в переводе Каменской утратилась существенная часть смыслов оригинала и проявился новый — сакральный, провиденциальный — план содержания, привнесённый самим переводчиком.

В опубликованном двадцать лет спустя переводе Адама Поморского потери на этапе расшифровки смыслов ещё существеннее. В польском тексте практически не звучит тема России и не проявляется историческая составляющая. В итоге, сходная с оригиналом система образов несёт в себе предельно упрощённую систему смыслов: переводчик не даёт польскому читателю внутренних оснований для герменевтической деятельности, для поисков новых, неочевидных трактовок с привлечением экстралингвистической информации, располагая план содержания стихотворения в приземлённо-бытовой плоскости. А ведь в этом есенинском стихотворении отражены мучительные размышления большого художника, поставленного перед трагическим выбором в сложнейшую историческую эпоху, осознание им неизбежности жертвы во имя возможности говорить со своей страной!

Возникает старый, как мир, вопрос: вместили ли вся палитра смыслов оригинала в перевод? Ответ остаётся на совести переводчика: даст ли он себе труд провести серьёзный герменевтический анализ текста оригинала и творчества художника в целом или ограничится «ощущениями», возникшими непосредственно при прочтении текста, и краткой общедоступной информацией биографического характера.

Перевод Адама Поморского

Śni się sen. Droga bita.
Biały koń. Rwą kopyta.
I przez noc na tym koniu
Jedzie miła po błoni.
Jedzie, jedzie do rana,
Miła, a niekochana.

Ech, ty, brzoza ruska!
Wązka droga-dróżka.
Przed miłą, przed snem płochym,
Dla tej jednej, którą kocham,
Rozkrzyżuj się konarami
Jak zwinnymi ramionami.

Świeci miesiąc. Sen po lesie.
Dobry koń drogą niesie.
Blask tajemnej godziny
Jak dla jednej jedynej,
W której taż światłość świeci
Której nie ma na świecie.

Chuligan ja, chuligan,
Z tego się nie wymigam.
Choć wierszem się upiję,
Lecz serca nie zabiję.
Za te ruskie brzozy w drodze
Z niekochaną się pogodzę.

Перевод Анны Каменьской

Śni mi się. Droga czerniejąca.
Biały koń. Stopa tupocząca.
A na tym, na biegunie
Jedzie wybrana ku mnie,
Jedzie, jedzie wybrana,
Jeno że niekochana.

Ej, ty brzoza rosyjska,
Drogo-ścieżyno niska.
Miła, co jak sen płocha,
Dla tamtej, którą kocham,
Zatrzymaj gałązkami,
Jak zęrcznymi rękami.

Świeci miesiąc. Sen modry.
Gna z kopyta koń dobry.
Blask jest tajemny, inny,
Jakby dla tej Jedynej,
W której ten sam świeci,
Której nie ma na świecie.

Chuligan ja nad chuligany.
Od poezji durny i pijany,
Lecz przez ten cwał i galop,
By serce nie zmartwiało,
Przez moją Ruś brzezinną,
Zgodzę się z niejedyną.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2007. 516 с.
Есенин С.А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1967.
Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра, 1991. Т. 1. С. 217–218.
Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. 151 с.
Ходасевич В.Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992. 169 с.
Jesienin, S. Inonia i inne wiersze. Warszawa: MAW, 1984. S. 236–237.
Jesienin, S. Poezje. Warszawa: PIW, 1967. S. 182–183.

Е.М. Мешкова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: yemeshkova@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛУ
(на материале произведений У. Шекспира
и их переводов на русский язык)**

В статье рассматривается понятие лингвопоэтической эквивалентности перевода художественного текста оригиналу. Лингвопоэтическая эквивалентность наблюдается в том случае, если перевод отражает не только содержательные особенности оригинала, но и соответствует ему по способу передачи идейно-художественного содержания и характеру употребления стилистически маркированных языковых единиц. В лингвопоэтически эквивалентном переводе сохраняется повествовательный тип или лингвопоэтическая разновидность того или иного повествовательного типа, характерные для подлинника. Лингвопоэтическая эквивалентность соотносима с коммуникативной эквивалентностью в понимании В.Н. Комиссарова и не тождественна стилистической эквивалентности, хотя в некоторых случаях изменение стилистической окрашенности перевода по сравнению с оригиналом может быть эстетически и лингвопоэтически значимо. Эквивалентность перевода подлиннику может достигаться за счёт воспроизведения лингвопоэтической неоднородности оригинального текста. Лингвопоэтически эквивалентными будут переводы, которые соответствуют оригиналу в плане членения текста (или единого цикла небольших текстов) на тематико-стилистические стратумы или повествовательные типы и их лингвопоэтические разновидности. В статье приводятся примеры как лингвопоэтически эквивалентных, так и лингвопоэтически неэквивалентных (хотя и обладающих художественными достоинствами) переводов отдельных произведений У. Шекспира на русский язык.

Ключевые слова: лингвопоэтическая эквивалентность, лингвопоэтическая неоднородность текста, лингвопоэтическая значимость, лингвопоэтическая функция, повествовательный тип, лингвопоэтическая разновидность повествовательного типа, тематико-стилистическая неоднородность текста.

Yelena M. Meshkova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of English, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: yemeshkova@mail.ru

Linguopoetic Equivalence: a Case Study of William Shakespeare's Works and their Translations into Russian)

The article discusses the linguopoetic equivalence of the translation to the original. Linguopoetic equivalence presupposes that the translation renders not only the content but also the linguopoetic properties of the original text. In particular, the translation reproduces the way of rendering the artistic content and the use of stylistically marked linguistic units. Any linguopoetically equivalent translation belongs to the narrative type and the linguopoetic variant characteristic of the original text. Linguopoetic equivalence

can be associated with the communicative equivalence in V.N. Komissarov's terms, and is not equal to stylistic equivalence, though in some cases the change in the stylistic coloring of the translation (compared to the original) can be aesthetically and linguopoetically relevant. Linguopoetic equivalence can be achieved by reproducing the linguopoetic heterogeneity of the original. A linguopoetically equivalent translation of a text (or a group of short texts) has the same thematic-stylistic strata or narrative types and their linguopoetic variants as the original. The article adduces examples of both linguopoetically equivalent and linguopoetically non-equivalent translations of some of Shakespeare's works into the Russian language.

Key words: linguopoetic equivalence, linguopoetic heterogeneity, linguopoetic value, linguopoetic function, narrative type, linguopoetic variant, thematic-stylistic heterogeneity.

Проблема эквивалентности перевода оригиналу является одной из центральных проблем переводоведения. Известно, что В.Н. Комиссаров определял перевод как эквивалентный, если в нем отражена «цель коммуникации» [Комиссаров, 2007, с. 61–62, 67–68]. В произведениях речи различной функционально-стилистической направленности «цель коммуникации» будет различной. В частности, в произведении словесно-художественного творчества «целью коммуникации» будет передача идейно-художественного содержания и создание определённого эстетического эффекта. Идейно-художественное содержание может передаваться как с помощью содержательных (сюжетно-композиционных), так и языковых средств, т.е. стилистически маркированных единиц. И если переводчику удаётся отразить в переводе не только содержательные, но и лингвопоэтические особенности подлинника, можно говорить об эквивалентности на лингвопоэтическом уровне.

Под лингвопоэтикой следует понимать «раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определённого идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [Липгарт, 1996а, с. 23]. Одни и те же или сходные стилистически маркированные языковые единицы могут функционировать по-разному, и их роль в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта может быть различной в различных случаях их употребления. Роль стилистически маркированных единиц в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта определяется категориями лингвопоэтической значимости и лингвопоэтической функции. Лингвопоэтическая значимость — это тот объём содержательных свойств, который та или иная стилистически маркированная языковая единица реализует в данном конкретном случае её речупотребления. При автоматизированном речупотреблении стилистически маркированная языковая едини-

ца слабо мотивирована содержанием высказывания или вовсе не мотивирована и может быть опущена без утраты смысла высказывания. В случае лингвопоэтически полноценного речеупотребления стилистически маркированная единица обусловлена содержанием высказывания и не может быть опущена без утраты смысла высказывания, а в случае актуализированного речеупотребления стилистически маркированная единица, помимо обусловленности общим содержанием высказывания, развивает смысловые связи с другими элементами высказывания и не может быть опущена без полной утраты смысла высказывания [Липгарт, 1996б, с. 25–31].

Лингвопоэтическая функция — это тот вклад, который данная стилистически маркированная языковая единица вносит в передачу идейно-художественного содержания текста и создание эстетического эффекта. Категорию лингвопоэтической функции А.А. Липгарт определяет на основании признака отвлечённости: отсутствие данного признака у стилистически маркированной языковой единицы позволяет говорить о реализации данной единицей экспрессивной лингвопоэтической функции, которая заключается в усилении коннотативности высказывания. Гномическая и ассоциативная лингвопоэтические функции предполагают, помимо усиления коннотативности высказывания, создание некоего отвлечённого плана: с развитием дополнительных ассоциативных рядов в случае реализации ассоциативной лингвопоэтической функции и без развития дополнительных ассоциативных рядов в случае реализации гномической лингвопоэтической функции [Липгарт, 1997, с. 73–74].

Для установления эквивалентности перевода оригиналу требуется вначале определить природу эстетического воздействия, оказываемого текстом оригинала, а затем определить лингвопоэтические особенности перевода (если таковые имеются) и попытаться осуществить сопоставление. Сопоставление перевода и оригинала на уровне отдельных стилистически маркированных языковых единиц (лингвопоэтическое сопоставление как таковое) может оказаться малопродуктивным в отношении художественного перевода, поскольку конкретные стилистически маркированные единицы перевода и оригинала могут различаться в силу объективных различий между языками. По этой причине лингвопоэтическое сопоставление перевода и оригинала осуществлялось в отношении буквальных переводов, не отличавшихся высокой степенью художественности, с тем, чтобы в итоге прояснить лингвопоэтическое своеобразие оригинального текста [Липгарт, 1996а, с. 378–420]. Мы предлагаем проводить сопоставление на другом уровне — на уровне повествовательных типов и их лингвопоэтических разновидностей.

Повествовательные типы можно определить как различающиеся в логико-понятийном плане способы передачи того или иного

идейно-художественного содержания. Для каждого повествовательного типа характерны определённые лингвопоэтические признаки: набор стилистически маркированных единиц и степень реализации значения данных единиц. Принято выделять три основных повествовательных типа — описание, рассуждение, волеизъявление. Для повествовательного типа «рассуждение» типично развитие какой-либо идеи, и в таком контексте создаются благоприятные условия для реализации метасемиотического потенциала элементов функции воздействия; поэтому для рассуждения характерно лингвопоэтически полноценное и актуализированное речепотребление стилистически маркированных единиц и реализация ими гномической и ассоциативной лингвопоэтических функций. Для «волеизъявления» характерно не развитие одной идеи, а «иллюстрирование» её и усиление производимого текстом впечатления, поэтому в данном типе повествования стилистически маркированные единицы, как правило, не могут реализовывать свой лингвопоэтический потенциал, характеризуются автоматизацией речепотребления и реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Для повествовательного типа «описание» характерно либо перечисление некоторого количества фактов, либо собственно описание какого-либо действия, события, человека и т.п. В данном типе также преобладает автоматизация речепотребления стилистически маркированных единиц и реализация ими экспрессивной лингвопоэтической функции [Мурашкина, 2004].

Выделение лингвопоэтических разновидностей позволяет разграничивать в тексте разные способы выражения содержания одного повествовательного типа: «В лингвопоэтической разновидности того или иного повествовательного типа реализуется один из способов передачи содержания данного повествовательного типа посредством определённого набора стилистически маркированных языковых единиц, которые в текстах данной лингвопоэтической разновидности проявляют семантические и метасемиотические свойства в одинаковой степени, при этом в текстах, составляющих другую лингвопоэтическую разновидность того же повествовательного типа, те же стилистически маркированные языковые единицы будут реализовывать семантические и метасемиотические свойства в ином объёме» [Карпова, 2009б, с. 12].

В силу функционально-стилистической неоднородности произведений словесно-художественного творчества [Липгарт, 2006, с. 64–74], в одних текстах оказывается возможным выделять повествовательные типы и лингвопоэтические разновидности, а в отношении других — проводить лингвопоэтическую (тематико-стилистическую) стратификацию (существуют и однородные в линг-

вопоэтическом плане тексты, а также художественные тексты, которые вообще не могут быть исследованы лингвопоэтическими методами). Таким образом, лингвопоэтическая неоднородность может проявляться либо как чередование повествовательных типов и лингвопоэтических разновидностей, либо как наличие в тексте различных тематико-стилистических пластов.

Сопоставление оригинала и перевода в плане тематико-стилистической неоднородности уже осуществлялось; при этом было установлено, что перевод, отражающий тематико-стилистическую неоднородность подлинника, оказывается высокохудожественным и эквивалентным оригиналу, в то же время «...если переводчик не видит тематико-стилистической неоднородности оригинала или же если ему не удастся воспроизвести эту неоднородность в переводе, то созданный им текст будет лишь бледным подобием подлинника, воспроизводящим только содержательную канву и отдельные стилистические особенности оригинального текста, но при этом очень далеко отстоящим от него по художественной сложности и по силе оказываемого на читателя воздействия» [Липгарт, 2010].

Лингвопоэтическая неоднородность сонетов Шекспира, проявляющаяся как чередование сонетов, относящихся к разным повествовательным типам и их лингвопоэтическим разновидностям, удачно передана в переводах С. Маршака. Рассмотрим в качестве примера сонет 60 и его перевод, выполненный С. Маршаком:

Like as the waves make towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end;
Each changing place with that which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.
Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crown'd,
Crooked eclipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now his gift confound.
Time doth transfix the flourish set on youth,
And delves the parallels in beauty's brow;
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow:
And yet, to times in hope my verse shall stand,

Praising thy worth, despite his cruel hand (Sonnet 60).
The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 1232.

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчётные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочерёдно к вечности бегут.

Младенчества новорождённый серп
Стремится к зрелости и, наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметёт моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки! (Сонет 60)

Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака.
М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 81.

Оригинальный текст 60-го сонета Шекспира представляет собой лингвопоэтически насыщенную разновидность повествовательного типа «рассуждение» [Карпова, 2009а, с. 172–185]. Основными языковыми средствами, способствующими здесь передаче идейно-художественного содержания, служат сложное сравнение (*Like as the waves make towards the pebbled shore, / So do our minutes hasten to their end; / Each changing place with that which goes before, / In sequent toil all forwards do contend*), лингвопоэтически полноценное и выполняющее гномическую лингвопоэтическую функцию и способствующее таким образом созданию отвлечённого плана на тему быстротечности человеческой жизни, олицетворения (*nativity, maturity, time*) и развёрнутая метафора, в которой происходит актуализация стилистически маркированных языковых единиц, реализующих ассоциативную лингвопоэтическую функцию (*Nativity, once in the main of light, / Crawls to maturity, wherewith being crown'd, / Crooked eclipses 'gainst his glory fight*). Абстрактные существительные (*time, gift, youth, nature, truth, worth*) лингвопоэтически полноценны и выполняют гномическую лингвопоэтическую функцию, дополняя ассоциативный план, созданный сравнением и развёрнутой метафорой. Ещё одна метафора-олицетворение (*Time doth transfix the flourish set on youth, / And delves the parallels in beauty's brow; / Feeds on the rarities of nature's truth, / And nothing stands but for his scythe to mow*) менее лингвопоэтически значима (не наблюдается актуализации составляющих её элементов), а метафора “time — scythe” являлась во времена Шекспира одним из общеупотребительных поэтических средств, и здесь она реализует экспрессивную лингвопоэтическую функцию [Карпова, 2009б, с. 15–16]. Ещё менее значимыми в плане передачи идейно-художественного содержания, но способствующими усилению коннотативности текста являются усилительные формы глаголов (*do... hasten; do contend; doth... confound; doth transfix*), коннотативные атрибутивные словосочета-

ния (*pebbled shore, crooked eclipses, cruel hand*), созвучия (*beauty's brow; gave /.../ gift; verse /.../ worth*) и глагольная инверсия (*do our minutes hasten*).

В переводе Маршака использованы другие по структуре стилистически маркированные единицы, тем не менее, повествовательный тип и лингвопоэтическая разновидность сохранены, в результате мы получаем высокохудожественный перевод, производящий на читателя почти такое же впечатление, что и оригинал. Лингвопоэтическая разновидность сохраняется за счёт того, что в тексте Маршака основную художественную нагрузку также несёт сравнительный оборот (*Как движется к земле морской прибой, / Так и ряды бессчётные минут, / Сменяя предыдущие собой, / Поочерёдно к вечности бегут*), реализующий гномическую функцию и сложная метафора (*Младенчества новорождённый серп / Стремится к зрелости и наконец, / Кривых затмений испытал ущерб, / Сдаёт в борьбе свой золотой венец*), выполняющая ассоциативную функцию. Метафора в следующих двух строках в переводе лингвопоэтически полноценна (*Резец годов у жизни на челе / За полосой проводит полосу*) и реализует гномическую функцию.

Сами стилистически маркированные единицы несколько отличаются по структуре и лексическому значению, некоторые элементы оригинала почти полностью утрачены (например, олицетворение времени: прямое упоминание о нём присутствует лишь в предпоследней строке). В оригинале у Шекспира использовано атрибутивное словосочетание “pebbled shore”, Маршак заменяет его существительным «земля», т.е. с точки зрения переводческих трансформаций в данном случае С. Маршак прибегает к замене и генерализации [Гарбовский, 2004, с. 374–375, 425–432]. Выразительность при этом, конечно, уменьшается (конкретно-чувственное представление о покрытом галькой побережье утрачено в переводе), однако на передачу отвлечённого содержания о быстротечности жизни эта замена не оказывает существенного влияния. В качестве дополнительного выразительного средства, усиливающего коннотативность, Маршак использует именную инверсию (*ряды бессчётные минут, младенчества новорождённый серп, у жизни на челе*) и восклицательную интонацию в последней строке (*Где ты пребудешь смерти вопреки!*). Таким образом, Маршаку удалось передать лингвопоэтическое своеобразие данного сонета. О его переводе можно сказать примерно то же, что А.А. Липгарт говорит о переводе пушкинского «Анчара» Уолтером Арндтом: «<...> переводчику удаётся создать образ, по силе и яркости, наверное, не уступающий пушкинскому <...>» [Липгарт, 2010].

Переводы же других поэтов далеко не всегда оказываются эквивалентными шекспировскому оригиналу на лингвопоэтическом уровне. Рассмотрим, к примеру, сонет 60 в переводе В. Брюсова:

Как волны набегают на камни,
И каждая там гибнет в свой черёд,
Так к своему концу спешат мгновенья,
В стремленье неизменном — все вперёд!
Родимся мы в огне лучей без тени
И в зрелости бежим; но с той поры
Должны бороться против злых затмений,
И время требует назад дары.
Ты, время, юность губишь беспощадно,
В морщинах искажаешь блеск красы,
Всё, что прекрасно, пожираешь жадно,
Ничто не свято для твоей косы.
И всё ж мой стих переживёт столетья:
Так славы стоит, что хочу воспеть я!

В. Брюсов. Перевод сонета 60 // Шекспир У. Полное собрание сочинений в одном томе / Пер. с англ. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008. С. 1228.

Пятая строка сонета звучит по-русски невнятно (неясен смысл) [Эткинд, 2012], что уже снижает художественное достоинство перевода. Тире и восклицание в четвертой строке придают тексту излишний динамизм, неуместный в повествовательном типе «рассуждение», к которому относится этот сонет у Шекспира. Трагическая окрашенность глагола «гибнет», которому нет соответствия в оригинале, делает текст более эмоционально насыщенным. Обращение к олицетворённому времени, отсутствующее в подлиннике, также усиливает эмоциональную составляющую идейно-художественного содержания, и, таким образом, перевод Брюсова ближе к повествовательному типу «волеизъявление», а не «рассуждение», и данный эффект усиливается в последних двух строках, где используется глагол совершенного вида в будущем времени («переживёт»), выражающий уверенность лирического героя в бессмертии своих стихов, и сочетание модального глагола с инфинитивом в восклицательном предложении («Так славы стоит, что хочу воспеть я!»), что также позволяет говорить о том, что текст относится к повествовательному типу «волеизъявление». В полном соответствии с лингвопоэтическими особенностями данного повествовательного типа стилистически маркированные единицы в переводе Брюсова преимущественно автоматизированы и реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Е.Г. Эткинд отмечает, фактически, те же особенности, но иными словами: «...перевод Брюсова отличается преобладанием поэтических общих мест...»

[Эткинд, 2012]. Таким образом, перевод сонета 60, выполненный В. Брюсовым, неэквивалентен оригиналу на лингвопоэтическом уровне, несмотря на то что отдельные слова и семантическое, «сюжетное» содержание в общем соответствуют оригиналу.

Лингвопоэтическая эквивалентность нетождественна стилистической эквивалентности и разные по стилистической окраске переводы могут оказаться в целом лингвопоэтически эквивалентными оригиналу, в частности такое наблюдение было сделано на материале отрывков, основными стилистическими маркированными элементами в которых являются средства речевой агрессии, и их различных переводов [Мешкова, 2013]. В целом, пассажи, содержащие элементы речевой агрессии, как правило, незамысловаты в содержательном плане и с точки зрения лингвопоэтики характеризуются автоматизацией речеупотребления и реализацией экспрессивной лингвопоэтической функции. Поэтому в переводе лингвопоэтическая эквивалентность таких отрывков будет достигаться путём использования элементов речевой агрессии, вне зависимости от расхождений в стилистических оттенках этих элементов по сравнению с оригинальным текстом. В других же случаях расхождения в стилистической окраске подлинника и перевода может оказать определённый эстетический эффект и потому перевод уже не будет лингвопоэтически эквивалентным оригиналу. Например, сонет 128 в переводе А. Фёдорова:

Порой, о музыка, когда играешь ты
На этом дереве благословенно-дивном,
Которое звучать заставили персты,
Чаруя слух своим аккордом переливным, —
Я клавишам тогда завидую, любя:
Они твою ладонь целуют то и дело.
Увы, уста мои, для коих жатва зрела,
За дерзость дерева краснеют близ тебя.
Всем существом своим они бы поменялись
С его кусочками, к которым прикасались
Твои персты; они блаженней уст живых,
Обрезки мёртвые! Но пусть они счастливы;
Дай пальчики твои лобзать им шаловливо,
А губы нежные оставь для губ моих.

*А. Фёдоров. Перевод сонета 128 // Шекспир У.
Полное собрание сочинений в одном томе /
Пер. с англ. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008. С. 1236.*

How oft, when thou, my music, music play'st,
Upon that blessed wood whose motion sounds
With thy sweet fingers, when thou gently sway'st
The wry concord that mine ear confounds,

Do I envy those jacks that nimble leap
To kiss the tender inward of thy hand,
Whilst my poor lips, which should that harvest reap,
At the wood's boldness by thee blushing stand!
To be so tickled, they would change their state
And situation with those dancing chips,
O'er whom thy fingers walk with gentle gait,
Making dead wood more blest than living lips.
Since saucy jacks so happy are in this,

Give them thy fingers, me thy lips to kiss (Sonnet 128). The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 1241.

Сонет 128 относится к повествовательному типу «описание» [Карпова, 2009б, с. 19]. Многочисленные стилистически маркированные языковые единицы автоматизированы и реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию: атрибутивные словосочетания (*blessed wood, thy sweet fingers, the wiry concord, the tender inward [of thy hand], my poor lips, dancing chips, gentle gait, dead wood, living lips, saucy jacks*), обращение (*my music*), лексический повтор с обыгрыванием полисемии (*my music, music play'st*), усилительная форма глагола и инверсия (*Do I envy; At the wood's boldness by thee blushing stand; Since saucy jacks so happy are in this*), восклицание (*Whilst my poor lips, which should that harvest reap, / At the wood's boldness by thee blushing stand!*). Лингвопоэтически полноценными являются простые метафоры (*that harvest* и *wood's boldness*), но в контексте описания они реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. При этом в тексте Шекспира отсутствуют слова возвышенного стиля. Перевод же А. Фёдорова изобилует стилистически возвышенными словами и оборотами («На этом дереве благословенно-дивном», «персты», «для коих жатва зрела», «уста», «лобзать», «За дерзость дерева краснеют близ тебя»). В то же время в переводе А. Фёдорова клавиши названы «кусочками» и «мёртвыми обрезками», и данные выражения образуют своего рода стилистический контраст со словами возвышенного стиля, который отсутствует в оригинале. Таким образом, перевод А. Фёдорова, несмотря на смысловое соответствие подлиннику и художественность, неэквивалентен оригиналу как на стилистическом, так и на лингвопоэтическом уровне.

Лингвопоэтически неэквивалентным оригиналу следует признать и перевод «Гамлета», выполненный А. Кронебергом. В частности, в этом переводе появляются актуализированные языковые единицы, реализующие гномическую функцию в тех частях, которые у Шекспира характеризуются в целом или нейтральным, или автоматизированным речупотреблением и относятся к стратуму стихотворных отрывков повествовательного типа [Липгарт, 1997, с. 150–151]:

Тень
Я вижу, ты готов.
И будь ты вял, как сонная трава,
Что мирно спит на Леты берегах —
Проснуться должен ты при этой вести!

В. Шекспир. В двух томах. М.: ОКТО, 1912. Т. 1. С. 315.

В переводе актуализируются слова «сонная (трава)», «спит» и «проснуться (должен ты)», хотя в оригинале актуализация здесь отсутствует:

Ghost.
I find thee apt;
And duller shouldst thou be than the fat weed
That roots itself in ease on Lethe wharf,
Wouldst thou not stir in this. /.../

W. Shakespeare. Hamlet, Prince of Denmark // The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 678 (I, 31–34).

На изменение идейно-художественного содержания данного отрывка указывает и Т.А. Казакова: «В переводе А. Кронеберга текст становится более эмоциональным, как за счёт усложнённого синтаксиса, так и в силу добавленных смыслов, в частности, добавляется и усиливается признак “сонности” повтором “сонная, спит, проснуться”, вместо исходного определения *duller*» [Казакова, 2006, с. 9]. Таким образом, в переводе не отражены особенности лингвопоэтической стратификации подлинника, в связи с чем перевод неэквивалентен оригиналу на лингвопоэтическом уровне, несмотря на вполне адекватную передачу сюжетного содержания, соответствие литературной традиции [Фёдоров, 1983, с. 308–309] и нормам литературного русского языка своего времени.

Итак, разобранные выше примеры показывают, что о лингвопоэтической эквивалентности может идти речь в том случае, если перевод отражает не только содержательные, но и лингвопоэтические особенности оригинала, в частности, соответствует оригиналу по способу передачи идейно-художественного содержания и характеру употребления стилистически маркированных языковых единиц. Иными словами, в лингвопоэтически эквивалентном переводе (в отличие от лингвопоэтически неэквивалентного) сохранён повествовательный тип или лингвопоэтическая разновидность того или иного повествовательного типа, характерные для подлинника.

В современном переводоведении существуют различные классификации типов, видов, или уровней, эквивалентности. В частности, в классификации В. Коллера различаются следующие виды:

денотативная эквивалентность, подразумевающая «инвариантность плана содержания»; коннотативная эквивалентность, также имеваемая стилистической и предполагающая передачу в переводе коннотаций оригинального текста; текстуально-нормативная эквивалентность, «ориентированная на жанровые признаки текста» и также соотносимая со стилистической эквивалентностью; прагматическая, или коммуникативная, эквивалентность, «предусматривающая определённую установку на получателя»; формальная эквивалентность, связанная с передачей формально-языковых особенностей оригинала [Швейцер, 2009, с. 76–92; Комиссаров, 2007, с. 59–97].

Относительно переводов художественных текстов, в передаче идейно-художественного содержания которых значительную роль играют стилистически маркированные языковые единицы, представляется целесообразным выделить особый вид эквивалентности — лингвопоэтическую эквивалентность. О лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу можно говорить в том случае, если перевод и оригинал передают сходное идейно-художественное содержание, производят в целом сходный эстетический эффект и в переводе при этом воспроизводится общий характер использования стилистически маркированных единиц, наблюдаемый в оригинале, несмотря на возможные (а часто неизбежные) различия в лексическом составе, грамматической структуре и стилистических оттенках. И поскольку в отдельных случаях переводы одного и того же текста, выполненные в разном «стилистическом ключе», могут на уровне лингвопоэтическом оказаться в целом эквивалентными оригиналу, можно предположить, что лингвопоэтическая эквивалентность не тождественна стилистической эквивалентности.

Лингвопоэтическая эквивалентность соотносима с коммуникативной эквивалентностью в понимании В.Н. Комиссарова, поскольку «цель коммуникации», иными словами, цель создания художественного произведения заключается в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта, и данная цель может осуществляться не только при помощи сюжетно-композиционных средств, но и путём реализации семантического и метасемиотического потенциала языковых единиц. В отношении лингвопоэтически неоднородных текстов, т.е. таких, для которых характерно чередование либо различных тематико-стилистических пластов, либо повествовательных типов и их лингвопоэтических разновидностей, лингвопоэтическая эквивалентность устанавливается на уровне соответствия перевода оригиналу в плане воспроизведения лингвопоэтической неоднородности текста.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ИнЪяз-издат, 2006. 544 с.
- Карпова Л.С.* Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э. Спенсера, С. Дэниела, У. Шекспира): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009а. 270 с.
- Карпова Л.С.* Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э. Спенсера, С. Дэниела, У. Шекспира): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009б. 26 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI–XX вв.): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996а. 656 с.
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI–XX вв.): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996б. 49 с.
- Липгарт А.А.* Методы лингвопоэтического исследования. М.: Московский лицей, 1997. 220 с.
- Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. 2-е изд. М.: КомКнига / URSS, 2006. 168 с.
- Липгарт А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина. <http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/display.php?file=books/lipgart.html> (дата обращения: 13.01.2010).
- Мешкова Е.М.* Средства вербальной агрессии в подлиннике и переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 2. С. 98–109.
- Мурашкина А.А.* К проблеме лингвопоэтического исследования повествовательных типов текста // *Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сб. статей / Под ред. А.А. Липгарта, А.В. Назарчука. Вып. 2. М.: Экон-Информ, 2004. С. 65–75.*
- Фёдоров А.В.* Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л.: Советский писатель, 1983. 352 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / Отв. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.
- Эткинд Е.Г.* Об условно-поэтическом и индивидуальном: Сонеты Шекспира в русских переводах. http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_etkind.txt (дата обращения: 29.03.2012).

Н.Н. Миронова,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода
(факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: nnmironova@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена когнитивному анализу художественного текста в рамках литературного переводоведения. Определён круг вопросов современной когнитологии и её методов для проведения предпереводческой интерпретации текста исходной культуры и текста принимающей культуры. Представлены виды концептов, которые полностью или частично не совпадают в различных традициях. Различия в когнитивных схемах рассматриваются с позиций дискурс-анализа, включая характеристики различных уровней дискурса — фоностилистика, семантики и грамматики. Непереводаемость как явление в художественной прозе и поэзии прослеживается на материале национально-культурной семантики русского и немецкого языков XX–XXI вв. в произведениях Р.М. Рильке, Г. Грасса, О. Манделштама.

Когнитивная наука применительно к практике перевода рассматривается с позиций представления переводческой деятельности как интеллектуальной деятельности, включающей в себя креативные (эвристические) виды переводческих решений, обладающие особой значимостью для теории перевода.

Ключевые слова: когнитивистика, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, творческие переводческие решения, непереводаемость, русская и немецкая литература.

Nadezhda N. Mironova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation und Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: nnmironova@yandex.ru

Cognitive Aspects of Literary Translation

The article focuses on the cognitive analysis of a fiction text within the literary translation theory. The author defines a range of modern cognitology matters and methods aimed at pre-translation interpretation of texts of both the original and the accepting cultures. Some concept types that fully or partially differ in various traditions are presented. Differences in cognitive schemes are considered in terms of the discourse analysis including characteristics of various discourse levels: phonostylistics, semantics and grammar. Non-translatability as a fiction and poetry phenomenon is observed through examples of the national and cultural semantics of the Russian and German languages of the 20th and 21st centuries in works by R.M. Rilke, G. Grass and O. Mandelstam. Cognitive science as referred to translation practice is considered in terms of the translation activity viewed as an intellectual activity that includes creative (heuristic) kinds of translation decisions that bear special significance for the translation theory.

Key words: cognitive science, cognitive linguistics, discourse analysis, creative translation decision, non-translatability, Russian literature, German literature.

Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт своего подлинника.

В. Гумбольдт в письме Августу Шлегелю

О когнитивной науке

Когнитивная модель языка получила признание в 80-е гг. XX в., став неотъемлемой частью когнитивной науки о языке. Для всей когнитивной науки существенны следующие характеристики:

1) убеждение в том, что, описывая когнитивные способности человека, предполагают существование особого уровня ментальных репрезентаций, который надлежит изучать в известном отвлечении от его биологических и нейробиологических особенностей, с одной стороны, и от социальных и культурологических — с другой;

2) признание центральной роли электронных компьютеров для понимания устройства человеческого разума; компьютеры считаются при этом не только незаменимым средством проведения целого ряда специальных исследований, но и служащими моделью функционирующего мозга;

3) стратегически и методологически (в американской когнитивной науке) считается возможным намеренно отвлекаться от некоторых факторов, которые несомненно воздействуют на когнитивные процессы, но включение которых в программу исследования повлекло бы за собой её чрезвычайное усложнение (в первую очередь это эмоциональные, исторические и культурологические факторы);

4) вера в междисциплинарный характер программы когнитивной науки и возможность в отдалённом будущем выработать концепцию такой единой науки, внутри которой границы между прежними дисциплинами будут стёрты;

5) признание того, что за вопросами, встающими сегодня перед когнитивной наукой, существует огромная традиция, начало которой положено в Античности [Кубрякова, 1994, с. 34].

Из всех указанных выше характеристик когнитивной науки существенными для практики и теории перевода как интеллектуальной деятельности можно считать описание ментальных репрезентаций посредством естественного языка, междисциплинарность когнитивной науки, включающей в себя знания, опосредованные психологическими (эмотивными), социальными, историческими, национально-культурными факторами. Когнитивная наука изучает ментальные процессы, связанные с работой человеческого сознания.

ния. Когнитивная лингвистика — это направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации [Краткий словарь..., 1997, с. 53]. Перед современной лингвистикой как когнитивно ориентированной наукой ставятся в настоящее время три главных проблемы: о природе языкового знания, о его усвоении и о том как его используют [Кубрякова 1997, с. 150]. Предметными областями когнитивной лингвистики выступают: когнитивная семантика, когнитивный анализ предметных имён, когнитивная неология, концептуальные основы семантических инноваций, когнитивное моделирование в лексике и фразеологии, когнитивная лексикография, когнитивное словообразование, подготовка когнитивных словарей, невербальная семиотика, психолингвистика, когнитивные основы детской речи, лингвокреативность как деятельность (в рамках исследования социальной когниции) и др.

Для теории перевода большое значение имела названная выше когнитивная модель языка. Как указывает М.Я. Цвиллинг, основным вектором исследований, проводимых в рамках когнитивной модели языка, является раскрытие механизма понимания высказывания в дискурсе. Мозг переводчика может работать в различных режимах: от максимально экономичного (1) до максимально напряжённого в экстремальных для переводчика ситуациях (2). В первом случае, «перевод сводится к последовательности формально-логических операций», во втором, названные операции «сопровождаются... интуитивно-эвристическими действиями, <...> испытывая непредсказуемые “озарения”» [Цвиллинг, 2009, с. 98–99]. И первый, и второй режим переводческой деятельности основаны на когнитивной компетенции переводчика. Г.В. Чернов, говоря о синхронном переводе, отмечал, что недостаток времени и дефицит информации компенсируются механизмом опережающего понимания — вероятностного прогнозирования [Чернов, 1987, с. 127–129]. Этот механизм можно интерпретировать в когнитивном аспекте с позиций теории фреймов. В современной когнитологии структуры знания, называемые фреймами, схемами, планами, — это пакеты информации, которые хранятся в памяти или создаются из компонентов, содержащихся в памяти. Они влияют на адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Такие структуры выполняют весьма значимую роль в функционировании языка: они помогают устанавливать связность текста, обеспечивают вывод необходимых умозаключений, поставляют контекстные ожидания, с помощью которых прогнозируются будущие события на основе уже встречавшихся сходных событий [Герасимов, Петров, 1998, с. 7–8; Новиков, 2007, с. 81–90].

Таким образом, для представления перевода с позиций когнитивной науки можно предположить, что когнитивные компетенции переводчика актуализируются при создании текста на переводящем языке в виде последовательности формально-логических операций (1) и в виде креативных (нестандартных) решений.

Для различных сфер переводческой деятельности будет наблюдаться различное соотношение этих видов.

Учитывая особенности художественной литературы, отметим, что когнитивные компетенции переводчика касаются и области литературоведения и поэтики.

В европейском литературоведении сформировались следующие методы исследования художественного текста:

- герменевтика: глубокое проникновение в интенции автора (F.D. Schleiermacher, H.G. Gadamer);

- лингвистическая поэтика: структурный анализ текста (грамматика повествования, анализ языковых знаков) (R. Jakobson, R. Barthes);

- дискурс-анализ: процесс структурирования действительности (M. Foucault);

- критический дискурс-анализ: отражение в тексте общественных противоречий (W. Benjamin, Th.W. Adorno);

- эстетика рецепции: реконструкция восприятия текста читателем (H.R. Jauss, U. Eco);

- интертекстуальность: деконструкция семантики в текстах (J. Derrida, J. Kristeva) [Schutte, 2005, s. 22–23].

Каждый из названных методов и их вариация могут быть успешно использованы для проведения предпереводческой интерпретации текста исходной культуры и текста принимающей культуры [Барт, 2008, с. 353–406; Лакофф, 2011; Лотман, 1992; Мальцева, 2000; Миронова, 2004; Эко, 2006]. Концепты лингвокультуры могут полностью или частично совпадать в различных традициях; их несоответствие приводит к непереводаемости или со стороны языка оригинала или со стороны языка перевода.

Различия в когнитивных схемах можно рассмотреть с позиций дискурс-анализа, учитывая характеристики различных уровней дискурса: фоностилистики, семантики и грамматики.

О рецепции произведений русской литературы в Германии и немецкой литературы в России: совпадения ментальных языковых картин (креативные переводческие решения)

Большой интерес в истории литературного переводоведения вызывают литературоведческие работы известных переводчиков с русского языка на немецкий: Петера Тиргена, Пауля Целана, Ральфа Дутли.

Так, история переводов на немецкий язык стихов О. Мандельштама насчитывает многие десятилетия. Особенно значительными из них по праву считаются переводы известного немецкого поэта Пауля Целана (Paul Celan, 1920—1970). Его переводы называют «конгениальными» оригиналу [Мандельштам, 2008, с. 6].

Приведём пример такого перевода:

От вторника и до субботы / Vom zweiten bis zum sechsten Tage:
Одна пустыня пролегла. / Die eine Wüste, unbegrenzt.
О длительные перелёты! / O Flüge, langes Flügelschlagen!
Семь тысяч вёрст — одна стрела. / Ein Pfeilschuß — siebentausend Werst!
И ласточки, когда летели / Und sie, die nach Ägypten flogen.
В Египет водяным путём, / Die Schwalben, vier, vier Tage lang.
Четыре дня они висели, / Das Wasser unter sich — sie hingen oben.
Не зачерпнув воды крылом. / Und keine Schwinge tauchte, trank.

[О. Мандельштам, пер. на нем. яз. П. Целана: там же, с. 80—81].

В переводе соблюден ритм ударных и безударных слогов, в результате чего переводчиком достигнута подобная оригиналу метрика. При передаче семантики использовался метод компенсаций (словосочетания «одна пустыня пролегла», «длительные перелёты» переведены на немецкий язык благодаря использованию экспрессивных средств немецкого языка).

Примером удачного переводческого решения при передаче языковой игры с именами собственными можно считать перевод Р. Дутли:

Александр *Герцевич* — Alexander *Gerzowitch*;
Александр *Сердцевич* — Alexander *HERZowitch*;
Александр *Скерцевич* — Alexander *SCHERZowitsch* (курсив мой. — *Н.М.*).

[О. Мандельштам, пер. на нем. яз. Р. Дутли: там же, с. 218—221].

Богато представлена в русском литературоведении история творчества Р.М. Рильке (1885—1926). Один из самых известных поэтов, писавших на немецком языке, Рильке был тесно связан с Россией. Он изучал русский язык, перевёл на немецкий язык несколько стихотворений М.Ю. Лермонтова, прозу Сологуба, пьесу А.П. Чехова «Чайка» и многих других русских авторов. Стихи Рильке на русском языке опубликованы в переводах К. Богатырёва, В. Микушевича, Е. Витковского, В. Летучего. В. Куприянов, комментируя стихи и переводы Рильке, писал: «Может ли автор перевода говорить о точности своего понимания? Ведь любой перевод достаточно сложного сочинения уже есть толкование в другом языке. Могу сказать, что стараюсь *соблюдать все формальные особенности поэтики оригинала*» (курсив мой. — *Н.М.*) [Рильке, 1999, с. 6—7]. В качестве примера креативной передачи ментальности поэтического перевода приведём следующую строфу:

Rose, oh reiner Widerpruch, Lust, / Поза, о противоречивость чувств, каприз: Niemandes Schlaf zu sein unter soviel. / Lidern. / быть ничьим сном под тяжестью стольких. / век. [там же, с. 304—305].

В заключение можно констатировать, что креативность перевода художественной литературы (как прозы, так и поэзии) свидетельствует о достижении переводчиком более полного отображения ментальной картины автора художественного произведения. Н.К. Гарбовский называет позицию поэта-переводчика к автору оригинала концепцией «Левия мытаря»: переводчик подобно евангелисту Левию Матфею следует за Христом и старается как можно более точно интерпретировать его речи на арамейском языке, «...не стремясь продемонстрировать читателю *собственный* писательский талант, ...но чтобы передать *авторский* замысел, *авторские* образы, *авторскую* философию» (курсив мой. — Н.М.) [Гарбовский, 2010, с. 6]. Коннотативный уровень высказывания представляет наибольшую сложность для понимания и дальнейшей обработки в переводящем языке. Понимание концептуальных основ ментальных картин мира и создание семантических инноваций в художественном тексте, — вот те критерии, которые, как это было показано выше, способствуют появлению новых переводных произведений. Последние становятся частью иной национальной культуры, менталитета и сознания.

Список литературы

- Барт Р.* Нулевая степень письма / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2008. 431 с.
- Гарбовский Н.К.* Перевод как художественное творчество // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3.
- Герасимов В.И., Петров В.В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1998.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. 244 с.
- Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4.
- Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения // Известия РАН. Сер. литературы и языка. М., 1997.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. I. Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992.
- Мальцева Д.Г.* Германия: страна и язык. Landeskunde und die Sprache. Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, Астрель, 2000. 416 с.

- Мандельштам О.Э.* «Жизнь упала, как зарница...» — “Ferner Blitz — das Leben fiel”: Избранная поэзия на русском языке с параллельным переводом на немецкий язык / Отв. ред. Ю.Г. Фридштейн. М.: Вагриус, 2008. 432 с.
- Миронова Н.Н.* Билингвистические и бикультурные проблемы художественного перевода. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. № 1.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.
- Рильке Р.М.* Стихотворения / Сост. В. Куприянов. М.: Радуга, 1999 (на нем. яз. с парал. рус. текстом). 329 с.
- Цвиллинг М.Я.* О переводе и переводчиках. М.: Восточная книга, 2009. 286 с.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987.
- Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределённость в современной поэтике / Пер. с итал. СПб.: Симпозиум, 2006. 411 с.
- Schutte, J.* Einführung in die Literaturinterpretation/ — 5., aktualisierte u. erw. Aufl. Stuttgart, Weimar: Verl. J.B. Metzler, 2005 (Sammlung Metzler, Band 27). 272 S.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Е.М. Какзанова,

доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов; e-mail: kakzanova@post.ru

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК: ЕСТЬ ЛИ ПЛЮСЫ?

Статья посвящена качеству перевода, выполненного компьютерным переводчиком. Автор ссылается на свою раннюю работу, посвящённую этому вопросу. В то время как предыдущие выводы были сделаны на материале перевода общественного политического текста с немецкого языка, настоящее исследование посвящено анализу компьютерного перевода новостных текстов с английского языка. Делая вывод о невозможности качественного перевода, выполненного с помощью программ-переводчиков, автор вступает в полемику с коллегой, защищающим подобные переводы. Классифицируя ошибки компьютерного переводчика, мы рекомендуем большее внимание уделять качественной подготовке высококвалифицированных переводчиков и не верить машине, отдавая предпочтение ей, а не талантливому и грамотному специалисту. Автор надеется, что профессиональный переводчик никогда не воспользуется в своей работе компьютерным переводчиком, прекрасно понимая, что перевод — это творческий процесс, и никакая машина не способна творчески подойти к процессу перевода.

Ключевые слова: перевод, качество перевода, компьютерные переводчики, общественно-политический текст, ошибки в компьютерном переводе.

Yevgeniya M. Kakzanova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at People's Friendship University of Russia, Moscow; e-mail: kakzanova@post.ru

Computer Translator: What are the Advantages?

The article deals with the quality of translation made by a computer translator. The author makes reference to her earlier work on this subject. While in the article referred to conclusions were made based on a German political text, the present research analyzes a computer translation of an English newspaper article. The author concludes that good translation made by means of translating programs is impossible, controverting her colleague's reasoning in favor of such translations. Taking into account mistakes made by computer translators we recommend that everyone who deals with translations work with qualified translators and put a greater emphasis on developing translation skills instead of relying on the machine. The author hopes that professional translators will never use computer translators in their work, as any translation is a creative process and no machine is able to translate creatively.

Key words: translation, quality of translation, computer translators, sociopolitical texts, mistakes in computer translations.

Традиционно поставленное преподавание различных аспектов иностранного языка, а также собственно переводческих дисциплин само по себе не может гарантировать качественную подготовку вы-

сококвалифицированных переводчиков. Уровень подготовки этих людей весьма существенно различается как с позиций их формального образования, так и с позиций их профессиональной подготовки [Убин, 2003, с. 10–11].

Уже давно основным инструментом студентов и аспирантов, выполняющих письменные переводы, стал компьютер. Программное обеспечение, которым могут пользоваться выполняющие перевод студенты и аспиранты, включает в себя автоматические переводчики и терминологические базы данных. Мы рекомендуем терминологические базы данных — программные комплексы, позволяющие учащимся работать с электронными версиями различных словарей и составлять собственные. Например, частным случаем терминологических баз являются широко известные электронные словари типа АБВУЯ Lingvo, которыми так любят пользоваться студенты и аспиранты. Всё больше студентов и аспирантов пользуются при выполнении письменных переводов посткомпьютерными технологиями — iPhone и iPad, на которые также можно скачать различные программы и приложения, в частности, электронные словари, работающие в режиме офлайн. Признаём, что электронные словари актуальнее бумажных, правда, не следует забывать, что в них много ошибок, поэтому в случае сомнения всегда рекомендуется обращаться к проверенным бумажным носителям — переводным и толковым словарям. Уместно отметить, что на кандидатских и вступительных экзаменах в аспирантуру электронными словарями пользоваться запрещается, потому что при переводе научного текста по специальности (2000 печ. знаков на вступительном экзамене и 3000 печ. знаков на кандидатском экзамене) 60 минут отводится на работу с бумажным словарём, а не с электронным.

Мы настоятельно **не** советуем пользоваться компьютерными программами-переводчиками, после которых почти всегда необходимо дополнительное редактирование. Переводчик как автор письменного текста является определённой личностью со своим мироощущением, известной степенью образности мышления, эмоциональности, стремящейся понять культурный фон языка оригинала и реализовать свой индивидуальный способ передачи замысла автора подлинника [Попова, 2012, с. 477]. К сожалению, есть студенты и аспиранты, которые не знакомы с особенностями переводов, выполненных с помощью компьютерных переводчиков, поэтому, желая сэкономить время и приложить к переводу минимум усилий, прибегают к услугам подобных программ, которые полностью нивелируют индивидуальность переводчика.

В своё время мы проанализировали качество домашнего перевода студентки, выполненного с помощью компьютерного пере-

водчика [Какзанова, 2011]. Речь шла о переводе общественно-политического текста с немецкого языка на русский. Разобрав перевод нерадивой студентки, которая прибегла к помощи компьютерного переводчика, мы систематизировали ошибки, характерные для немецкого языка. Мы пришли к выводу, что компьютерный переводчик:

- 1) не распознаёт производные от имён собственных,
- 2) не распознаёт умлауты в немецких текстах,
- 3) не знает степени сравнения прилагательных,
- 4) не реагирует на значения предлогов,
- 5) не знает виды глаголов,
- 6) не распознаёт целиком сложные существительные, которые так характерны для немецкого языка,
- 7) не следит за стилем перевода,
- 8) при работе с полисемантическим словом берет первое попавшееся значение, а не то, которое подходит по смыслу,
- 9) не знает и не расшифровывает аббревиатуры [там же, с. 168].

Студенты и аспиранты должны отдавать себе отчёт в том, что на исправление ошибок компьютерного переводчика они потратят больше времени, чем на самостоятельный перевод текста с надёжным словарём.

В 70–80-е гг. XX в. в переводоведении формируется новый, деятельностный подход онтологии, который отталкивается от психолингвистических принципов анализа переводческого процесса. С точки зрения психолингвистов (и мы не можем с ними не согласиться), процесс реализации перевода должен носить творческий характер. Переводчик должен уметь «отмыслить» интенциональный смысл от его языкового выражения, освободить мысль «из плена слов» [Крюков, 1988, с. 378], после чего заново воспроизвести единство содержания и формы нового речевого произведения [Олейник, 2012, с. 512].

Как известно, по коммуникативной направленности выделяют три вида перевода — общественно-политический (который мы и проанализировали), специальный и художественный. По мнению В.В. Алимова, методы достижения адекватности в этих трёх видах перевода не будут полностью совпадать, что вытекает из различного характера материала и задач, стоящих перед переводчиком [Алимов, 2012, с. 495]. Мы считаем, что независимо от вида перевода адекватность и эквивалентность его будут нарушены всегда, если он выполнен с помощью компьютерного переводчика. Нужно быть высококвалифицированным опытным переводчиком, а не машиной, чтобы донести текст автора практически без потерь. При этом уместно говорить о наличии определённого языкового чутья у переводчика-человека и его отсутствии у компьютерного переводчика. Задача переводчика — добиваться полной передачи

текста автора языковыми средствами, понятными реципиенту, что для машины является практически невыполнимой.

В свете вышесказанного не могла не удивить статья А.И. Терехова, который, говоря о *возможностях* (курсив мой. — *Е.К.*) компьютерного перевода английских общественно-политических текстов, не видит ничего необычного в том, что процесс перевода представляет собой, по сути, редактирование переработанного машинной текста [Терехов, 2012, с. 562]. Автора не смущает, что предложенный компьютерным переводчиком текст где-то следует только «немного подправить», а где-то — «немного развернуть». Отмечая, что «компьютер уверенно справляется со многими распространёнными идиомами», автор делает правильный вывод: «...зачастую программы-переводчики, всё ещё весьма далёкие от совершенства, выдают довольно бессмысленный текст, полный нелепых выражений... В данном случае время, необходимое на исправление машинного текста, практически равноценно тому, что пришлось бы потратить на обычный, человеческий перевод» [там же, с. 563]. Констатируя, что, например, Google Translator оказывается практически бесполезен, переводя иногда с точностью до наоборот, выдавая трудночитаемые и непонятные тексты, в которых большую опасность представляют незаметные на первый взгляд ошибки и неточности, которые в спешке легко пропустить [там же, с. 563, 565], А.И. Терехов делает парадоксальный вывод: «Таким образом, современные программы-переводчики вполне могут использоваться при работе с простыми общественно-политическими текстами Интернета, и даже отчасти с текстами средней сложности, позволяя экономить время, которое можно посвятить вдумчивому переводу требующих более творческого подхода материалов» [там же, с. 566].

Нам известно, что компьютерные переводчики, как и компьютерные словари, ориентированы прежде всего на английский язык. А priori можно предположить, что, учитывая востребованность в переводах с английского языка на русский, разработчики соответствующих программ многое предусмотрели, в том числе и возможность адекватного и эквивалентного перевода.

Мы решили провести собственный эксперимент по переводу разных общественно-политических текстов с английского языка на русский с помощью компьютерного переводчика.

Американская газета “The Washington Post” от 10 марта 2013 г. опубликовала политическую статью под названием “As momentum builds toward tax reform, lobbyists prepare for a fight”. Абзац *While the standoff over sequester spending cuts and other budget battles have been grabbing headlines, momentum has quietly been building toward a once-in-a-generation push to overhaul federal taxes, an effort that would likely*

affect nearly every family and business машина перевела следующим образом:

Хотя противостояние над поглощения расходов порезы и другие бюджета сражения захвата заголовки, импульс строит тихо направлении один раз в поколение push для ремонта федеральных налогов, что скорее всего скажется почти каждая семья и бизнес.

Как известно, для каждого языка характерны свои особенности лексико-семантической сочетаемости. Мы видим, что компьютерный переводчик не согласовывает слова друг с другом, употребляя практически все распознанные им существительные в именительном падеже (за редким исключением).

Сразу же бросается в глаза существительное «порезы», которое в данном тексте явно не должно присутствовать. Речь идёт о сокращении расходов, но для того, чтобы правильно перевести данное словосочетание на русский язык, компьютерная программа должна поменять местами существительные, а этого она делать не умеет. Вспомогательные глаголы *have been* программа просто проигнорировала, отсюда и перевод существительного «захват» вместо глагола «захватывать». Любой переводчик-человек понимает, что наречие *quietly* в данном контексте лучше переводить не «тихо», а «спокойно», «постепенно», «не привлекая всеобщего внимания».

Лексему *push* компьютерный переводчик оставил без изменения, скорее всего, вследствие большого числа значений, предлагая человеку самому найти подходящее. Но здесь присутствует несогласованность действий между человеком и машиной, так как именно с этой целью — выбрать нужное значение — человек обращается за помощью к машине. Нелепо выглядят фразы «для ремонта федеральных налогов», «скорее всего скажется почти каждая семья и бизнес». Попутно заметим, что машина не расставляет знаки препинания. Согласно орфографии русского языка, словосочетание «скорее всего» должна выделяться запятыми.

Адекватный перевод разобранного предложения, сделанный человеком, выглядит так:

В то время, когда заголовки кричали о противостоянии по вопросу сокращения государственных расходов и других баталиях по поводу бюджета, постепенно усиливалось случающееся один раз в поколение давление на реформирование федеральных налогов, мера, которая, скорее всего, отразится на каждой семье и на бизнесе (перевод мой. — Е.К.).

Предложение *The prospect of a tax overhaul has already kicked the capital's influence industry into high gear* смешно переведено *Перспектива в налоговой реформе уже ногами столицы влияние промышленности в самом разгаре*.

Нельзя не отреагировать в первую очередь на существительное в творительном падеже «ногами». В указанном английском пред-

ложении нет существительного «ноги», нет предлогов, благодаря которым существительное можно перевести в творительном падеже. Если глагол *kick*, значения которого, в частности «ударить ногой», «бить ногой», «лягаться», «брыкаться». Но дело в том, что при переводе надо рассматривать не отдельный глагол *kick*, а устойчивое выражение *kick into (high) gear* в значении «стремительно набирать обороты».

Адекватный перевод предложения мог бы быть таким: *Перспектива налоговой реформы заставила ведущую отрасль промышленности столицы стремительно набирать обороты (работать на полную мощь) (нажать на газ)* (перевод мой. — Е.К.).

Английская газета “The Guardian“ от 10 марта 2013 г. опубликовала довольно простую с точки зрения языка статью под названием “Venezuela sets date for presidential election”. Речь в ней идёт о предстоящих президентских выборах в связи со смертью Уго Чавеса. Даже в этой, абсолютно предсказуемой статье, элементарное предложение *Observers voiced mounting concern about the deep political divide gripping Venezuela, with half of it in a near frenzy of adulation and the other feeling targeted* компьютерный переводчик переводит так: *Наблюдатели выразили обеспокоенность монтажа в глубокие политические разногласия, сцепление Венесуэлы, с половины его в ближайшем исступлении лести и другой для чувства целевых.*

Очевидно, машина поняла, что выражение *mounting concern* следует рассматривать как единое целое и при переводе даже поменяла слова местами. Не поняла она, однако, что это выражение представляет собой устойчивое словосочетание со значением *растущее беспокойство*, и ни о каком монтаже речи быть не может. Лексему *gripping* всё-таки следует переводить как причастие в значении «царящий», «приковывающий к себе внимание», а не как технический термин «сцепление». Причастие *targeted* образовано от полисемантического глагола *target*, у которого есть значения «ставить или намечать цель», «иметь целью», «обстреливать цель», но у всех этих значений есть пометы — «бухгалтерское дело», «нефтяная промышленность», «военное дело». Общие (нейтральные) значения глагола — «намечать», «планировать», «делать кого-либо мишенью», «выявлять», «ориентировать». При переводе следует отталкиваться именно от этих значений, что машина понять не в состоянии. Полисемантическим является и существительное *adulation*. Как мы уже поняли, машина не умеет выбирать правильное значение, в данном случае «низкопоклонство», а не «лесть».

Адекватный перевод этого предложения может быть таким: *Наблюдатели выразили растущее беспокойство по поводу глубокого политического раскола, царящего в Венесуэле, одна половина которой*

охвачена безумным низкопоклонством, а другая считает, что её используют (перевод мой. — Е.К.).

Перевод — это творческий процесс. При этом неважно, из какой области текст мы переводим, — научный, новостной или деловой. Творчески необходимо подходить к переводу любого документа. Творчество заложено в самой профессии переводчика. Поэтому мы совершенно не согласны с высказываниями А.И. Терехова, выступающего **за** использование компьютерных переводчиков и утверждающего, в частности следующее: «Если граничащие с художественной литературой публицистические и философские статьи, перевод которых требует творческого подхода, ни в коем случае нельзя доверять компьютеру — по крайней мере на нынешнем этапе развития программ-переводчиков, то с новостными текстами, приближающимися к научным и деловым по насыщенности терминологией и клише, неплохо справляется даже простейшая онлайн-программа» [Терехов, 2012, с. 562]. Как онлайн-программа справляется с переводом актуальных новостных текстов, мы проанализировали в этой статье.

Для компьютерных переводчиков, запрограммированных на перевод английских текстов, характерны те же ошибки, которые мы выявили при компьютерном переводе немецких текстов. Машина не реагирует на значения предлогов, не знает времена глаголов, при работе с полисемантическим словом берет первое попавшееся значение, а не то, которое подходит по смыслу, не согласовывает слова друг с другом.

Мы по-прежнему убеждены, что компьютерный переводчик мешает профессиональному переводчику в работе. Каждый последующий перевод может быть лучше предыдущего, но только в том случае, если он выполняется думающим специалистом, а не машиной.

Список литературы

- Алимов В.В.* Виды перевода: критерии функциональной дифференциации // Языки в пространстве коммуникации и культуры: Мат-лы VI Международ. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 29 июня 2012 г. / Под ред. Н.В. Иванова. М.: Книга и бизнес, 2012.
- Какзанова Е.М.* Перевод, выполненный компьютерным переводчиком: оценка качества // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. Мат-лы Международ. конф. 29–31 марта 2011 г. М.: РУДН, 2011. С. 164–168.
- Крюков А.Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1988. 442 с.

- Олейник А.Ю.* Проблемные аспекты переводческих приёмов // Языки в пространстве коммуникации и культуры: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 29 июня 2012 г. / Под ред. Н.В. Иванова. М.: Книга и бизнес, 2012. С. 510–519.
- Попова Т.Г.* Когнитивно-семантические факторы процесса перевода в интеракции культур // Языки в пространстве коммуникации и культуры: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 29 июня 2012 г. / Под ред. Н.В. Иванова. М.: Книга и бизнес, 2012. С. 469–481.
- Терехов А.И.* Возможности компьютерного перевода общественно-политических текстов // Языки в пространстве коммуникации и культуры: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 29 июня 2012 г. / Под ред. Н.В. Иванова. М.: Книга и бизнес, 2012. С. 561–566.
- Убин И.И.* Сертификация переводчиков: некоторые мысли вслух // Перевод: кадры решают всё. М.: ВЦП, 2003. С. 9–13.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Е.С. Грибановская,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: len_gri@mail.ru

«СВОЯ» И «ЧУЖАЯ» ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В настоящей статье рассмотрена проблема формирования языковой картины мира на материале исследований учёных-лингвистов, работы которых посвящены данной проблематике. Выявлена тесная связь понятия «языковая картина мира» с культурно-обусловленными явлениями в языке, которые оказывают основное влияние на формирование особого вида лексических единиц, содержащих узально закреплённую в семантике слова специфическую национально-культурную информацию. На основе проведённого исследования автором делается вывод, что различия в языковых картинах мира проявляются в наличии компонента «чужого». Таким образом, выделяются две картины мира — «своя» и «чужая» — и их характерные особенности. В статье анализируется проявление «чужого» в картине мира на уровне безэквивалентной лексики, лакун, экзотизмов, варваризмов, фоновых слов, коннотативной лексики и языковых реалий, а также на уровне фразеологии. На примере фразеологических единиц французского и русского языков, содержащих компонент зоонимы, рассматриваются особенности лексического состава языка с ярко выраженным национально-культурным компонентом. В результате выявлено значительное количество несоответствий в использовании одних и тех же лексем в русском и французском языке и обоснована необходимость глубокого изучения переводчиком культуры народа-носителя языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, «чужое», «своё», безэквивалентная лексика, фразеология, зоонимы.

Yelena S. Gribanovskaya,

Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: len_gri@mail.ru

“National” and “Foreign” Linguistic World View

This article concerns with the formation of a linguistic world view and is based on professional linguists' research in this field. Close connection is revealed between the concept of “linguistic world view” and cultural phenomena in language which have the main impact on the formation of a special type of lexical units fixed in the semantics of the word national and culture-specific information. On the basis of the research the conclusion is drawn that distinctions in linguistic world views are revealed due to a foreign component. Thus, there exist “national” and “foreign” world views. Their peculiarities are analyzed. In the article, manifestation of “foreign” is analyzed at the level of words without equivalents, lexical gaps, foreign words, background words, connotative words and language realities, as well as at the level of phraseology. Studying French and Russian phraseological units containing names of animals helps the author reveal the main features of the lexical language structure explicit national and cultural components. As a result, a significant amount of inequalities in the usage of the same lexemes in Russian and French

are revealed. Thus, it becomes clear that careful study of cultural phenomena of another language in the process of translation is always necessary.

Key words: linguistic world view, national, foreign, words without equivalents, phraseology, zoonyms.

Понятие «языковая картина мира» тесно связано с культурно-обусловленными явлениями в языке, которые оказывают основное влияние на формирование особого вида лексических единиц, содержащих узально закреплённую в семантике слова специфическую национально-культурную информацию. Слово, таким образом, не только имеет номинативную функцию, но и является носителем национально-культурного своеобразия. Культурно-маркированная лексика была подробно описана в работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» [Верещагин, Костомаров, 2005]. Учёные приходят к выводу, что национально-культурная информация может проявляться на всех уровнях языка (включая фонетический: например, особенности произношения могут сообщить о том, где говорящий родился и вырос), а также на невербальном уровне. Фразеология, афористика, морфология, синтаксис, словообразование, фонетика, интонация, жестовая коммуникация содержат в себе национально-культурный компонент. Такого рода семантика является, с одной стороны, результатом культуронакопительной функции языка (кумулятивной), с другой стороны — культурно-приобщающей, т.е. через язык носители приобщаются к своей национальной культуре.

Проблема языковой картины мира стала объектом исследования многих учёных-лингвистов. Гумбольдт, став основоположником теоретического языкознания и сравнительной антропологии, определил её цель как исследование функционирования «языка в самом широком его объёме — не просто в его отношении к речи <...>, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [Гумбольдт, 1984, с. 7]. Гумбольдт приходит к выводу, что язык является ключом к пониманию того, что есть человек, и что лежит в основе специфики характера каждого отдельного народа. Взяв за основу данную идею, Гумбольдт, таким образом, объединил лингвистику и культурологию. Постепенно учёный подходит к идеи единства языка и мышления.

«Язык, не только понимаемый обобщённо, но и каждый в отдельности, даже самый неразвитый, заслуживает быть предметом пристального изучения. <...> Разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его. <...> Путём многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познаётся в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [там же].

Таким образом, Гумбольдт, учитывая факт существования большого количества языков, допускает возможность проведения сравнительного межъязыкового анализа и выявления общих универсалий, а также слов-реалий, понятий существующих только в одном языке.

Будучи последователем учения Гумбольдта, Л. Вайсгербер строит свою теорию языковой картины мира: «Словарный запас конкретного языка включает вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер, 1993, с. 153].

В своей работе «Положение языка в системе культуры» Вайсгербер указывает, что главной предметной основой для картины мира конкретного языка является природа: «...почва, географические условия, в частности, климат, мир животных и растений» [там же].

Что касается концепции языковой картины мира, Вайсгербер указывает её объективно-универсальную основу, подчёркивая её субъективно-национальную природу. Такая точка зрения объясняется тем, что Вайсгербер считал, что воздействие языка на человека в первую очередь происходит в результате своеобразия языковой картины мира, а не в результате универсальных составляющих.

Уорф близок в своих исследованиях, проводимых совместно с Сэпиром и Хойджером на материале языка американских индейцев, к позиции Вайсгербера. Учёными была выявлена специфическая особенность категоризации мира индейцами, которая заключается в том, что в языке преобладают глагольные формы в описании окружающей действительности, т.е. описание мира происходит через действие. Таким образом, можно прийти к заключению, что для индейцев мир находится в постоянном движении. Данный факт имеет экстралингвистическое объяснение: индейские племена являлись кочевыми народами, и постоянно перемещались с одного места на другое.

Проведя данные исследования, Уорф делает следующий вывод: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит — в основном, языковой системой, хранящейся в нашем сознании. <...> Мы сталкиваемся, таким образом, с новым прин-

ципом относительности, который гласит, что исходные физические явления позволяют создать картину вселенной, только при сходстве или, по крайней мере, при относительности языковых систем» [Уорф, 1960, с. 79].

Уорф, таким образом, говорит о взаимосвязи языковой и научной картины мира, что все реальные явления и предметы действительности каждый индивид пропускает через своё сознание, сформированное главным образом посредством языка, и формирует такое представление об окружающем его мире, которое соответствует его языковой картине мира, и что объективную научную картину мира можно получить только в том случае, если языковые картины мира разных народов мира схожи.

Так же как Уорф, Вайсгербер говорит о связи между научной и языковой картинами мира. Вайсгербер предлагает строить научную картину мира, исходя из языковой, отдавая языку промежуточную роль между индивидом и внешним миром. Тем не менее Вайсгербер, в отличие от Уорфа, полностью не подчиняет науку языку, а признаёт, что зависимость науки от языка лишь частична, она возникает только там, где научная картина мира должна быть дополнена языковой.

Однако, несмотря на общую схожесть языковых картин мира разных народов, каждый представитель той или иной культуры ограничен в восприятии внешнего мира специфическими особенностями своего родного языка, своей языковой картиной мира. Сепир и Вайсгербер даже полагали, что представители разных народов, владеющие разными языками, воспринимают мир по-разному и живут в разных мирах, а не в одном и том же мире, в котором одни и те же предметы и явления просто имеют различные эквиваленты в зависимости от языка.

Язык является многоуровневой системой, состоящей из целого ряда подсистем, вследствие чего картина мира может проявляться не только на лексическом уровне языка, но и на фонетическом, морфологическом и синтаксическом. Тем не менее наиболее существенное влияние и яркое проявление языковая картина мира получает именно на уровне лексики. Преимущество лексической картины мира над другими так же заключается в том, что количество лексических единиц в языке значительно выше, чем других единиц. Вследствие этого Вайсгербер подчёркивал словоцентрический характер языковой картины мира и прибегал ко многим лексическим примерам с целью показать зависимость мировоззрения каждого индивида от его родного языка.

Так, Вайсгербер приводил в качестве примера процесс формирования звёздного мира в сознании человека. Учёный полагал, что в реальности созвездия существовать не могут, так как в действи-

тельности то, что мы называем созвездием, не является таковым: звёзды, которые человек объединяет в одно созвездие, могут быть значительно удалены друг от друга. Однако сознание людей воспринимает звёздный мир как систему созвездий, и наименования тех или иных созвездий соответствуют лексическому составу языка. Как свидетельствует Вайсгербер, в китайском языке можно найти 283 наименования звёзд, а в греческом, например, лишь 48. Данный пример свидетельствует о том, что языковая картина мира может значительно отличаться не только от научной, но и от картины мира народов, оперирующих другими языками.

Вайсгербер ставил перед собой задачу продемонстрировать тот факт, что языковая картина мира оказывает особое влияние на сознание носителей данной языковой культуры. Что, безусловно, верно, однако невозможно отрицать влияние на мышление человека невербального познания, которое также весьма значительно и является первичным по отношению к языковому. Современная наука понимает языковую картину мира как исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённую в языке совокупность представлений о мире, определённый способ концептуализации действительности.

Итак, мы можем выделить две особенности понятия языковой картины мира. Во-первых, научная и языковая картина мира могут не соответствовать друг другу в силу ограниченности средств для анализа окружающей действительности в течение исторического развития человечества. Во-вторых, языковые картины мира разных народов отличаются друг от друга и имеют свои особенности. Выявление и изучение таких особенностей и несоответствий является ключевым направлением в современной лингвистической семантике, а перевод такого рода лексики вызывает особые трудности. Различия в языковых картинах мира проявляются в наличии компонента «чужого», т.е. элемента другой культуры, эквивалент для которого в языке перевода отсутствует.

Таким образом, возможно выделить две картины мира «свою» и «чужую». «Своя» картина мира представляет собой совокупность взглядов и представлений о мире, характерных для определённого народа, «чужая» — картина мира другого народа. В процессе перевода происходит тесное взаимодействие и взаимопроникновение двух культур и как следствие возникает столкновение двух различных картин мира. Как рассматривалось выше, культурное своеобразие языков различных народов проявляется, главным образом, на семантическом уровне, так как именно на уровне лексического состава языка особенности картины мира проявляются наиболее полно. Изучение культурного фона является неотъемлемой составляющей, необходимой для успешного перевода. Переводчику

нередко приходится сталкиваться с переводом культурно-маркированной лексики, и зачастую это вызывает определённые трудности. Здесь можно привести ставший уже хрестоматийным пример. В 2000 г. во время встречи с премьер-министром Великобритании Т. Блэром В.В. Путин говорил об оскорблениях, наносимых россиянами-чеченцами и в доказательство своих слов упомянул о плакате, обнаруженном в чеченском лагере: «Над нами Аллах, под нами козлы». В современном русском языке слово «козёл» является очень грубым ругательством. Переводчик, решив, по-видимому, сгладить ситуацию, перевёл эту фразу дословно. Но в английском языке слово «козёл» нейтрально, поэтому получилось, что чеченцы никого не оскорбляли, а просто констатировали, что над ними Аллах, а под ними горные козлы. Таким образом, произошёл сбой коммуникации. Элемент «чужой» культуры так и остался непонятным для носителей языка перевода.

Рассмотрим особенности лексического состава языка с ярко выраженным национально-культурным компонентом на примере фразеологических единиц французского и русского языка, содержащих компонент зоонимы. Использование названий животных во фразеологии во многом обусловлено древней фольклорной традицией, когда животным приписываются определённые черты человеческого характера. Поэтому такие фразеологизмы — это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах. Сопоставление зоонимов, используемых в русской и французской фразеологии, позволяет выделить несколько групп. Первая группа объединяет лексемы, присущие и русской и французской фразеологии. В ней можно выделить две подгруппы: первая, где значение лексем совпадает полностью, вторая, где значение лексем совпадает частично. Во вторую группу входят лексемы, присущие только французской фразеологии, среди которых, в свою очередь, выделяются лексемы, относящиеся только к французской действительности (реалии). Приведём пример лексем, относящихся к первой группе, т.е. когда их значения в русском и во французском языке совпадают. Круг используемых русскими и французами реалий фауны во фразеологии во многом сходен. Совпадает использование названий домашних животных (Ср. рус. Здоров как бык и фр. Fort comme un taureau — силен как бык; рус. Прикинуться ягнёнком и фр. Doux ou tendre comme un agneau — кроткий как ягнёнок), диких животных (Ср. рус. Лиса про хитрого, льстивого человека и фр. Un fin renard, un vieux Renard — старая лиса, старый плут; рус. Голоден как волк и фр. Manger comme un loup — жадно есть, уплетать за обе щеки; рус. Обезьяна — про человека, склонного к подражанию другим и фр. Faire le singe — кривляться), птиц (Ср. рус. орлиный взгляд и фр. Yeux d'aigle — орлиный взор, пронзительный взгляд).

К реалиям фауны, присущим и русской и французской фразеологии, но различающимся оттенками значения, относятся следующие лексемы: осёл (фр. *Gueuler comme un âne* — орать как осёл), корова (фр. *Peau de vache* — шкура коровы, т.е. злой человек), ягнёнок (фр. *Mouton à cinq pattes* — диковинка), коза (фр. *Devenir chèvre* — нервничать, злиться), кошка (фр. *Emporter le chat* — уйти не простившись; улизнуть, смыться), утка (фр. *Être un canard boiteux* — хромая утка. Ср. рус. чувствовать себя неловко, быть не в своей тарелке, фр. *Froid de canard* — сильный холод. Ср. рус. собачий холод), гусь (фр. *Bête comme une oie* — глупый как гусь); диких животных: заяц (фр. *Fameux lapin, vrai lapin* — добрый малый, *Poser un lapin* — надуть, подвести; не прийти на свидание), медведь (фр. *Vivre comme un ours* — жить замкнуто, жить отшельником), слон (фр. *Une mémoire d'éléphant* — феноменальная память, *Voir voler des éléphants roses* — видеть, как летают розовые слоны, видеть кошмары), тигр (фр. *Jaloux comme un tigre* — ревновать как тигр), птиц (фр. *Miroir aux alouettes* — зеркало для жаворонков, т.е. ловушка, приманка, *Attendre que les alouettes tombent toutes rôties* — рассчитывать на то, что жаворонки будут падать уже готовые, рассчитывать на готовое, не давать себе труда что-либо сделать, *Quelle vieille chouette!* — какая старая сова, о некрасивой и ворчливой женщине, *Corbeau* — ворон, автор анонимных писем, анонимщик, *Servelle de moineau* — воробьиные мозги, безмозглый человек. Ср. рус. Куриные мозги, *Étouffer un perroquet* — задушить попугая, т.е. выпить рюмку абсента, *Trouver la pie au nid* — найти сороку в гнезде, т.е. сделать необыкновенное открытие, *Plumer un pigeon* — ощипать голубя, т.е. обобрать простака).

Однако наибольший интерес представляют собой лексемы, использующиеся только во французской фразеологии, так как именно они формируют языковое своеобразие и способствуют созданию уникальной, отличной от других картины мира. Приведём несколько примеров: пудель (фр. *Suivre qn comme un caniche* — ходить за кем-либо как пудель. Ср. рус. ходить за кем-либо как собака), морская свинка (фр. *Servir de cobaye* — быть подопытной свинкой. Ср. рус. быть подопытным кроликом), газель (фр. *Yeux de gazelle* — глаза газели, т.е. очень нежный взгляд), рысь (фр. *Yeux de lynx* — глаза рыси, т.е. острое зрение), хорёк (фр. *Crier comme un putois* — кричать как хорёк, т.е. вопить что есть мочи; протестовать), крот (фр. *Vieille taure* — старый крот. Ср. рус. старая жаба, о неприятной женщине), зебра (фр. *Zèbre* — зебра, о странном человеке, *Faire le zèbre* — прикидываться зеброй, т.е. валять дурака, *Courir comme un zèbre* — бежать как зебра, т.е. мчаться во весь дух, нестись сломя голову), страус (фр. *La politique de l'autruche* — страусова политика), фазан (фр. *Faisan* — фазан, т.е. проходимец), сойка (фр.

Bavard comme un geai — болтливый как сойка), журавль (фр. Grue — журавль, женщина лёгкого поведения, Faire le pied de grue — стоять на одной ноге как журавль, т.е. долго стоять, дожидаться, томиться ожиданием), зяблик (фр. Gai comme un pinson — весёлый как зяблик, т.е. очень весёлый), канарейка (фр. Serin — канарейка, т.е. простофиля) коноплянка (фр. Tête de linotte — голова коноплянки, т.е. бестолковый, безрассудный человек), соловей (фр. Vieux rossignol — залежалый товар), муха (фр. Fine mouche — маленькая муха, т.е. тонкая штучка, Pattes de mouche — ножки мухи, т.е. каракули, Avoir les mouches — иметь мух, т.е. быть в мрачном настроении), таракан (фр. Avoir le cafard — иметь таракана, т.е. быть в мрачном настроении, хандрить), оса (фр. Une fine guêpe — маленькая оса, т.е. плутовка), богомол (фр. Mante religieuse — богомол, о жестокосердной женщине), кузнечик (фр. Quelle grande sauterelle! — какой кузнечик! о худой, нескладной женщине), карп (фр. Bâiller comme une carpe — зевать как карп, т.е. зевать во весь рот, часто зевать, Ignorant comme une carpe — глуп как карп, Muet comme une carpe — нем как карп. Ср. рус. нем как рыба.), кит (фр. Rire comme une baleine — смеяться как кит, т.е. смеяться, широко разевая рот), устрица (фр. Huître — устрица, т.е. остолоп, тупица, балбес, Être (comme une) huître — быть в стельку пьяным, Plein comme une huître — полный до краёв, переполненный до отказа, Bâiller comme une huître — зевать во весь рот), уж (фр. Couleuvre — уж, об очень ленивом человеке, Avaler des couleuvres — снести обиду, проглотить пилюлю; поверить в небылицы), лягушка (фр. Manger la grenouille — съесть лягушку, т.е. растратить, присвоить общественные деньги, совершить растрату), ящерица (фр. Faire le lézard, prendre un bain de lézard — греться на солнце как ящерица, т.е. бездельничать, лентяйничать, Il y a un lézard — есть ящерица, т.е. есть трудность; тут что-то не в порядке, что-то не то, Il n'y a pas de lézard — нет ящерицы, т.е. все в порядке, Paresseux comme un lézard — ленивый как ящерица, т.е. страшно ленивый), краб (фр. Vieux crabe — старый краб, т.е. старик, Un panier de crabes — корзина с крабами, т.е. сборище интриганов. Ср. рус. осиное гнездо).

Ещё одна группа фразеологических единиц, представляющая особый интерес в области перевода, это фразеологизмы, содержащие лексемы, не существующие в русском языке, например фр. Bécasse/bécassine — вальдшнеп (дичь бекасиного рода, боровой кулик), о глупом, простоватом человеке, фр. Buse — сарыч (хищная птица семейства ястребиных), в значении «глупец», «дурак».

Данное сопоставление русских и французских фразеологизмов, содержащих компонент зоонимы, выявляет необычайную сложность данного материала, так как выявляется значительное количество несоответствий в использовании одних и тех же лексем в русском

и французском языке. Национальное и культурное содержание фразеологии во многом специфично для каждого языка и существует только один путь его освоения — по возможности более широкое ознакомление с культурой народа — носителя языка.

Однако «чужое» в картине мира другого народа может проявляться не только на уровне фразеологии, но и на уровне безэквивалентной лексики, лакун, экзотизмов, варваризмов, фоновых слов, коннотативной лексики и языковых реалий. Ввиду того, что эти понятия зачастую одно с другим отождествляются, становится важным вопрос об их дифференциации.

Под безэквивалентной лексикой понимаются языковые единицы, не имеющие регулярных переводческих соответствий в другом языке. Г.В. Шатков [Шатков, 1952, с. 16] был одним из первых, кто ввёл этот термин, к которому он относит имена собственные, национальные реалии, слова с национально-экспрессивной окраской. Использование понятия «безэквивалентная лексика» предоставляется, таким образом, возможным только в рамках какой-либо конкретной пары языков, причём разные пары исходного языка и языка перевода будут иметь различные несовпадения и, как следствие, разные словари безэквивалентной лексики. Последнее утверждение делает данное понятие предметом исследования сравнительной лингвистики.

Некоторые исследователи, рассматривая расхождения в языках и в культурах, предпочитают термин «лакуна» — понятие, введённое в научное употребление канадскими лингвистами Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые определяли его как явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке [Vinay, Darbelnet, 1958, p. 10]. Здесь, как и в случае с безэквивалентной лексикой, речь опять же идёт о языковых парах и языковых единицах.

Что касается экзотизмов, «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяет данное понятие как слово и выражение, заимствованное из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемое для придания речи особого местного колорита. Близко ему по значению, понятие «варваризм», которое также является иноязычным заимствованным словом. Варваризмы не входят в лексический состав соответствующего языка и не зафиксированы словарями иностранных слов. Данные два понятия относятся к лексикологии того или иного языка.

Под фоновой лексикой понимаются слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие им семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, известные носителями данной языковой культуры. Фоновая лексика включает в себя также страновед-

ческие знания, т.е. те сведения, которыми располагают все члены определённой этнической или языковой группы. Такие знания — часть национальной культуры, результат исторического развития.

Коннотативная лексика представляет собой слова, совпадающие по основному значению, но различающиеся по культурным и историческим ассоциациям, т.е. слова, которые кроме основного значения служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоциональных и оценочных оттенков и могут придавать высказываниям торжественность, игривость, фамильярность и т.п.

Оба этих понятия, фоновая и коннотативная лексика, применяются, таким образом, относительно специфических и дополнительных символических смысловых оттенков, не уделяя большого внимания культурному колориту, и, как правило, рассматриваются только в диахроническом аспекте, т.е. относительно современного исторического периода.

Ещё одно понятие, рассматривающее категории «своё»—«чужое», но уже с позиций культурологии, точнее, с точки зрения национальной специфики, — это реалии: «слова, обозначающие предметы, понятия или ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов, 1975, с. 95]. Термин «реалия» применим как к предметам и явлениям внеязыковой действительности и к соответствующим им культурным концептам, так и к языковым единицам (словам и фразеологизмам), обозначающим их в языке. Ряд исследователей определяют языковые реалии как наименования предметов и явлений материальной и духовной культуры, отражающие образ жизни и специфику мировосприятия определённого культурно-языкового сообщества и отсутствующие в других языках. Здесь речь идёт уже не о сравнении каких-либо пар языков и об отсутствии определённых лексических единиц, а о том, что стоит за этими единицами, т.е. о культурных концептах.

Таким образом, мы видим, что для теории перевода наиболее важным является понятие «реалия», но если с культурологической точки зрения, реалии, это — то «специфическое», что присутствует в каждой культуре и отличает её от других (и как следствие отражается в языке), с точки зрения теории перевода реалии — это то, что отсутствует в других культурах и языках и требует особого подхода при переводе. То есть мы концентрируемся не на наличии того или иного культурологического явления, а на его отсутствии. Стоит отметить, что перевод нами понимается шире, чем переход от одного языка к другому. Мы рассматриваем перевод как переход от одной культуры к другой (Эко, Снелл-Хорнби). В этой связи, «чужое» в переводе имеет не только и не столько языковое выражение, сколько выражение культурологическое. Из чего следует, что «чу-

жое» следует понимать как явление культуры исходного языка, отсутствующее в культуре языка перевода. Данное мнение разделяет А. Берман, говоря о переводе как о попытке сделать понятным «чужое», заключённое в другой культуре.

Таким образом, как уже подчёркивалось выше, «чужая» картина мира проявляется не только на уровне лексем и отражённых через них понятий. Говоря о «чужом» как о явлении культурологическом, следует понимать, что культура может проявляться в тексте не только на лексико-семантическом уровне. «Чужим», с точки зрения перевода, может стать понятие, относящиеся к другой эпохе или диалекту того или иного языка. «Чужое» также может проявляться на ситуативном уровне, когда одна и та же ситуация будет приемлемой в одной культуре и одной эпохе и абсолютно чуждой в другой. Все это грани одного понятия, «чужое» может принимать в тексте разнообразные формы, и задача перевода сделать это «чужое» понятным для носителей другой культуры.

Список литературы

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1968.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
- Вайсгербер Л.* Родной язык и формирование духа. М., 1993.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 2005.
- Гак В.Г.* Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2006.
- Гак В.Г., Ганишина К.А.* Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2005.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2004.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1984.
- Опарина Е.О.* Язык и культура: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1999.
- Уорф Б.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Фененко Н.А.* Язык реалий и реалии языка. М., 2001.
- Шатков Г.В.* Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык. М., 1952.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. СПб., 2006.
- Berman, A.* L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984.
- Snell-Hornby, M.* Translation Studies. An Integrated Approach. Amsterdam: Benjamins, 1988.
- Vinay, J.P., Darbelnet, J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1958.
- Le nouveau Petit Robert de la langue française. Le Robert, 2007.

М.Н. Есакова,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Ю.Н. Кольцова,

кандидат культурологии, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: Koltsova-73@mail.ru

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЗНАК, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ КАЧЕСТВО ПРЕДМЕТА

Имена собственные — это национально-специфические языковые средства, которые играют важную роль в межязыковой и межкультурной коммуникации, так как в лаконичной форме дают возможность передать большое смысловое и эмоциональное содержание.

Имена собственные, являясь реалиями определённой культуры, представляют интерес для исследователей перевода по разным причинам, так как с наибольшей очевидностью высвечивает многие переводческие проблемы. На примере перевода имён собственных можно получить достаточно полное представление о «переводческой кухне» в целом, а это, в свою очередь, поможет определить, насколько адекватно описание того или иного фрагмента культуры в тексте переводного художественного произведения.

Кроме того, многие имена собственные имеют определённую коннотацию, и выполняют тем самым особую поэтическую функцию в художественном тексте, которая не всегда может быть успешно воспроизведена в переводе. Именно коннотации имён собственных и переводческие решения по их передаче и составляют предмет нашего небольшого исследования.

Ключевые слова: имена собственные, реалии, коннотация, художественный текст, переводческие решения.

Maria N. Yesakova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Yulia N. Koltsova,

Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: Koltsova-73@mail.ru

Proper Name as a Sign Characterizing the Object's Quality

Proper names are nationally specific linguistic means that play an important role in interlanguage and intercultural communication, since they give an opportunity to express a lot of meanings and emotions in a concise manner. Proper names as realities belonging to a specific culture are of interest to translation researchers for a number of reasons, as they highlight a number of translation problems. Proper names translation gives an idea about translation procedures in general, which in turn could help to assess whether a cultural phenomenon is represented adequately in a translated literary text. Moreover, a lot of proper names have connotations; thus, they have a poetic function in a literary text, which a translated text may fail to convey. This research paper focuses on connotations of proper names and ways to translate them.

Key words: proper names, realities, connotation, literary text, translation solutions.

Современной науке о языке характерно стремление изучать язык во взаимоотношении с человеком, его мышлением, сознанием, анализировать языковые факты, связанные с языковой личностью и коллективом. При таком подходе большой интерес представляет исследование национально-культурных особенностей языка, изучение тех языковых единиц, которые отражают явления, характерные для культуры народа.

Имена собственные относятся к тем национально-специфическим языковым средствам, которые играют важную роль в межъязыковой и межкультурной коммуникации. В чрезвычайно лаконичной форме они дают возможность передать большое смысловое и эмоциональное содержание.

По мнению Д.И. Ермоловича, от нарицательных слов их отличает тенденция к универсальности использования при межъязыковом общении. Так, переходя к разговору на другом языке, нам приходится использовать иные нарицательные слова в отношении знакомых предметов и понятий, однако знакомого нам человека мы будем называть одним и тем же именем, независимо от того, на каком языке мы станем к нему обращаться. Таким образом, имена собственные становятся как бы опорными точками в межъязыковой коммуникации, а соответственно, при изучении иностранного языка и в переводе. Они способны выполнять в коммуникации такого рода функцию межъязыкового и межкультурного мостика [Ермолович, 2001, с. 3].

Имена собственные, особенности их значений и функционирования постоянно находятся в поле зрения не только современной лингвистики, но и науки о переводе, в частности, в методологии перевода [Van Hoof, 1999; Ballard, 1991; Гарбовский, 2004; Ермолович, 2001; Костикова, 2004, 2008, 2009 и др.].

Следует отметить, что, обладая национально-культурной спецификой, имена собственные образуют определённую систему в любом языке, обнаруживающую некоторые универсальные закономерности. Следовательно, их можно рассматривать в свете учения о языковых универсалиях.

Особенности имён собственных в языке определяются географическими, социокультурными, религиозными и многими другими факторами. Они представляют собой некое ономастическое пространство.

Следует отметить, что имя — это одна из производных человеческой культуры, так как оно возникает в обществе и отражает черты, значимые для него.

На имя всегда накладывает свой отпечаток и эпоха, и уровень знания человечества, а также имена собственные неразрывно связаны с самыми разнообразными сферами человеческой деятельности.

Традиционно в лингвистике существовало два направления в определении специфики имён собственных как особой категории. Одни учёные (*Ж. Вандриес, Е.В. Галкина-Федорук, А.А. Реформатский, С. Ульман, К.А. Левковская, В. Брендаль* и др.) отрицали существование у имён собственных значения. Так, А.А. Реформатский, писал: «Общее свойство всех собственных имён состоит в том, что <...> они <...> никаких понятий не выражают. Собственные имена гипертрофированно номинативны: они призваны называть, в этом их назначение» [Реформатский, 1960, с. 39]. В пределах этого направления характерно рассмотрение имени собственного как своего рода ярлыка, который навешивался на объект, выделяя его среди других, ему подобных. В рамках этого подхода функция имени собственного сводилась к простой номинации.

Другие исследователи (*Х. Серенсен, Ф.И. Буслаев, Л.М. Щетинин, А.А. Потебня* и др.), напротив, настаивали на том, что имена собственные имеют определённые значения.

В науке о переводе также можно встретить разное отношение к именам собственным. Мишель Балляр в своей книге, посвящённой переводу имён собственных, приводит высказывания Д.Э. Мура и Д.Р. Сёрла о том, что имена собственные не представляют собой сколько-нибудь серьёзной переводческой проблемы ни в теоретическом, ни в практическом плане: Д.Э. Мур утверждал, что все имена собственные, какими бы непроизносимыми они ни оказывались в языке перевода, должны были непременно сохраняться; Д.Р. Сёрл же полагал, что имена собственные используются для референции, но не для описания; они ничего не сообщают о предмете и, следовательно, лишены значения [Ballard, 2001, p. 11].

Я.И. Рецкер относил имена собственные к той редкой для любой пары языков категории слов, которые характеризуются полным межъязыковым соответствием. По мнению исследователя, «словарь даёт довольно точное представление о тех категориях слов и словосочетаний одного языка, которые имеют только одно, эквивалентное соответствие в данном языке. Эти эквиваленты — географические названия, собственные имена, термины любых отраслей знания» [Рецкер, 1974, с. 11].

На наш взгляд, имена собственные, являясь реалиями определённой культуры, представляют интерес для исследователей перевода, так как с наибольшей очевидностью высвечивают многие переводческие проблемы. На примере перевода имён собственных можно получить достаточно полное представление о «переводческой кухне» в целом, а это в свою очередь поможет определить, насколько адекватно описание того или иного фрагмента культуры в тексте переводного художественного произведения.

Кроме того, многие имена собственные имеют определённую коннотацию и выполняют тем самым особую поэтическую функ-

цию в художественном тексте, которая не всегда может быть успешно воспроизведена в переводе. Именно коннотации имён собственных и переводческие решения по их передаче и составляют предмет нашего небольшого исследования.

Говоря о коннотативном аспекте имени собственного, можно выделить следующие компоненты, придающие ему семантическую завершённость: оценочный, эмотивный, экспрессивный и функционально-стилистический. Все четыре компонента коннотации в именах собственных выступают, как правило, вместе, но иногда могут находиться и в разных комбинациях друг с другом.

Рассмотрим примеры одной из групп имён собственных — названия традиционных и общеизвестных напитков, которые достаточно часто встречаются в художественных произведениях русской литературы, в частности в произведениях М.А. Булгакова.

М.А. Булгаков в своих произведениях придавал именам собственным большое значение. Большинство имён собственных, которые мы можем встретить в его произведениях, символичны, они не просто имеют определённое значение, посредством имён собственных автор пытается раскрыть ту историческую обстановку, которая сложилась к 1920-м гг. в России, пытается передать своё отношение к героям, действующим в его произведениях и представляющим определённый социальный тип.

Имя собственное, присваиваемое традиционно самым различным напиткам, нередко связывается в общественном сознании народа с определённым качеством и может характеризовать иногда уровень жизни или манеру поведения того, кто употребляет тот или иной продукт.

Если говорить о винах, то уже видовое различие внутри класса содержит определённые семы, способные охарактеризовать персонаж. Так, «шампанское», в отличие от обычного вина, считается более престижным и дорогим напитком, ассоциирующимся, прежде всего, с праздничным застольем, торжеством. Шампанское — это символ победы, праздника. Но внутри вида различаются более дробные категории, обозначаемые именами собственными и дающие дополнительные сведения о качестве, стоимости и престижности продукта (например, «Вдова Клико», “Moët”, “Dont Perinon” и др. Однако следует отметить, что само слово «шампанское», обозначающее определённый сорт вин, произошло от имени собственного “Shampagne” — провинции на северо-востоке Франции.

Сближение имени собственного с именем нарицательным идёт по линии включения в его содержательную структуру характеристик, основанных на наиболее устойчивых и ярких ассоциативных связях. Процесс обобщённого употребления известного имени упрощается благодаря тому, что, наряду с единичным понятием,

представляющим результат качественного преобразования разрозненных конкретных представлений о денотате, имя реализует и соотносённость с общим понятием.

Проанализируем несколько наиболее интересных примеров — имён собственных — взятых из произведений М.А. Булгакова.

Можно обратить внимание на одну деталь: и в романе «Белая гвардия», и в романе «Мастер и Маргарита», и в повести «Собачье сердце» Булгаков, говоря о «дорогих» алкогольных напитках, использует следующее наименование — шампанское «Абрау Дюрсо». В период, описываемый М. Булгаковым в произведениях, это вино в России считалось самым дорогим и высококачественным. Употребление именно этого сорта вина являлся характеристикой определённого типа персонажей — недавно сформировавшейся советской бюрократии.

М. Булгаков в романе «Белая гвардия» пишет о нём так: «*В окнах магазинов... орлами и печатями темно сверкали бутылки прекрасного шампанского вина “Абрау”*» [Булгаков, 1999, с. 480].

Во французском переводе определение «прекрасный» переносится с вина на бутылки: «*fameuses bouteilles de champagne Abrau*» (досл.: «знаменитые бутылки с шампанским “Абрау”» [Boulgakov, 1970, p. 72]). Таким образом переводчик решает проблему культурной адаптированности текста перевода, необходимой в данном случае потому, что для французского читателя не существует другого шампанского, кроме французского.

Данное имя собственное — «Абрау Дюрсо» — мы встречаем и ещё в одном его произведении — романе «Мастер и Маргарита». Мы находим в одной из глав следующую фразу: «*В углу допивала какая-то компания, и в центре её суетился какой-то конферансье в тюбетейке и бокалом Абрау в руке*» [Булгаков, 1988, с. 388]. Во французском переводе выражение «...с бокалом Абрау...» заменяется переводчиком нейтральным словом «шампанское». И поэтому оно не в состоянии передать того смысла, который заложен в этой фразе и который хотел донести до читателей М. Булгаков. Дело в том, что «Абрау» — это советское шампанское высшего класса, достаточно дорогое, чтобы его могли себе позволить все.

Употребляя не просто слово «шампанское», а именно «Абрау», Булгаков хочет показать, во-первых, то, что ресторан Дома литераторов являлся одним из самых престижных мест в Москве, где подавались самые изысканные блюда и напитки. Это косвенно показывает отношение власти к официальным литераторам, на которых эта власть возлагала задачу своего прославления. Во-вторых, данная сцена характеризует определённый уровень культуры данного слоя людей, их желание получить от жизни как можно больше материальных благ, и чтобы эти блага были высшего качества.

Во французском же тексте происходит некоторая нейтрализация, стирается та изысканность, которую хочет передать М. Булгаков. Это связано с тем, что имя собственное заменяется словом с родовым значением.

Со словосочетанием «Абрау Дюрсо» мы встречаемся в произведениях Булгакова неоднократно. Так, в «Собачьем сердце» мы находим фразу: «*Я теперь председатель, и сколько ни накраду — всё на женское тело, на раковые шейки, на Абрау Дюрсо*» [Булгаков, 1998, с. 349]. Переводчик не может сохранить в тексте имя собственное «Абрау Дюрсо», так как оно вряд ли могло что-то сказать французскому читателю о престижности данного сорта шампанского. Для переводчика оказывается даже неважным, что речь идёт о шампанском. Он использует генерализацию второй степени (Абрау — шампанское — хорошее вино) и передаёт конкретно Абрау словосочетанием “le bon vin”: “*Maintenant, mon heure est venue; je suis Président et tout ce que je peux voler, c’est pour les corps de femme, les queues d’écrevisse et le bon vin*” [Boulgakov, 1996, p. 8].

Однако генерализация, предпринятая переводчиком, вполне удачна, так как в выражении “le bon vin” сохраняется понятие французам уважительное отношение к качественному вину.

Более точным было бы использование словосочетания “grand vin”, т.е. «изысканное, высококачественное вино». Что же касается нейтрализации видового признака, то эту потерю можно считать допустимой. Характеристика персонажа передаётся достаточно полно и через французское родовое понятие “le bon vin”. Однако с точки зрения культурологической потеря представляется более существенной, так как переводная фраза не может показать отношение именно к шампанскому как к символу красивой жизни в представлении «новых русских» того времени.

Следующий пример демонстрирует то же явление переводческой генерализации. Название «Старка», которое обозначает определённую разновидность водки, передаётся во французском переводе родовым названием «водка».

«*Блуждая глазами, Иван Савельевич заявлял, что днём в четверг он у себя в кабинете в Варьете в одиночку напился пьяным, после чего куда-то пошёл, а куда — не помнит, где-то ещё пил старку, а где — не помнит...*» [Булгаков, 1988, с. 641].

“*Le regard incertain, Ivan Savelievitch Varienoukha déclara que le jeudi après-midi, dans son cabinet des Variétés, il s’était soulé tout seul, puis qu’il était allé quelque part — mais où? Il ne s’en souvenait plus, — puis qu’il avait encore bu de la vodka quelque part — mais où?*” [Boulgakov, 1997, p. 455].

Генерализация приводит к утрате семи видового различия внутри родового понятия «водка». Для того чтобы понять существенной или нет является потеря, нужно попытаться определить, что скры-

вается за фразой оригинала, т.е. почему Булгаков использует именно это название. «Старка» означает «сорт выдержанной крепкой водки» [СРЯ, 1981–1984, т. 4, с. 250].

По своему цвету, а также по вкусовым качествам «старка» немного напоминает коньяк. Поэтому можно предположить, что Булгаков, выбрав именно это слово, хотел подчеркнуть, что его персонаж, администратор Варьете, со страху пил уже что попало и где попало, в том числе и «старку», которую можно пить без закуски.

Последний пример генерализации, заключающейся в замене имени собственного с определённой коннотацией именем нарицательным, обозначающим родовое понятие, представляет особый интерес, так как имеет совершенно иные культурологические основания.

В биографическом романе «Жизнь господина де Мольера» описывается как шла кочевая жизнь бродячих комедиантов.

«В 1647 году комедианты пришли в город Бордо, провинцию Гиень. Тут на родине прекрасных бордоских вин, солнце впервые улыбнулось отошавшим комедиантам» [Булгаков, 1998, с. 45].

Булгаков употребляет для характеристики района словосочетание «родина бордоских вин». «Бордоские вина» — разновидность красного вина, производимого во Франции в районе города Бордо. В сознании русского читателя устойчивой связи между названием города, Бордо, и названием сорта вина, видимо, нет. Именно поэтому Булгаков и называет провинцию Гиень «родиной бордоских вин». У французского читателя, напротив, есть устойчивая связь между названием города и названием сорта вина. Поэтому переводчик устраняет избыточность, которая могла бы возникнуть при более точном переводе, и заменяет название сорта вина словом, обозначающим качество вина “sublimes” («великолепный»).

“Sur cette terre aux vins sublimes, le soleil sourit pour la première fois aux comédiens étiques” [Boulgakov, 1972, p. 69].

Таким образом, мы видим, что в трёх разных случаях переводчики заменяют конкретное название более общим. Это вполне соответствует, во-первых, представлениям об абстрактном характере французской лексики по сравнению с русской, и, во-вторых, о том, что генерализация является одним из распространённых переводческих преобразований, когда речь заходит о так называемых реалиях.

В то же время с точки зрения сравнительной культурологии данные преобразования имеют совершенно различные значения и могут быть оценены по-разному. В первых двух случаях ценность перевода как источника знаний о чужой культуре снижается, так как нейтрализуется ряд сем, существенных для понимания особенностей русской культуры того времени. В последнем случае этого не происходит, так как Булгаков описывает французскую действи-

тельность, хорошо знакомую читателям перевода. Для французов значимым окажется не соотношение названия города с названием сорта вина, а отношение автора как представителя иной культуры к этому вину. В словосочетании «прекрасные бордоские вина» наиболее значимым оказывается определение «прекрасный», что и передаёт переводчик словом “sublime”.

Таким образом, передача в переводе имён собственных представляется довольно сложной трансформационной операцией, так как имена собственные не всегда дают возможность полной эквивалентной замены при переводе.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Переводческая ономастика // Теория перевода. Межкультурная коммуникация. Сопоставительная лингвистика: Мат-лы I Международ. науч. конф. (Казань, 21–23 мая 2002 г.). С. 74–89.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004/2007.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001.
- Костикова О.И.* Имя собственное как объект науки о переводе // Перевод и культура: Мат-лы Межрегион. науч. конф. Краснодар, 2008. С. 99–107.
- Костикова О.И.* К вопросу о переводе антропонимов // Межкультурная коммуникация. Типология языков. Теория перевода: Мат-лы II Международ. науч. конф. 2004. С. 150–155.
- Костикова О.И.* Смысл «незначущих» имён: проблемы перевода // Наука о переводе сегодня: перевод и смысл: Мат-лы II Международ. конф. М.: Высшая школа перевода (ф-т) МГУ, 2009.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1960.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
- Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984 (СРЯ).
- Ballard, M.* Le nom propre en traduction. Paris: Orphys, 2001.
- Van Hoof, H.* Les noms de pays, de peuples et de lieux dans le langage imagé // Méta. Montréal, 1999. Vol. 44. N 2.

Источники

- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Минск: Юнацтва, 1988.
- Булгаков М.А.* Собачье сердце. СПб.: Кристалл, 1998.
- Булгаков М.А.* Белая гвардия // Булгаков М.А. Избр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Литература, 1999.
- Булгаков М.А.* Жизнь господина де Мольера. СПб.: Кристалл, 1998.
- Boulgakov, M.* Le Maître et Marguerite: Traduit du Russe par Claude Ligny. Paris, 1997.
- Boulgakov, M.* Coeur de chien: Traduit du Russe par Michel Pétris. Paris, 1996.
- Boulgakov, M.* La garde blanche: Traduit du Russe par Claude Ligny. Paris, 1970.
- Boulgakov, M.* Monsieur de Molière: Traduit du Russe par Paul Kalinine. Paris, 1972.

Э.С.М.-к. Мамедова,

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Бакинского славянского университета; e-mail: e-mamedova@mail.ru

Н.Ч.-к. Эски,

аспирантка кафедры общего и русского языкознания Бакинского славянского университета; e-mail: Nurengiz_Eski_nest@deik.org.tr

ФРЕЙМ МУЖЧИНА/МУЖ — ЖЕНЩИНА/ЖЕНА — ӘР — ARVAD/KADIN НА БАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Фрейм *мужчина/муж — женщина/жена — әр — arvad/kadın* на базе фразеологических единиц русского и тюркских языков. *Мужчина* и *женщина*, *муж* и *жена* в каждой культуре связаны с обществом, его социальными установками и запечатлены в языковом сознании того или иного народа и выражают общенародную мудрость, общепринятые истины. Построение фреймов на базе фразеологических единиц даёт нам представление о том, как отражаются понятия *мужчина/муж* и *женщина/жена* во фразеологии русского и тюркских языков.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, термины родства, мужчина/муж и женщина/жена, русский язык, азербайджанский язык, тюркские языки.

Elmira S.M.-q. Mammadova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of General Linguistics and Russian, Baku Slavic University, Azerbaijan; e-mail: e-mamedova@mail.ru

Nurengiz Ch.-q. Eski,

Postgraduate Student at the Department of General Linguistics and Russian, Baku Slavic University, Azerbaijan; e-mail: Nurengiz Eski nest@deik.org.tr

Frame Male/Husband — Woman/Wife: a Case Study of phraseological units in Russian and Turkish

The frame “male/husband — woman/wife” in phraseological Russian and Turkish is analyzed. *Man* and *woman*, *husband* and *wife* in any culture are intertwined with the society and its social attitudes, inscribed in the linguistic consciousness of the people and express the people’s wisdom and conventional truth. Building frames on the basis of phraseological units gives us an idea of how the concepts “man/husband” and “woman/wife” are reflected in the phraseology of the Russian and the Turkish languages.

Key words: phraseology, phraseological units, kinship terms, man/husband and woman/wife, Russian, Azerbaijani, Turkish.

«Когда говорят, что язык представляет собой кладовую истории народа — его носителя, прежде всего, имеется в виду лексика, которая непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа. Ни фонетика, ни грамматика языка не может показать нам условия жизни народа так полно, как лексика» [Мусаев, 1984, с. 3].

Для большинства языков мира, в том числе для азербайджанского, турецкого и русского, наряду с понятиями *отец/ata*, *мать/ana* центральной категорией родства является понятие *жена/arvad* — *муж/ər*. В турецком и азербайджанском языках термин *arvad* обозначает одновременно *женщину* и *жену*. В турецком языке лексема *arvad* малоупотребительна.

В турецком языке также используются термины *kari*, *koca*, *eş*, которые обозначают *жену* и *мужа*. Термины *kari*, *koca* в азербайджанском и турецком языках не являются тождественными по своим значениям, если в первом языке эти термины имеют значение *старуха*, *старик*, то во-втором — *жена* и *муж*.

Термин родства *eş* употребляется только в турецком языке. Данная лексема имеет в турецком языке два значения: одно из них — *пара*, *партнёр*, а другое — *супруг*, *супруга*, т.е. *супруг*, *супруга* — это *пара*.

Термин родства *kışi* используется в азербайджанском и турецком языках, но не является в этих языках полностью идентичными. Если в азербайджанском языке имеет значение *мужчина* и *муж*, то в турецком — *человек*, *личность*, а также в редких случаях — *муж*: *kışi öz sözüniün ağası olar* — *не давши слово*, *крепись*, а *давши держись*.

Термин *erkek/erkek* функционирует в азербайджанском и турецком языках. В азербайджанском языке эта лексема имеет значение *самец*, *мужчина*, в турецком же — *мужчина* и диалектное — *муж*. Как термин родства он используется только в турецком языке. Совпадают в обоих языках только переносные значения — *мужественный*, *бесстрашный*, *храбрый*, *сильный*, *волевой*.

Исторически, как отмечал Гокалп [Gökalp, 1973, s. 159], в турецкой семье имело место многожёнство. По сведениям Гокалпа, в семье правителей и господ, кроме термина *hatun* — *супруга хана*, употреблялся термин *kıta* — *незаконная жена* правителя. В отличие от законной жены, она не признавалась официально женой, а её дети не могли быть правителями, а также не имели прав на наследство.

В тюркских языках для обозначения *мужа* и *жены* применяются также слова *ağa* и *xanım*: *ağa gətirər/getirir navala/navale xanım tökər/döker çıvala* (досл.: муж приносит месиво, жена размещает по мешкам).

Общеизвестно, что «все мы рождены женщиной». *Женщина/жена* в семье, обществе играет важную роль, поэтому ФЕ отражают почтительное и уважительное отношение к ней, вызванное её благородным статусом: *чего хочет женщина, того хочет Бог* — *kadının isteği Allahın arzusu*; *kadın kalbi merhamet kaynağıdır* — *женщина — источник милосердия*; *evi ev edən arvaddır* — *добрая жена дом бережёт*; *evi ev eden avrat/kadın, yurdu şen eden devlet* (добрая жена

дом сбережёт, а государство — родину); *Sezarin karısı gibi temiz olmak* — жена Цезаря вне подозрения; *ağıllı arvad uyxılı evin dirəyidir* — умная жена всё сбережёт и т.п.

Женщина во всех языка мира — предмет восхищения, уважения. Она в семье — это символ счастья и благополучия. Важная роль женщины/жены обуславливается её функцией в семье как объединяющего начала, создающего уют и благоприятную обстановку. В материале исследования встречаются выражения, восхваляющие её положение в семье: *жена — счастье и достаток семьи — arvad evin bəxti və bərəkəti*; *дом с хорошей женой — ray — kadın erkeğın eşi, evin güneşidir* (досл.: женщина — жена мужа, солнышко в доме); *женщина — украшение дома — arvad/qadın — evin zinnətidir*; *каждая женщина у себя в дому и госпожа, и прислуга — hər qadın evin uiyasıdır, həm qulluqçusudur* и т.п.

Муж и жена рассматриваются в некоторых ФЕ как единые, цельные сущности, тесно связанные друг с другом, и не противопоставляются друг другу: *жена и муж едина плоть* (выражение из Библии); *arvad ərinin tacıdır* — жена мужем красна; *arvad kişinin qanadıdır* — женщина — это крылья мужчины; *ər-arvadın torpağı bir yerdən götürülüb* — муж и жена из одной земли испечены; *муж и жена — одна душа*; *муж и жена — одна сатана*; *quş qanadına arxalanar, arvad — ərinə* — птица крыльями сильна, а жена мужем красна; *arvad — boyundur, ər isə baş, boyun hara dönsə, baş da ora baxacaq* — жена — шея, а муж — голова, куда шея повернётся, туда голова и посмотрит; *əri çalır, arvadı onunayır/əri çalır, arvadı çirtiq vurur* — муж с женой, как рыба с водой; *муж с женой, что мука с водой: сболтаешь, да не разболтаешь*; *bir adamın karısı onun yarısıdır* — жена половинка мужа; *arvad — iyi bir kadın, iyi bir erkeğın eserini göstərir* (хорошая жена — это хорошее произведение искусства мужа — это результат его творчества); *есть что — вместе, чего нет — пополам* и т.п.

Каждому известно, что если муж и жена живут согласно и счастливо, то взаимная привязанность их усиливается с каждым годом и, наконец, достигает такого уровня взаимосвязанности и взаимообусловленности, что они буквально не могут жить друг без друга. Надо, чтоб муж повиновался рассудку, а женщина мужу, тогда будет в семье всё благополучно. А ссоры тех, кто любит друг друга, быстро заканчиваются примирением: *ər-arvadın savaşı — yaz gününün yağışı / karı-kocanın böğüşü yaz gününün yağışı* — семейная ссора, что весенний дождь; посторонним людям не следует вступать в отношения между мужем и женою: *ər-arvad ipəkdir, araya girən köpəkdir* (досл.: муж и жена шёлк, а кто становится между ними — пёс); *ər ilə arvadın arasına girmək* (не следует никому становиться между мужем и женой); о взаимосвязанности мужа и жены: *arvadın isməti — ərinin kadın günah işleyince erkek de suçludur* (если женщина

в чём-то виновата, то виноват в этом и муж); *erkeğin karakteri, karısının yüzünden anlaşılır* (характер мужа познаётся по характеру/лицу жены); *kanunları erkekler yapar, karakteri de kadınlar* (мужчины создают законы, а женщины — характеры); *kadının fendi erkeği fendi* (уловка женщины — уловка мужчины); *kadını yeşil yaprak eden de kocası, kara toprak eden de kocası* (женщина благодаря мужу может цвести и вянуть); *erkeği anlamak istersen kadını tetkik et* (чтобы понять мужчину — следует познать женщину); *iyi kadının kocası süppesinden bellid* (хорошая женщина/хозяйка видна по одеянию мужа); *kadın/avrat var ev yapar, kadın/avrat var ev yıkar* (жена может дом сберечь и разрушить) и т.п.

В русском и азербайджанском языках имеются ФЕ, в которых говорится о многожёнстве: *iki arvadlı kişinin donu yurtıq olar* (у двоеженца одежда бывает дырявой) — *не много, что две, а много, что на одного*; *birinci arvad bəla, ikinci arvad əla; birinci arvad qəm, ikinci arvad — kəm, üçüncü arvad — xətirçəm; birinci arvad acı olur, ikinci arvad — şirin olar, üçüncüsü — qəbrə salar* — *первая жена от Бога, вторая от человека, третья от черта*; *arvad iki olanda ev süpürülməmiş qalar/iki arvadın evi zibilli olar* — *больше баб в семье — больше греха* и т.п.

Если у женщины нет мужа, то это ассоциируется в ФЕ с отсутствием защищённости, опоры, а наличие мужа/жены — с необходимостью: *ərsiz arvad — cilovsuz at; erkeksiz avrat, yularsız at* — *женщина без мужа, что лошадь без узды/недоуздка/поводка*; *varsa eşin rahattır başın, yoksa eşin zordur işin* — *с мужем нужда, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой хоть волком вой*; *bir eve bir bəca, bir kadına bir koca* (каждому дому по дымоходу, каждой женщине по мужу); *otuz oğlun olacağına bir oturak kocan olsun* (вместо тридцати сыновей лучше иметь одного мужа); *erkeksiz ev, yelkənsiz gəmiyə bənzər* (дом без мужа подобен кораблю без парусов); *erkeksiz bir kadın, duvarsız bir bahce gibidir* (жена без мужа, что сад без ограды); *женца без мужа, что без головы; жена без мужа — вдовы хуже*; *baba (evlat, oğul) zindan ekmeği, koca/er ekmeği meydan ekmeği* (хлеб от отца, детей, сына — тюремная пища, от мужа — с базара; *ərin qılınıcı özgəsinin çotağından yaxşidi* (лучше получить от мужа саблей, чем от чужого); *ər ağacı — gül ağacı, var taxsırım — vur ağacı* — *не та счастливая, что у отца, а что у мужа* и т.п.; в них отражена не только зависимость жены от мужа, но и обратное: *arvadsız ev — susuz dəyirman* (дом без жены — это мельница без воды); *kadınsız ev olmaz* (дом без женщины — это не дом); *мужик без бабы пуще малых деток сирота* и т.п.

В некоторых ФЕ даётся совет, что жену не следует выбирать глазами или ушами. Если ты задумал жениться, то следует выяснить, каково вам будет в совместной жизни. Женитьба на недостойной женщине приводит к нехорошим, плачевным результатам: *arvadi*

bəd olanın saqqalı tez ağarır — на немиллой (плохой) жениться — заживо в гроб ложиться; *yaqxı arvad kişini bəu eylər, uatın arvad zay* — от плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь; *zadumal jennitşy — veyr ne tomu, çto glaza vidyat, a tomu, çto uşhi slyşhat* — *aşk, erkeğey gözlerinden girer, kadına kulaklarından* (мужчины любят глазами, а женщины — ушами); *kadın ile erkek arasındaki fark şudur ki, erkek ileriye bakar, kadın hatırlar* (разница между мужчиной и женщиной в том, что мужчина смотрит вперёд, женщина живёт воспоминаниями); *bin erkek aynı yerde yaşuyabilir, ama iki kadın, kardeş de olsalar, asla* (тысячи мужчин в одном месте могут прожить совместно, а две женщины, будучи даже сёстрами, никогда); *tın rafiqa bir qır-saqqız arvaddan yaqxıdır* — *муж жене настыр, а жена мужу пластыр* и т.п.; а также даются советы, как поступать при выборе жены: *pekmezı dipten kadını kökten al* (бекмез бери со дна, а жену — по роду/родовитости); *karını dans salonunda değıl, hasat zamanı tarlada seç* (жену бери не с танцплощадки, а с поля, во время жатвы); *kor arvad nə bişirsə əri də onu ueyər* — *çego жена не любит, того мужу век не едаты* и т.п.

Муж и жена, члены одной семьи, но думают и действуют по-разному. Во многих ФЕ русского языка сопоставляются позитивные действия мужа с негативной деятельностью жены (и наоборот). Как свидетельство несхожести обращается внимание на различия их способов действия и местонахождения: *Адам прельщён женою, а жена змеёю; муж пьёт, а жена горшки бьёт; муж в двери ногою, а жена в окно головою; муж в поле пахать, а жена руками махать; муж пашет, а жена пляшет; муж в дверь, а жена в Тверь; мужик тянет в одну сторону, а баба в другую; жена поёт, а муж волком воет; ты от жены на пядень, а уж она от тебя на сажень; муж за рюмочку, а жена за стаканчик; муж возом не навозит, что жена горшком наносит; *karı kısmı alay bağlar, erkek kısmı sinek avlar* (женщинам — злословить, мужчинам — бездельничать); *utro вечера мудренее, жена мужа удалее; назло мужу сяду в лужу* и т.п.*

В ФЕ русского и турецкого языков имеет место сравнение женщины/жены с животными или предметами домашнего обихода. В них отражается непрочность того, что она создаёт, делает, а также выражается критическое отношение к женским качествам: *arvad paraq deyil başdan başa qouula* — *жена не рукавица и с руки не сбросишь/не стряхнёшь/не скинешь/за пояс не заткнёшь/за забор не кинешь; жена не сапог/лапоть, с ноги не скинешь; kadının biri alâ, ikisi belâdır* — *одна жена — полбеда, две — беда; где две бабы, там сужь/сходка, а где три, там содом; гусь да баба — торг; два гуся, две бабы — ярмарка; где баба, там рынок, где две, там базар — arvad bazarı; женское сердце, что котёл кипит; женское сердце — что ржа в железе; жена не стекло (можно побить); лучше раздразить собаку, не-*

желли бабу; баба — что жаба; kadın ve tencere, eskidikçe iyileşir (женщина, как и посуда, чем старее, тем — лучше); *kadın, iyi bir şarap qibi, tatlı bir zehirdir* (женщина подобно вину — сладкое зелье); в тюркских языках *женщина/жена* сравнивается с арбузом: *arvad almaq qarız almaq kimidir: kəsməsən bilməzsən* — *девка — тёмный погреб: замуж не возьмёшь, девку не узнаешь; kadını ve karpuzu seçtek zordur* (выбрать жену или арбуз — тяжело) и т.п.

Для русского языка традиционным является сравнение *женщины* с *курицей*, а *мужчины* с *петухом*: *курица не птица, баба не человек; не петь курице петухом, не быть бабе мужиком; бывает и курица петухом поёт; курице не петь петухом, а и петь, так на свою голову; bir evde iki horoz olunca sabah güç olur* (когда в доме два петуха, утро — никак не наступит) и т.п.

В русском языке в некоторых ФЕ также наблюдаем противопоставление *кобылы* и *женщины*. Этим противопоставлением выражается презрительное отношение к женщине: *кобыла не лошадь, баба не человек; баба с возу — кобыле легче; не к лицу старой кобыле хвостом вертеть* (естественно, под кобылой здесь имеется в виду женщина).

В турецком языке имеются выражения, в которых *мужчина* уподобляется *льву*: *erkek aslan dişisine bakar da kuvvet alır* (присутствие женщины придаёт мужество мужчине); *поднимать руку на женщину недостойно мужчины: aslan bile kadına dokunmaz* (даже лев не должен дотрагиваться до женщины).

Некоторые ФЕ русского языка с компонентом *жена* имеют отрицательную коннотацию, когда понятие *жена* ассоциируется с понятием *зло*, *опасность*: *злая жена сведёт с ума; всех злыдней злее злая жена; злая жена — злее зла; злая жена — та же змея; лучше жить со змейй, чем со злою женой! добрая жена — веселье, а худая — злое зелье*; в турецком языке: *kadın şerri şeytanın şerrine eşittir* (злу, клевете женщины внимает дьявол); *kadın erkeğin şeytanidir* (женщина — дьявол для мужчины) и т.п.

Представление о языковом, речевом поведении мужчин и женщин имеется у всех народов, но «эти представления живут не только в трудах и умах лингвистов, но свойственны и народному сознанию» [Земская, 1993, с. 90]. Эта проблематика особенно ярко отражается в русских ФЕ (конечно, об этой проблеме говорится и в азербайджанских идиомах, но они единичны: *бабий язык — чёртово помело; бабий язык, куда ни завались, достанет; бьёт языком баба — что шерстобит струной жильной; приехала баба из города, привезла вестей три короба; баба языком метёт, что коклюшками; у баб только суды да ряды; бабья вранья и на свинье не объедешь; с бабой не сговоришься; бабу не переговоришь; женское слово, что клей*

пристанет; arvadın hulqumu olmaz (у женщины нет кадыка: всё разболтает) и т.п.

Женский ум часто противопоставляется мужскому уму: как ум, несоответствующий нормальному человеческому (мужскому). Многие ФЕ отражают ироническое отношение к умственным способностям женщины: *kadının sacı uzun, akli kısa* — у женщины волос — долг, ум — короток; у бабы волос длинный, а ум короткий; бабы умы разоряют дома; мужичий ум говорит: надо, а бабий ум говорит: хочу; у бабы семь пятниц на неделе; *avradın kazdığı kuyardan su çıkmaz* (в колодец, вырытый женщиной, вода не поступит); *avrattan vefa, zehirden şifa* (не жди от жены верности, от яда — исцеления); *kadının şekli melek gibidir, qelbi yılanınki, kafası da eşeğinki* (женская внешность — ангельская, душа — змеиная, ум — ослиный); *kadının bir akli, erkeğin dokuz akli vardı* (если у женщины один ум, то у мужчины девять умов); *kadının söylediği kırkl kelleden sadece bir şeyi tanesine inan* (из сорока суждений, высказанных женщиной, верь, лишь одному) и т.п.

Подобное отношение к умственным способностям женщины позволяет мужчинам сделать вывод, что ни в чём нельзя полагаться на женщину: *kadının aklına uy, fakat her şeyi tersinaye yap* (выслушай совет женщины и сделай всё наоборот); *sana on erkek evlat da doğursa, kadına hiç bir zaman güvenme* (если даже женщина родит тебе десять сыновей, никогда не надейся на неё); *erkeği anlamak istersen kadını tetkik et* (если хочешь понятливую жену, то сделай её трепещущую перед тобой); *arvad mali alcaq qapıdır, bir girəndə alınna deyer, bir çıxanda* (женское добро наподобие двери: как войдёшь, получаешь по лбу, так и при выходе — по лбу); *бабе дорога — от печи до порога; бабе хоть кол на голове теши; у бабы семьдесят две увёртки в день; я думал, идут двое, ан мужик с бабой* и т.п.

В ФЕ русского и тюркских языков отражаются отрицательные черты характера мужчины или женщины, недобрые замыслы, действия их, приводящие к нехорошим результатам: *arvadı bəd olanın saqqalı tez ağarar/avrati bet olanın sakalı tez ağarır* — на немиллой жениться — заживо в гроб ложиться; *arvadın axır hiyləsi aglamaqdır* — женский обычай слезами беде помогать; *жена ублажает — лихое замышляет* (в данной идиоме не говорится о муже, но он имеется в виду); *arvadağız olmak* — держаться за бабью юбку/быть под бабьим/каблуком у жены и т.п.

В ФЕ даются советы поучительно-назидательного характера: *ər od olar, arvad — su/kişi od olanda, arvad su olmalıdır* — муж с огнём, жена с водою; *erkek getirmeyi, kadın yettirmeyi bilmelidir* (мужчина должен приносить в дом, а женщина создавать достаток); *arvadı əri saxlar, pendiri dəri/avrati eri saklar, peyniri deri* — у хорошего мужа и жена хороша; у милостливого мужа жена всегда досужа; *ərinə görə*

bağla başını, qazanına görə qaynat aşını; kocana göre bağla başını, harcına göre pişir aşını (подчиняйся мужу, но хозяйство веди по своему разумению); *qazanına görə qaynat aşını — руби дерево по плечу/по себе; выбирай удилище по лову, а крючок — по рыбе; arvad qohumu şirin olar* (родня жены бывает слаще мужней); *avradı boşayan toriğuna bakmaz* (кто разводится, должен бежать, сломя голову); *kadının hükmettiği evde mutluluk olmaz* (не бывать в доме счастья, где жена властна); *kadını sırdaş eden esrara tellal aramaz* (женщину-друга, любовницу не посвящают в тайны, не делают посредником в тайнах); *sirrini arvadına vermə; sirrini versən arvada ölən günü sal yada — лучше в утлой ладье по морю плыть/ездить, чем жене тайну поверить; kişi o kişidir ki, həyatında arvad ilə bir dəfə də məsləhətləşməyə* (мужчиной является тот, который ни разу не посоветовался с женой); *гляди семью, отколь берёшь жену* и т.п.

В турецком и русском языках имеются прекрасные идиомы о возрасте женщины и мужчины и о внешности.

Известно, что в жизни женщины имеются три периода, связанные с её возрастом: 1) когда она не боится выдать свой возраст; 2) когда она боится выдать свой возраст; 3) когда возраст выдаёт её: *yaşını söyleyen kadın, ya kaybedecek bir şeyi olmayacak kadar gençtir, ya hiç bir şey kazanamayacak kadar yaşlı* (женщина, сообщающая о своём возрасте, или слишком юна, или слишком стара); *erkek, kendini hissettiği kadar yaşlıdır, kadın görüldüğü kadar* (мужчина выглядит настолько — насколько хочет, женщина — насколько выглядит) и т.п.; *anasi yerinde / anasi yerinde kadın / annesi kadar yaşlı kadın — годится ему (мужчине) в матери; не к рожке румяна, не к рукам пироги; с лица не воду пить, умела б пироги печь; не пригожа, да пригодна; красота приглядится, а щипы не прихлебаются; собой красава, да душа трухлява; не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла; о внешности мужчины в русском языке говорится: о мужчине не суди по внешности, а суди по делам; он красным девушкам во сне снится* и т.п.

В русском языке имеется выражение: *ищите женщину*. Оно перешло в русский язык из французского, и поэтому часто употребляется по-французски: *cherchez la femme*, когда хотят сказать, что виновницей какого-либо события, бедствия, преступления оказывается женщина.

Оппозиционный анализ ФЕ с компонентом *мужчина/муж* и *женщина/жена* позволил нам сделать вывод о главном положении мужчины по отношению к женщине.

К. Юнг писал, что архетипы анима (мужской) и анимус (женский) определяют два противоположных начала. Оба эти начала присутствуют в мышлении, психике отдельного человека и зави-

симости от пола происходит попытка бессознательного вытеснения анимы или анимуса [Юнг, 1996].

Исследование ФЕ позволило установить, что архетип *женщина/жена/баба* отражает в основном архетип анимы — мужского видения, мышления о женщине, главенствующее положение мужчины по отношению к женщине/жене.

Женщина/жена в семье, обществе играет важную роль. ФЕ отражают почтительное и уважительное отношение к ней как объединяющего начала, создающего уют и благоприятную обстановку в семье.

Для ФЕ с компонентом *женщина/жена* характерна наряду с положительной характеристикой и отрицательная. Негативные качества женщины/жены подчёркиваются через сравнение с животными (для русского языка традиционным является сравнение *женщины* с *курой*, *мужчины* с *петухом*) или предметами домашнего обихода, также с такими понятиями, как *зло*, *опасность*; она болтлива и любит сплетничать; имеет низкие интеллектуальные способности.

Отрицательная характеристика, как считает В.Н. Телия, связана с особенностью человеческого мышления не отражать действительность, когда все хорошее является нормой. Образ идеальной, хорошей *женщины/жены* не фиксируется в языке, а в языке отражаются отклонения от идеальной, хорошей *женщины/жены* [Телия, 1996, с. 86].

Семья и семейные отношения имеют огромное значение для общества. *Муж и жена* рассматриваются в некоторых ФЕ как единые, целые сущности и не противопоставляются друг другу. С целью сохранения семьи даются советы поучительно-назидательного характера. Отсутствие у женщины мужа ассоциируется с отсутствием защищённости, опоры, поэтому подчёркивается во ФЕ наличие мужа или жены — необходимость.

Между мужчиной и женщиной существуют отличительные черты характера. Эти особенности между мужчиной и женщиной необходимо принять во внимание во всех жизненных условиях, но особенно при женитьбе.

При противопоставлении мужского характера женскому, отмечается в большей степени негативное отношение к женщине как к жене. В некоторых ФЕ русского языка сопоставляются позитивные действия мужа с негативной деятельностью жены (и наоборот). Они — члены одной семьи, но думают и действуют по-разному. Идиомы отражают черты характера мужчины или женщины, недобрые замыслы, действия мужа или жены, приводящие к нехорошим, плачевным результатам.

А. Кирилина в статье «Гендерные стереотипы по данным языка» пишет: «...в группе пословиц, относящихся к родственным отношениям, *женщина* выступает в нескольких социальных ролях:

мать, сестра, дочь, золовка, свекровь, тёща, бабка/бабушка, кума. В.Н. Телия предлагает считать родовым понятием концепт “женщина/баба”, а все остальные концепты, в том числе и семейный статус, — видовыми. На наш взгляд, в картине мира, создаваемой русской паремиологией, присутствуют два неиерархичных по отношению друг к другу концепта женщина/баба” и “мать”» [Кирилина, 1999, с. 161].

Мы солидарны с А. Кирилиной относительно того, что в картине мира, создаваемой фразеологическими единицами *женщина/жена* и *мать*, присутствуют два неподчинённых, разных по отношению друг к другу фрейма.

Список литературы

- Земская Е.А.* Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
- Кирилина А.В.* Гендерные стереотипы по данным языка // Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
- Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1984. 227 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Текст. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Юнг К.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Гос. библиот. Украины для юн-ва, 1996. 384 с.
- Gökalp, Z.* Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Kültür Bakanlığı, 1976. 382 s.

Г.М.-к. Сафаралиева,

аспирантка Бакинского славянского университета;
e-mail: gunelsafaraliyeva@gmail.com

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА (на материале русского и азербайджанского языков)

В данной статье автор рассматривает зооморфную метафору как способ образной характеристики человека на материале русского и азербайджанского языков.

Зообразы, характеризующие человека, отражают менталитет народа, специфику национальных ценностей в представлении и видении картины мира. Наука стремится к постижению *картины мира*, так как с ней связана сущность научного познания как представления о действительности.

Ключевые слова: метафора, зоометафора, зообразы, семантическая классификация, русский язык, азербайджанский язык.

Gunel M.-q. Safaraliyeva,

Postgraduate Student at Baku Slavic University, Azerbaijan; e-mail: gunelsafaraliyeva@gmail.com

Zoomorphic Metaphors as a Way of Figurative Description of Human Beings in Russian and Azerbaijani

In this article, the author examines zoomorphic metaphors as a way of figurative description of human beings in Russian and Azerbaijani. Zoological images characterizing human beings reflect the mentality of the people and country-specific values in terms of a specific world view. Scientists seek to comprehend the world view, as it is associated with the nature of scientific knowledge as a representation of reality.

Key words: metaphor, zoomorphic metaphor, zoological images, semantic classification, Russian, Azerbaijani.

В современной системе лингвистических исследований изучение метафоры является важным и необходимым с позиции когнитивной лингвистики. А.П. Чудинов в своих работах рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, оценки и объяснения мира: «Исследование теории концептуальной метафоры и описание ее конкретных моделей в различных видах дискурса — одно из интенсивно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики. Новая теория метафоры не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных (идущих еще от Аристотеля) учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани, казалось бы, в хорошо известном феномене.

Современная когнитивистика (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живёт, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира» [Чудинов, 2003, с. 11].

Великий философ Аристотель считал: «В метафоре мы имеем дело с изменённым значением, создание метафоры — отнюдь не бесцельная игра в перемещение понятий» [Аристотель, 1935, с. 185].

Мы также, вслед за Аристотелем и А.П. Чудиновым, считаем, что метафора не есть «бесцельная игра в перемещение понятий», а «способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира».

Исследователи по-разному относятся к месту метафоры в языке. Одни языковеды считают, что метафора имеет место лишь в поэтической речи, а другие лингвисты утверждают, что она отражается в нашей обыденной жизни. Вторая постановка вопроса поддерживается многими современными исследователями: «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Сущность метафоры состоит в осмыслении, в переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, 1990, с. 387].

И.Г. Гамидов в работе «Философия грамматики афоризмов и пословиц» пишет о связанности метафор с понятием, что процесс метафоризации предполагает слово и понятие: «О метафоризации нельзя думать как о чем-то случайно привнесённом, не имеющим отношения к инвариантной (понятийной) семантике слова. Следует солидаризироваться с Х. Вайнрихом в трактовке мотивации метафор, которых, как он утверждает, слова без понятия не бывает. Известно, что слова существуют благодаря своим мыслительным инвариантам — понятиям. Если метафора по своей лингвопсихологической сути связана именно с понятием, — а с этим трудно не согласиться, — то отсюда следует, что процесс метафоризации предстаёт феноменом, онтологически особым образом связывающим эти два берега единого русла — слово и понятие. Особенно понятным в этом смысле становится утверждение: “Не только нельзя писать без метафор, без метафор думать нельзя”» [Гамидов, 2001, с. 67].

В лингвистических исследованиях последних лет описываются и выделяются различного рода метафоры. Лингвисты выделяют

ботанические, зооморфные, антропоморфные, географические и другие метафоры. Рассмотрим, к примеру, географические метафоры: *Рим строился не один день; Не сразу Москва строилась; Москва — Третий Рим; В Тулу со своим самоваром не едут; Şamaxı/Aşqabad batan kimi batdı; Soraq-soraq ilə İsfahana gedərlər; Zirəni Gırmana aparmazlar; Bağdadda pişik onu dişdiyib, İstanbulda it döyüb; atı olmayan Həmədanda/Qarabağda piyadadır* и т.п.

«В первых письменных источниках любого народа есть неоднократные упоминания о тех или иных представителях животного мира, метафорические сравнения героев этноса с различными животными. Названия животных часто связаны с народной и мифической символикой. Корни этого явления уходят далеко в глубь веков, когда племена поклонялись изображениям животных-тотемов. В могильниках племён, живших на берегах морей, находят фигурки черепахи, нырка, тюленя или дельфина; племён степей — фигурки змеи; у проживавших в лесных массивах — медведя, оленя или волка, считавшихся предками народа, его божествами. В более поздний период отдельные животные стали олицетворением качеств, которыми человек хотел бы обладать или от которых он стремился избавиться: змея — символ мудрости, но также олицетворение хитрости и коварства; лев — олицетворение силы и благородства; медведь — символ силы и т.п.

Уступая животным в силе, ловкости и скорости, человек мог выжить только за счёт своего интеллектуального преимущества. Ему необходимо было не только самому знать повадки диких животных, но и передавать эти знания последующим поколениям, поэтому лексические единицы, являющиеся названиями представителей фауны, относятся к одним из самых древних и распространённых, и, следовательно, именно в них более всего отражаются воззрения, традиции, обычаи того или иного народа. «Зоонимы являются особыми единицами дискурса и относятся к числу тех его составляющих, национально—культурная обусловленность семантики которых выражена особенно ярко» [Галимова, 2004].

Лингвисты отмечают, что человеку свойственно образно выражать свои мысли, чувства, суждения, действия, так как человек всегда испытывает потребность в образном мышлении. Включение зоонимов и зооморфизмов в состав устойчивых сравнительных оборотов (УСО) и фразеологизмов свидетельствует об этом.

В языке зооморфизмы, выражающие эмоциональную оценку состояния лица, действий человека, манеры его поведения, внешнего облика, могут обозначать следующие понятия: *львица* — женщина светского, аристократического общества с гордым, своенравным характером; полную, неуклюжую женщину — *коровой/інək*; упрямого и глупого человека — *ишаком/еşşək*; человека, вызываю-

шего презрение, негодование своими поступками — *псом/кӧрӕк*; скверного, подлого человека — *собакой/it*; молодого, неопытного в каком-либо деле человека, мальчишку — *щенком/кӱсӱк*; неопытного или дрянного, неблагодарного — *свиньёй/donuz*; хитрого, лживого человека независимо от возраста и пола — *лисица/tӱlkӱ*; женщину (а также мужчину в русском языке), вызывающую отрицательные чувства по причине своего поведения — *сукой/qanɨq*; грубого, низкого, подлого человека — *скотом, скотиной/heyvay* и т.п.

Семантическая классификация зоонимов, по выражаемым ими эмоционально-оценочным характеристикам людей, показала, что их можно разделить на два основных типа: 1) зоонимы, выражающие негативную оценку, характеристику; 2) зоонимы, выражающие позитивную характеристику, оценку.

Зоонимы, выражающие негативную, уничижительную оценку, характеристику человека, составляют большинство среди зоонимических единиц: «Тип регулярного метафорического переноса ЖИВОТНОЕ — ЧЕЛОВЕК играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской (исключения единичны: голубь, орёл, лев и др.)» [Скляревская, 1989, с. 178].

Семантическая классификация зоонимов с пейоративной окраской в русском и азербайджанском языках показала, что животным могут приписываться различные человеческие качества — невоспитанность, неразвитость, грубость, злопамятность, подлость, леность, праздность, безделье, легкомыслие, развратность, хитрость, пройдошество, ловкачество, беспринципность, лживость, угрюмость, грубость, неотесанность, неуклюжесть, медлительность, нерасторопность, неловкость, невнимательность, неповоротливость и т.п.

Различные животные могут быть выразителями одного и того же качества. Так, например, для выражения покорности, зависимости, робости, трусливости используются разные зооморфизмы, что обуславливает совпадений зооморфных значений как в одном и том же языке, так и в разных языках: а) в русском языке: *овца, овечка, заяц, мышка, быдло, свора, стадо, табун* и т.д.; б) азербайджанском языке: *dovsan, qoyun, quzu, sürü* и т.д.

Один и тот же зооморфный образ может развивать несколько метафорических значений. Приведём некоторые из них в русском и азербайджанском языках:

Обезьяна: 1) о человеке, который гримасничает, кривляется, пересмеивает других; 2) об очень некрасивом и уродливом человеке.

Собака: 1) о злом, грубом человеке (разг.); 2) знаток, ловкий в каком-нибудь деле человек (прост.); 3) собачья преданность, привязанность, покорность; 4) собачий нюх: об обострённом чутье.

Çaqqal / Шакал: 1) шельма, хитрюга, пройдоха; 2) подлец.

Öküz/Бык: 1) о человеке с массивным, крупным телом, крепкого телосложения, здоровенном; 2) *перен.* о грубом, тупом, тупоголовом, неотёсанном человеке; тупица, недотёпа.

Устойчивые сравнения, как и зооморфизмы, разделяются на два основных типа: 1) сравнения негативной оценки; 2) сравнения позитивной оценки.

Сравнения с негативной оценкой составляют большинство среди зоонимических УСО. В русском и азербайджанском языках разные образные средства устойчивых сравнительных оборотов с названиями животных отражают:

а) физические качества, возможности: в русском языке — *голодный как лошадь; сильный/выносливый как лошадь; работать как лямовая/рабочая лошадь, как лошадь работать; дышать как загнанная лошадь; силен как медведь; силен/здоров как бык; зоркий как рысь; нюх как у собаки; злой как собака; устал как собака; как щенок дрожать от холода; кусаться как собака; замёрзнуть как собака; умереть как собака; голодный как собака; голодный как волк/как волк голодный; здоров как битюг/битюк и т.д.*; в азербайджанском языке — *ayı kimi güclü; dələ kimi qıvraq; ac qurd kimi; it kimi tutur; it kimi ötüb-keçəni qaran; it kimi yorulmuş/yorulmak; it/köpək kimi üşümək/donmaq; it/körək kimi ölmək; kiçük kimi titrəmək/əsmək; dovşan kimi ürkək/qorxaq; nər kimi; it kimi iy bilir; it kimi bir birini didmək; it kimi boğuşmaq, it kimi bir-birini tutmaq* и т.п.

б) внешний облик: в русском языке — *козлиная борода; толстый как боров; толстый, жирный как свинья; грязный как свинья; неряшливый как свинёнок; слепой как крот; рослая, здоровая как кобыла; мокрый как мышь; лохматый как медведь; неуклюжий, неповоротливый как медведь; грязный как медведь; воловь глаза; воловий взгляд; как мышинный хвостик (косичка); как корове седло идет/пристало; неповоротливый, неуклюжий как лошадь; зубы как у лошади, смотрит как волк на теля; смотреть/глядеть волком* и т.п. б) в азербайджанском языке — *eşşəuə palan yaraşan kimi yaraşır; öküz kimi şiştan; dana kimi şiştan; donuz kimi piyli; mal kimi gözünü döymək* и т.п.;

в) психические качества (черты характера): в русском языке — *упрям как бык; как осёл упрямый/упрямый как осёл; уперся как баран; робкая, безответственная как овца; как овечка кроткий; угрюмый как бирюк; грубый, невоспитанный как медведь; труслив как заяц; ревнивый как собака; зол как тигр; тихий как мышь* и др.; в азербайджанском языке — *quzu kimi sakit/quzu kimi; dovşan kimi qorxaq; qouyını/qouyn kimi qorxaqdır; eşşək kimi tərsdir; keçı kimi tərs; itlə pişik kimi dolanmaq/yola getmətək; tülkü kimi bicdir; keçı kimi tərs; dəvə kimi kinli* (мстительный, злопамятный); *pişik kimi cırtaqlaşmaq* (драться как кошка); *canavar kimi baxmaq* (волком смотреть);

canavar kimi ulamaq (волком выть); *qurd kimi qızgın* (сердитый как волк); *at kimi üzə durmaq* (дерзить как лошадь) и т.п.;

г) интеллект: в русском языке — *как сивый мерин глуп/глуп как сивый мерин, уставиться как баран на новые ворота; хитрый как лиса; неумный как лошадь; неумная как корова; как свинья в апельсинах разбираться/понимать; как стадо баранов/овец* и др.; в азербайджанском языке — *dəvə nalbəndə baxan kimi (baxmaq); tülkü kimi bəcdir; eşşək zəfəranplovun nə olduğunu bilməyən kimi; mal kimi gözüni döymək; mal sürüsü kimi, iki eşşəyin arpasını bölə bilməyən* и т.п.

д) повадки, умения, навыки: в русском языке — *ловкий как обезьяна; напиться как свинья; неряшливый как свинёнок; есть/жрать как свинья; идти как собаке ермолка; держать в ежовых рукавицах; резвая, бойкая как коза; неповоротливый, ленивый как байбак; неповоротливый, неуклюжий как лошадь; ржать как лошадь; есть как лошадь; как сивый мерин врать; затаился как мышь в норе, притих как мышь под метлой; красться, лазить как кошка; бегать, летать как угорелая кошка; бедный как церковная мышь; доить как корову; как кошка живуч; как сидорову козу бить/лупить/драть; влюблён как кошка; играть как кошка с мышкой; как кошка с собакой; биться/сражаться как кошка, набрасывать как волк на кого-то; кусаться как собака* и т.п.; в азербайджанском языке — *it kimi yalan demək; ağı armuddan küsən kimi küsmək* и т.п.

В материале исследования имеются УСО с отрицательной оценкой, которые выражают с экспрессией негативное отношение к чему-либо или кому-либо: неодобрительно-обличительные, иронические, выражающие осудительное отношение к объекту сравнения: *грязен как свинья, любит как собака палку, труслив как заяц, зверем смотреть, надулся как мышь на крупу, ağı armuddan küsən kimi küsmək, ceýran südü* — о водке (обычно о самогоне) и т.п.

УСО могут использоваться в сатирических целях для создания наглядно-экспрессивного образа: *ржать как лошадь; устойчив как корова на льду, говорит, как лошадь хомут тащит, затаился как мышь в норе, притих как мышь под метлой; красться, лазить как кошка; бегать, убегают как крысы с тонущего корабля, летать как угорелая кошка; как щенок дрожать от холода; как черепаха идти/шагать/идти как черепаха* и т.п.; *at kimi qişnəmək; ac qurd kimi gözüni təpir; çoban qouunu qırxaq kimi qırxmaq; it/köpek kimi üşümək/donmaq; küçük kimi titrəmək/əsmək; it/körək kimi ölmək, tısbağa kimi getmək, sürünmək, gəzmək; batan gəmidən qaçan sıçanlar kimi qaçurlar* и т.п.

Семантическая классификация позволила нам констатировать, что метафоры, выраженные зоонимом, в русском и азербайджанском языках обозначают отрицательные качества человека, очень редко положительные.

Семантические группы с положительной оценочностью мало-численны в сопоставляемых языках, например, в русском языке при характеристике храброго, отважного, мужественного человека даются сравнения со следующими зоонимами: *леопардом, пантерой, барсом, львом, львицей*; о человеке, пользующемся большим успехом у женщин и занимающем видное положение в светском обществе, говорят: *лев, львица*; стройность, гибкость сравнивают с *ланью, газелью, джейраном*; сила, здоровье: с *буйволом, медведем, быком*; о резвой, бойкой девочке: *коза*; о верном человеке: *собака*; о способностях: *нюх как у собаки*; об опытном и ценном специалисте: *зубр* и т.д.; в азербайджанском языке о человеке, имеющем внешние физические свойства, привлекательность — стройность, гибкость, красоту, молодость: *ahu, ceýran, taral, ceýran*; о ком-либо отличающемся, поражающей силой, храбростью, смелостью, отважностью: *aslan, bəbir, kəl, qoç, nər, pələng, canavar*; благородность: *конь, верблюд*; об опытном, обладающем житейским опытом, знанием жизни: *əkə, qurd* и т.д.

Сравнения позитивной оценки можно условно разделить на: поэтические сравнения и живописующие сравнения. Поэтические сравнения: *быстрая, трепетная лань; зоркий как рысь; ahu kimi qaçtaq* — убежать как газель, *ahu kimi baxtaq* — смотреть как газель, *ahu gözlər* — красивые глаза, глаза как у газели; *gözləri elə bil ceýran gözüdür* — глаза как у джейрана; *aslan ürəkli adam* — человек с львиным сердцем; *aslan kimi* — сильный, здоровый, крепкий как лев; *aslan ürəyi yeyib* — смелый, отчаянный (о человеке); *pələng cəldliyiylə* — с тигриной ловкостью; *pələng sıçrayışı* — подобно тигрину прыжку и т.п.

Имеются сравнения, при использовании которых перед нашими глазами сразу встает видение этого зообраза: *воет как волк на морозе, драться как лев, храбрый как лев, ловкий как лев, ловкий как барс, ловкий как обезьяна, крутится как белка в колесе, он как кошка всё на ноги падает, at kimi üzə durmaq* — дерзить как лошадь; *pişik kimi cırtaqlaşmaq* — царапаться как кошка, *canavar kimi baxtaq* — волком смотреть, *canavar kimi ulamaq* — волком выть; *qurd/canavar kimi zar-zar aqlamaq, çaqqal kimi ulamaq* — выть как шакал; *dişi çaqqal kimi dişlərini ağırtmaq* — как шакал скалить зубы; *dana kimi böyürmək* — очень громко кричать подобно волу; *canavar sürüsü kimi aqlamaq* — выть как волчья стая; *pişiyə rast gələn sıçan kimi* — быть в ужасе, дрожать от страха, подобно мышке при встрече с кошкой; *gözü qızmış dəvə kimi* (точно взбесившийся верблюд), *küçük kimi titrəmək/əsmək* — дрожать подобно шенку; *təsbağa kimi, sürünə — sürünə, ölü kimi gəzmək* — подобно черепахе медленно ползти и т.п.

Зоообразы, характеризующие человека, представляют большой интерес, так как они отражают менталитет народа, специфику национальных ценностей в представлении и видении картины мира. Наука стремится к постижению *картины мира*, так как с ней связана сущность научного познания как представление о действительности (М. Хайдеггер).

При сопоставлении азербайджанского и русского материала наблюдаются совпадения и несовпадения: 1) в оценочности наименования лиц; 2) в конкретной трактовке тех или иных зообразов, лежащих в основе оценочного наименования лица.

Список литературы

- Аристотель*. Поэтика. Античные теории языка и стиля. М., 1935. 185 с.
- Галимова О.В.* Этнокультурная специфика зоологической лексики, характеристики человека: на материале русского и немецкого языков: Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 309 с.
- Гамидов И.Г.* Философия грамматики афоризмов и пословиц. Баку: Саббах, 2001. 272 с.
- Лакофф Д.* Метафоры, которыми мы живём. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 511 с.
- Скляревская Г.Н.* Языковая метафора как объект лексикологии и лексографии: Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1989. 443 с.
- Чудинов А.П.* Методическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.

Э.К. Харацидис,

доктор наук, Фракийский университет имени Демокрита, г. Комотини (Греция); e-mail: romangr2008@mail.ru

РОССИЯ 30-х ГЛАЗАМИ НИКОСА КАЗАНДЗАКИСА

Мир России Никоса Казандзакиса своеобразен и многогранен. Отражаясь своим многообразием в его творчестве, мир этот представляется читателю то «предметом» глубоких размышлений автора о русском литературном гении, большим поклонником и знатоком которого он был; то «источником» вдохновения уже его гения, оставившего греческому читателю прекрасные произведения, в которых он и создаёт правдивый образ своего русского мира.

Во всех своих произведениях о России Казандзакис выступает прекрасным знатоком страны и его народа, с которыми он связан невидимой нитью. Его преклонение перед Россией переходит в восхищение ею. Он уверен, что рассказав о ней, он эти чувства передаёт и своему читателю.

Ключевые слова: Россия, мир России, своеобразный и многогранный, литературный гений, преклонение, греческий читатель, Никос Казандзакис, знаток страны.

Eleftherios K. Charatsidis,

PhD, Associate Professor at Democritus University of Thrace, Greece; e-mail: romangr2008@mail.ru

Russia of the 1930s through Nikos Kazantzakis's eyes

Nikos Kazantzakis's Russian world is original and multifaceted. This world is presented to the reader as a subject matter of the author's deep reflections on the Russian literary genius, of which he was a great admirer, as well as a source of inspiration for his own genius reflected in his sublime works in which he creates a truthful image of his Russian world. In all his works about Russia, Kazantzakis acts as a person having considerable expertise in the country and its people, with whom he is connected by an invisible string.

Key words: Russia, original and multifaceted, literary genius, worship, Greek readers, Nikos Kazantzakis.

Оставаясь христианином, Казандзакис до конца своих дней почитал Ницше, Будду и Ленина¹.

В.Н. Кузнецова

Ах! Этот Советский Союз! Эта «святая земля Матушка земля», которую с огромной любовью буду воспевать и оставаться ей верным! Помочь ей, сделать её понятной и любимой — вот моя цель. Именно там в России обретёт кровь и плоть новый Божественный миф. Именно оттуда нам будет спасение².

Никос Казандзакис. Тогда-Раб

¹ В качестве эпиграфа к статье взята фраза из статьи «Православный нигилист» магистра богословия, автора современного перевода Нового Завета на русский язык Валентины Николаевны Кузнецовой (Кузнецова В.Н. Православный нигилист // НГ-Религия. 2003. 17 дек. http://religion.ng.ru/style/2003-12-17/8_kanzantzakis.html).

² Здесь и далее переводы отрывков из произведений Никоса Казандзакиса мои. — Э.Х.

Вместо предисловия. Русский мир Никоса Казандзакиса своеобразен и многогранен. Отражаясь своим многообразием в его творчестве, мир этот представляется читателю то предметом глубоких размышлений автора о русском литературном гении, большим поклонником и знатоком которого он был; то источником вдохновения гения самого автора, оставившего греческому читателю прекрасные произведения, в которых он и создаёт правдивый образ *своего* русского мира.

Введение. Имена многих греческих писателей получают известность в России в 60-е гг. XX столетия. До этого греческая литература многими здесь воспринималась как нечто периферийное, вызывающее больше этнографический интерес. В этот период русский читатель получил возможность приобщиться к современной ему греческой литературе, которая вошла в его жизнь прекрасными, полными жизненной энергией произведениями греческих писателей.

В это же время на русский язык переводятся произведения многих греческих писателей. Среди них — один из лучших романов Никоса Казандзакиса «Христа распинают вновь». После выхода в свет романа в русском переводе имя автора обретает новый смысл у литературной общественности России. Однако по сей день имя Н. Казандзакиса остаётся на слуху благодаря снятым по мотивам его романов фильмам «Грек Зорба» и «Последнее искушение Христа». А казалось, автор должен был стать известным более широкому кругу русских читателей благодаря его произведениям о России³, которые, к нашему великому сожалению, на русский язык до сих пор не переведены.

Никос Казандзакис очень любил путешествия, которые его вдохновляли и из которых он выносил огромную массу впечатлений. Из них он черпал необходимую информацию, которую впоследствии использовал в своих прекрасных художественно оформленных книгах-справочниках. В них он предстаёт перед читателем в роли добросовестного экскурсовода, который, взяв его за руку, показывает и рассказывает в подробностях и деталях то, что сам видел и познал, уводя его при этом в свой личный мир чувств и взаимоотношений с увиденными реалиями действительности [Κώστας Ρωμαίος, “Νέα Εστία”, 1977, Т. 102, с. 74.].

С 1925 по 1930-е гг. Никос Казандзакис три раза побывал в России. В общей сложности он прожил в России более двух лет. В пре-

³ В 1928 г. Н. Казандзакис в афинском издательстве «Стохастиς» издаёт два тома «Ταξιδεύοντας Ρουσία» («Путешествие в Руссию»), под названием *Τι είδα στη Ρουσία — από τα ταξίδια μου* («Что я увидел в России»). В 1929 г. он пишет и издаёт на французском языке книгу «Moscou a crüe», которую переиздаёт в 1934 г. под названием “Toda-Raba” в парижском журнале “Le Cahier Bleu”. А в 1937 г. произведение это выходит в испанском переводе. В 1930 г. начинает работать над «Историей русской литературы», которую издаёт в том же году.

дисловию к «Истории русской литературы» он писал: «Прошёл Россию от Минска до Владивостока, от Мурманска до Бухары и до Эмиадзина» [Казандзакис, 2000, с. 7]. За время пребывания в России он изучает историю и культуру страны, увлекается русской литературой и философией. Здесь он становится участником различных политических и культурных событий.

Как и многие его современники, он не остался равнодушным к марксизму. Пребывая в Советском Союзе, он познакомился с Максимом Горьким, а в 1927 г. был среди иностранных гостей на трибуне Мавзолея во время празднования десятилетия Октябрьской революции [Казандзакис, 2001, с. 7–8].

Однако будучи весьма восприимчивым ко лжи и несправедливости, он не был ослеплён коммунистическими идеями и большими переменами, которые происходили в России после революции. Предчувствуя наступление страшных времён террора и гражданской войны, он в 1919–1920 гг. организовал возвращение на родину с незапамятных времён живших на юге России десятков тысяч греков, спасая их от верной гибели⁴.

Русский мир Никоса Казандзакиса. Живя и путешествуя по СССР, он знакомится с выдающимися представителями современной ему русской и советской литературы, встречается с художниками, скульпторами, драматургами, актёрами... Встреча с ними помогает Никосу Казандзакису понять Россию изнутри.

У них он черпает свои знания о России и его главном герое — русском народе, «*вдохновителе многих шедевров русской художественной культуры*» и его самого [там же, с. 5]⁵.

В своих произведениях и статьях он нередко обращается к «великому летописцу древней Руси» Нестору, цитирует Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя, Н.А. Клюева, А. Блока и др. Его мысли о России, о русском народе и его мировосприятии часто перекликаются с идеями Н.А. Бердяева, В.О. Ключевского. В начале первой главы «Истории русской литературы» он пишет: «*Восприятие русской литературы без бескрайних плодородных российских равнин, без бесплодных степей, лесов и великих рек — без земли, на которой она была возвращена, невозможно*» [Казандзакис, 2005, с. 12].

Портрет своей России Казандзакис создаёт постепенно, штрих за штрихом, то уводя читателя в глубь её истории, то возвращая его в окружающую действительность, сопровождая при этом каждую веху русской истории узловыми личностями. Сам он на протяжении всего повествования — самый активный участник происходящих событий. Казандзакис детализирует события, комментирует их,

⁴ Н. Казандзакис был членом специально организованной комиссии при правительстве Ел. Венизелоса. О своей деятельности на юге России, на Кавказе и Закавказье он рассказывает в книге «Отчёт для Эль Греко» (1956).

⁵ Здесь мы имеем в виду вышеуказанные произведения Н. Казандзакиса.

конкретизирует во времени и в пространстве. Это даёт ему возможность создать образ своего русского мира, в определённых географических границах страны, именуемой им «Русией» — «*страны, раскинувшейся на огромном пространстве Евразии, с великой культурой и героическим народом*» [Казандзакис, 2001].

Художественное пространство в понимании Н. Казандзакиса материально, неизменно, вечно. Оно представлено в его сознании и отражено в произведениях неотвлечённой философской категорией. Путешествуя по России, он не только исследует её, но и очерчивает определённые географические границы изучаемого пространства, которое размежёвывает на более мелкие составляющие, наполняя их определённым смыслом, порой просто перечисляя конкретные предметы, расположенные в нём. В таком творческом процессе проявляется философская суть Н. Казандзакиса, который старается найти красоту и гармонию не только в самих предметах, но и в их расположении в пространстве и, конечно же, в человеке и его отношении к окружающему миру.

По мнению Казандзакиса для русского человека не существует естественных границ. Земля для него «подобно морю и пустыне» бескрайна, что вызывает в нём одновременно чувства беспомощности и величия. Россия в глазах её народа — это огромный мир, который в свою очередь и есть огромная Россия, где представители разных народов одинаково чувствуют, думают и действуют [Казандзакис, 2005, с. 12].

В этой неимоверно большой стране живут народы, имеющие, несмотря на различие в этническом происхождении, много общего — одинаковую историческую судьбу, религию, единый язык, «насаждаемый сверху»... Однако все они объединены чувством единой родины, в которую возвращаются когда-то покинувшие по разным причинам её жители: простые и невежественные, богатые и знатные и просто интеллигенты — представители народов, составляющих полиэтническую мозаичную ткань страны: украинцы, армяне, греки, евреи, калмыки, татары, узбеки и казахи. На корабле по пути в Одессу Казандзакис начинает понимать своего спутника, грека, возвращающегося из Греции в Россию, который, увидев вдали проступающий в тумане российский берег, воскликнул «*Матушка Русия (Русь)! Матушка Русия!*». Чувствами и полученными от увиденного впечатлениями автор спешит поделиться с читателем, изображая «родную землю» эмигрантов сначала как «*единую и неясную, расположившуюся совсем низко пепельно-зелёной линией горизонта, всё отчётливее выступающей в сыром воздухе...*», а потом «*ближе к полудню отчётливо виднеющимися зелёными луковцами церквей*» [там же, с. 19].

Писатель в своих произведениях слово «пространство» употребляет редко. Широкозначность лексемы «пространство» Казандза-

кис передаёт различными художественными приёмами и средствами. Таким образом он создаёт видимость пространства в различных его проявлениях — пространства географического, городского, сельского, поля, помещения. Он наполняет каждое из них специфическим содержанием, создаёт ощущение отдельного ограниченного микромира, живущего и связанного тысячами нитями со множеством других подобных микромиров. *«Вот и Украина! С её чудесными рукодельными ковриками и многоцветной керамикой. А вот и Крым! С радующими глаз вышивками на шёлку. В изделиях из металла и кожи ощущается татарский дух. И, наконец, длинноволосые, укутанные в овечьи тулупы, отшельники севера. Они приходят сюда, чтобы выставить на показ свои неповторимые с прекрасной резьбой изделия из дерева и кости»* [Казандзакис, 2003, с. 37].

Смысловое содержание многогранного и своеобразного «русского мира» Никоса Казандзакиса в его творчестве зиждется на отдельных микромирах, в каждом из которых неотделимо рождается, живёт и умирает русский человек... В книге «Тода-Раба», описывая одного из главных героев, он писал: *«Россия на этом африканском острове ещё с детских лет казалась ему мифической страной — многоцветной, покрытой снегом, бесконечной, с золотыми куполами, мужиками с широкими красными поясами, зеленоглазыми женщинами, необузданными танцами, душераздирающими и печальными звуками балалайки»* [Казандзакис, 2005, с. 81].

Казандзакис в своих произведениях о России выступает не просто как сторонний наблюдатель, который, оказавшись в этой стране, описывает её жизнь. Используя противопоставления, он придаёт динамичность описаниям, стремится сделать для своего читателя реальными увиденные им «картины» России.

Первая зарисовка страны статична. Писатель пока ещё не знаком с местностью, куда он едет. Он мобилизует свою фантазию и способность воспринимать и чувствовать. *«Я молчаливо смотрел, воспроизводя в уме необъятные просторы Руси»,* — пишет он, — *«Далеко на севере черные непроходимые лесные чащи: ели, вязы, дубы, бук и липа. А на юге — простирающиеся бескрайние казацкие степи... и курганы, возвышающиеся над ними своими священными склонами, скрывающие в недрах своих останки героев прошлых времён... В Руси есть всё: растительный и животный мир, живущий свободно на просторах русской земли от полюса (северного. — Э.Х.) и до тропиков»* [там же, с. 25]. Такая настроенность автора даёт ему возможность положительно оценить прошлое в творческом переосмыслении фактов и событий, предопределивших настоящее.

Абстрактность восприятия стирается постепенно... Он, как и его герои, живёт в России, сопереживает с коренными жителями всё то, что происходит на стыке эпох. Он старается глубже познать

эмоциональную сферу их жизни, бытовую функциональную установку, разрушаемые эпохой неизменные символы на фоне быстро меняющихся «просторов за окном поезда». Путешествуя в поезде по России, Н. Казандзакис писал: «Я смотрел и смотрел... Взгляд мой охватил голубую глубину дали, похожую на ту, которая возникает в глазах человека при отражении в них бескрайней равнины... Я смотрел и смотрел... Как вдруг, к полудню издали в серо-чёрном небе тускло замаячили круглые золотые купола» [Казандзакис, 2003, с. 391].

Согласно Казандзакису, огромное это пространство, именуемое Россией, является одним из основных факторов, формирующих этнический менталитет и раскрывающих тайны «русской души», на которую «тяжёлым гнётом легли» «необъятные пространства России» [Бердяев, 2004, с. 326].

В этом глубоком процессе познания автор берёт из русской культуры разнообразные понятийные символы, наполняя, таким образом, «бескрайнее пространство», которое в его представлении становится своеобразным всеобъемлющим началом формирования менталитета русского человека.

Чувство восторга преобладает и при описании городов: «Наконец утром приехали в Киев, в древнюю столицу Руси. Издали, сквозь лёгкий туман, заметны были, похожие на сверкающие остроконечные татарские шлемы, золотые купола... Святой тот город кровоточит, как и все старые города», — восклицает Казандзакис. Одним штрихом, на одном дыхании он воссоздаёт историческую картину татарского нашествия и катастрофические последствия, пережитые городом от него. Это и сожжённые церкви, и убитые мужчины, и угнанные в рабство женщины и дети, и монастыри, ставшие убежищем для русской «науки и искусства».

И сразу же, возвращая читателя к действительности, продолжает свою «хронику». При этом меняются краски. «Знаменитый город» постепенно сбрасывает с себя чёрно-красное покрывало... Всё пространство вокруг залито ярким солнечным светом. Оно приобретает человеческий облик. «Облагороженные парки, яркость красок, доброжелательные лица. Это и есть Украина — цветущее лицо Руси» [Казандзакис, 2001, с. 29].

«Русия» Казандзакиса приобретает другие черты с приближением к Москве. При этом писатель использует характерную для русского народа лексику, например: *стень*, *курган*, *кнут*. Часто прибегает к исторической и церковной лексике, которая понятна как ему самому, так и жителям той страны, куда он приехал. Употребляя церковную лексику, Казандзакис придаёт своему приезду в Москву паломнический характер. «Уже приближаемся, подъезжаем к новому Иерусалиму — труженику Бога, в самом сердце новой Земли Обетованной — к Москве», — восклицает он [там же, с. 32]

Иногда главным действующим лицом становится описываемая местность, чтобы на её неизменном фоне со всеми такими же неизменными строениями, символами, жителями и даже птицами, показать всю сложность будничных дней коммунистического времени: *«Извозчики, закутанные в овечьи тулупы сердито бранятся, как будто они всё ещё находятся в безлюдных степях. Ступают они тяжело, словно лошади... Стаи каркающих ворон, перелетающих с дерева на дерево, с крыши на крышу... которые я впервые тысячами увидел в Одессе, порадовали меня... и сейчас, в Москве, я рад видеть их кружение... садящихся прямо на двуглавых орлов, ещё смотрящих с башен советского Кремля...»* [там же, с. 180].

Писатель из пассивного наблюдателя превращается в сочувствующего сторонника людей, увидев и прочувствовав их боль. В этой ситуации детали окружающего мира являют собой реальную возможность сосуществования прошлого с настоящим. А разве могло быть иначе? *«Бескрайние просторы Руси... и народ наш, всё ещё погружённый в незнание и предрассудки»* — говорит в разговоре с писателем русский врач [там же, с. 113]. И здесь же очевидно стремление писателя внести свой вклад в формирование объективного мнения о России в глазах всемирной общественности, для которой: *«...исследование великодушной и плодородной этой страны, не дало столь нужных до сих пор практических результатов»* [там же, с. 110].

Вместо выводов. Во всех свои произведениях о России Казандзакис выступает прекрасным знатоком страны и его народа, с которыми он связан невидимой нитью. Его преклонение перед Россией переходит в восхищение ею. Он уверен, что рассказав о ней он передаст эти чувства и своему читателю. В «Путешествии в Русию» он писал: *«Путешествие подходит к концу. Русия, от покрытой снегом Москвы вплоть до солнечного Батума, сверкала уже в ореоле бессмертия в наших умах, словно мы совершили путешествие от одного края души до другого»* [там же, с. 110].

Список литературы

- Бердяев Н. Смысл творчества. М., 2004.
Казандзакис Н. Путешествуя в Русию (Ταξιδεύοντας Ρουσία). Афины, 2000.
Казандзакис Н. История русской литературы (Ιστορία της Ρώσικης Λογοτεχνίας). Афины, 2001.
Казандзакис Н. Обращение к Греко (Αναφορά στον Γκρεκό). Афины, 2003.
Казандзакис Н. Тода-Раба (Τόντα-Ράμπα). Афины, 2005.
Ρωμαίος Κ. Ο Καζαντζάκης και ο λαϊκός πολιτισμός της Κρήτης (Казандзакис и традиционная культура Крита) // Νέα Εστία. 1977. Т. 102.
Харацидис Э., Димаси М. Образ России в произведении Никоса Казандзакиса «Путешествуя в Россию» // Мат-лы IX Междунар. науч. конф. «Русистика в современную эпоху». Одесса, 2007.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н.Н. Миронова

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО И В ПЕРЕВОДЕ»

В г. Салоники (Греция) 26 апреля — 1 мая 2013 г. состоялась III Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе». Организатор конференции — Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова — член Постоянной международной конференции институтов перевода (CIUTI) — международной неправительственной организации, включающей в свои ряды 40 факультетов и институтов из самых разных стран мира. Традиционно конференция объединила более 80 участников из России и стран ближнего и дальнего зарубежья — Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Украины, Австрии, Болгарии, Греции, Израиля, Испании, Италии, Польши, Сербии, Финляндии. Россия была представлена языковедами и переводоведами Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Екатеринбурга, Иванова, Новосибирска, Томска и др.

Первый день конференции был отдан пленарным докладам. Заявленная тематика касалась нескольких направлений, весьма актуальных и востребованных в среде специалистов по языковой и межъязыковой коммуникации, теоретиков и практиков перевода, преподавателей РКИ —

лингводидактики,
дидактики перевода,
когнитивного переводоведения,
герменевтики перевода,
актуальной лексикографии,
лингвокультурологии.

Н.К. Гарбовский (Россия, Москва) в докладе «Дидактика перевода: традиции и инновации в обучении переводу» осветил вопросы дидактики перевода как отдельной области педагогической науки, изучающей процесс формирования личности, обладающей специальными компетенциями, особыми психическими свойствами,

сознающей свой социальный статус. Он подчеркнул, что необходимость массовой подготовки специалистов в области перевода в новых условиях международной гармонизации образовательных систем направлена на углубление диверсификации требований к результатам переводческой деятельности, стремительного совершенствования новейших информационно-коммуникационных средств, что ставит новые вопросы перед дидактикой перевода и требует нового осмысления традиционных проблем обучения перевода, а также инновационных подходов к формированию переводческих компетенций. О серьёзной озабоченности мировой общественности подготовкой специалистов в области перевода говорит создание Секретариатом ООН особой международной сети, объединяющей лингвистические службы ООН и ряд университетов мира, готовящих переводчиков на основе заключённых меморандумов о взаимопонимании. Наряду со знанием языков от кандидатов требуется знание специальных компьютерных программ (Trados, Multiterm, Idiom, Catalyst, SDLX), навыки быстрого поиска в Интернете, умение работать над проектом в команде.

Доклад «Дидактическая функция оценки перевода» *О.И. Костиковой* (Россия, Москва) был посвящён оценке перевода — одной из самых обсуждаемых в переводческих академических и профессиональных кругах теме. Это связано с необходимостью отбора специалистов высокого уровня, способных обеспечивать межъязыковую коммуникацию в международных организациях, крупных компаниях, с одной стороны, и с интенсификацией подготовки переводчиков — с другой. Перед современной дидактикой перевода стоят новые задачи разработки такой системы оценки профессиональной компетентности, которая сочетала бы в себе и основы педагогической науки и запросов профессионального сообщества. Определяя дидактику перевода как «совокупность теорий, методов и приёмов, используемых в обучении переводу», авторы многоязычного глоссария терминов перевода выделяют четыре составляющих ее предмета — образовательные программы, содержание занятий, процесс обучения и способы оценки... Компетентностный подход при обучении переводу даёт студенту возможность мобилизовать свои знания и умения, помогает ему активировать свои личностные качества, правильно оценить находящиеся в его распоряжении внутренние и внешние ресурсы для осуществления эффективной деятельности в ситуации перевода [Хуторской, 2002].

Э.Н. Мишкuroв (Россия, Москва) представил доклад «Полемиические заметки о ролевых играх в триаде “Автор — переводчик — читатель” в герменевтической парадигме перевода». Позиция автора основана на точке зрения о двух аспектах переводческой деятельности: 1) о восприятии, т.е. о понимании оригинального текста,

что и составляет герменевтический аспект перевода, и 2) о воспроизведении, т.е. о порождении текста перевода, представляющее собой трансформационный аспект перевода. Восприятие оригинального речевого произведения несвободно от ошибок, причина которых либо в недостаточном владении языком оригинала, либо в недостаточности когнитивного опыта. Герменевтический аспект как в науке о переводе, так и в дидактике перевода оказался менее разработанным, по сравнению с трансформационным других переводов. Анализ некоторых переводов, выполненных в последние годы, показывает, что немалая доля переводческих предательств происходит именно в силу неполного или искажённого понимания оригинального текста.

М. Маршалек (Польша) в докладе «Лицевая сторона ковра или изнанка: проблемы передачи фразеологического образа при переводе паремий В.П. Астафьева на польский язык» рассмотрел лингвокультурологические параметры возможности и невозможности передачи образной лексики русского языка на польский.

Н.Н. Миронова посвятила свой доклад «Когнитивные аспекты перевода художественной литературы» когнитивному анализу художественного текста в рамках литературного переводоведения. Был определён круг вопросов современной когнитологии и её методов для проведения предпереводческой интерпретации текста исходной культуры и текста принимающей культуры. Представлены виды концептов, которые полностью или частично не совпадают в различных литературных и лингвокультурологических традициях. Основной компетенцией переводчика художественного произведения автор считает поэтическую компетенцию.

В докладе польской коллеги *М. Моцаж* «Закадровый перевод и субтитры — из опыта обучения кинопереводу» были определены профессиональные компетенции техники закадрового перевода и субтитров. Под понятием «компетенция» автор понимает «достижение следующих компонентов: знаний, умений и навыков, благодаря которым переводчик в состоянии выполнить профессиональный перевод». В кинопереводе самыми важными компетенциями, составляющими общую переводческую компетенцию, являются: 1) языковая (исходная, здесь важны широкие знания иностранного и родного языков), 2) культурная, 3) интерсемиотическая (умение использовать отношения между образом и словом для правильного выбора стратегии адаптации или экзотизации), 4) техническая (главным образом, в рамках редактирования переводного текста), 5) социальная (умение переводчика сотрудничать с диктором во время подготовки закадрового перевода).

А.А. Харитонов (Россия, Санкт-Петербург) в докладе «Словарь русской ментальности: от идеи к воплощению» изложил концепцию

словаря и историю его создания. Были приведены высказывания русских философов, труды которых легли в основу концепции, проанализированы словарные статьи.

С.А. Хавроница (Россия, Москва) вступила с докладом «Нормы русского словопорядка в лингводидактическом аспекте». Было показано, что лингводидактическое описание порядка слов опирается на современную лингвистику, в частности на коммуникативный синтаксис, центральной частью которого является учение об актуальном членении предложения. Именно актуальное членение — главный фактор, определяющий последовательность расположения слов в предложении.

Секционные доклады тематически распределились следующим образом.

Направление I: Русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации;

Направление II: Теория, история и методология перевода;

Направление III: Культурно-антропологические аспекты межъязыковой коммуникации.

К началу работы конференции вышел сборник «Русский язык в современном мире: Материалы III Международной научной конференции». М.: Высшая школа перевода МГУ, 2013. 896 с. (на электронном носителе; ISBN 978-5-91366-623-9). Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации. Материалы сборника будут несомненно полезны преподавателям перевода и РКИ, аспирантам, студентам, переводчикам.

Список литературы

- Хуторской А.В.* Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журн. «Эйдос». 2002. <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.
Педагогический дискуссионный клуб «Компетенция и компетентность: сколько их у российского школьника» / Портал Аудиториум.ру, 2002.
- Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределённость в современной поэтике / Пер. с итал. СПб.: Симпозиум, 2006. 411 с.
- Delisle, J., Lee-Jahnke, H., Cormier, M.* (Eds.) Terminologie de la traduction. English, French, German and Spanish. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 1999.
- Fougnier, R.A.* Etude de l'effort cognitive du traducteur lié à la reformulation de metaphors // La Théorie Interprétative de la Traduction. II. Convergences et mises en perspectives. Paris-Caen: Lettres modernes Minard, 2005. P. 265–295.

- Garbovskiy, N., Kostikova, O.* Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm // *Méta*, Montréal: Les presses de l'Université de Montréal, 2012. Vol. 57, N 1. P. 48–66.
- Thelen, M.* Quality Management for Translation. // *CIUTI-Forum 2008: Enhancing Translation Quality: Ways, Means, Methods*. Bern: Peter Lang, 2009. P. 195–212.
- Nord, Ch.* Testanalyse und Übersetzen. Heidelberg: Groos, 1988.
- Kelly, D.* A Handbook for Translator Trainers. A guide to Reflective Practice. Manchester. St. Jerome Publishing, 2005.

**«ЯЗЫКИ ОБЪЕДИНЯЮТ!»
МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ
«ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРЫ. ПЕРЕВОД»**

С 1 по 10 июля 2013 г. в г. Салоники при содействии Генерального консульства Российской Федерации в г. Салоники, Российского центра науки и культуры при Посольстве Российской Федерации в г. Афины, Центра исследования и развития греческой культуры стран Причерноморья, Областной администрации Центральной Македонии, Центра русского языка и культуры «Мирь» (г. Афины), издательства «Златоуст» состоялся международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод».

Организатором форума выступила Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Форуму предшествовала большая подготовительная работа учёных из различных университетов Европы и стран СНГ.

Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод» – первая открытая площадка для широких дискуссий молодых учёных.

Цель международного научно-практического форума – свободный обмен мнениями специалистов по актуальным вопросам межъязыковой и межкультурной коммуникации в глобальном мире.

К участию в научных дискуссиях приглашались как опытные специалисты, ведущие учёные различных отраслей гуманитарных наук, так и молодые исследователи, делающие первые шаги в изучении проблем международного общения, перевода, преподавания русского языка как иностранного.

Форум объединил участников из Австрии, Армении, Беларуси, Греции, Грузии, Казахстана, Латвии и России, всего более 60 человек.

Задачи форума определялись по трем направлениям:

– Русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации;

– Теория, история и методология перевода;

– Культурная антропология и межъязыковая коммуникация.

В ходе дискуссий по первому направлению обсуждались теоретические проблемы обучения русскому языку в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации, традиции и инновации в современных концепциях обучения русскому языку; обобщался опыт создания национально-ориентированных словарей, учебников и учебных пособий; предлагались новые подходы к организации обучения иностранцев русскому языку; представлялись

учебные пособия и программы; исследовались пути повышения мотивации изучения русского языка в современном мире.

Большое внимание в работе форума уделялось проблемам, связанным с теорией, историей и методологией перевода, анализировались лингвостилистические аспекты перевода, обсуждались вопросы взаимодействия культур в художественном переводе.

Состоялся обмен мнениями по проблемам взаимодействия языков и культур, широкий резонанс получили доклады молодых учёных о национальном менталитете народов, о межъязыковой коммуникации и этнографии, а также культурно-этических и социально-психологических аспектах межъязыковой коммуникации.

Выступления молодых учёных предшествовали общеобразовательные лекции ведущих профессоров и доцентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Н.К. Гарбовский, М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова, О.И. Костинова, Г.М. Литвинова, Е.Г. Торсуков) и Санкт-Петербургского государственного университета (И.А. Гончар и И.М. Вознесенская). Таким образом, был сделан очередной шаг на пути реализации программы стратегического партнёрства между МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ в части, касающейся научно-исследовательской деятельности.

Активное участие в форуме приняли также исследователи Фрайбургского университета имени Демокрита (Э.К. Харатсидис).

Большой интерес вызвали доклады молодых учёных из разных стран (М.А. Багдасян, Ж.И. Борман, А.П. Васильева, Е.А. Вашурин, Н.А. Зыринова, А.А. Кондратенко, Н.В. Кулибаба, Е.С. Лаврентьева, Е.П. Литинская, Е.В. Левина, С.Д. Ломидзе, И.О. Макаров, О.А. Полегаева, В.В. Фрольцова, Е.Д. Чугунова, М.А. Шахматова, А.М. Шульженко и др.).

Проведённые дискуссии и широкий обмен мнениями характеризовались актуальностью, открытым выражением мнений, многополярностью суждений.

Участники форума не только обсуждали актуальные проблемы современной науки, но и познакомились с нравами, традициями и обычаями Греции, посещая исторические достопримечательности одной из самых древних цивилизаций мира.

Итоги форума были подведены в ходе работы круглого стола «Языки. Культуры. Перевод: итоги и перспективы».

Форум стал важной вехой в поисках новых возможностей межкультурной коммуникации в глобальном мире.

Отзывы участников форума «Языки. Культуры. Перевод»

«С точки зрения профессиональной деятельности форум был очень полезен. Понравилось то, что под эгидой мероприятия можно было говорить и о переводе, и о межкультурной коммуникации, и о когнитивной лингвистике, и об РКИ. Выступления участников – гостей

форума и лекции организаторов были чрезвычайно информативными, появилось много новых идей, тем для статей, возможностей ведения междисциплинарных исследований. Организаторам огромное спасибо! Прделана большая работа, всё прошло замечательно. Надеемся на продолжение этого замечательного начинания и на дальнейшие интересные форумы и конференции».

Е.А. Ващурина, к.ф.н., Самарский государственный университет

«Благодарю организаторов, лекторов и участников форума за интересное мероприятие и ответственность перед собой и другими. Я увидел, как должна проходить совместная работа опытных экспертов и молодых исследователей. Мне также было особенно интересно принять участие в русскоязычном исследовательском проекте. Это важный и полезный опыт».

Эрик Борман, г. Рига, Латвия

«Большое спасибо организаторам за возможность участия в форуме, который прекрасно сочетал научно-деловое общение и полноценный отдых. Думаю, что Санкт-Петербургский государственный университет мог бы более активно вовлекать своих студентов и молодых преподавателей, поэтому, поддерживая контакты с высшей школой перевода МГУ, мы (преподаватели) могли бы побуждать к участию в Форуме молодых коллег и студентов из Санкт-Петербурга. Буду использовать подаренный диск как прекрасную рекламу. Спасибо!»

И.М. Вознесенская, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«От лица преподавателей вузов Беларуси выражаю искреннюю признательность за великолепную организацию Форума, который дал прекрасную возможность познакомиться с актуальными проблемами современной межкультурной коммуникации. Проблемное поле конференции и предшествующего семинара позволило обменяться научным и методическим опытом в сфере теории и методологии перевода и РКИ. искренние пожелания успехов и творческого вдохновения для организации новых научных встреч».

Ольга Полетаева, г. Минск, Беларусь

«Большое спасибо за организацию и проведение такого уникального мероприятия... Предлагаем провести такие форумы и в других странах, например, в Казахстане. Надеемся на дальнейшее сотрудничество».

Преподаватели Казахского национального университета им. Аль-Фараби

«Я очень рада такой возможности получить приглашение и стать участником этого замечательного форума. Я получила массу положительных эмоций, впечатлений, все лекции были очень интересными, это большой опыт для всех исследователей, молодых учёных. Хочу выразить огромную благодарность всем организаторам, Высшей школе перевода и солнечной греческой земле за тёплый прием. Надеюсь, в будущем мы ещё не раз встретимся на подобных мероприятиях, чтобы поделиться новыми актуальными идеями и для обмена опытом...»

А. Васильева, г. Якутск

«...Мне кажется, это великолепная возможность для аспирантов представить проекты и исследования, над которыми они работают, и получить отзыв, рекомендации и критику более опытных старших коллег, Это поможет не только улучшить будущую научную работу, но и взглянуть на неё под другим углом... На конференции я познакомилась и подружилась с очень интересными людьми, надеюсь, что мы и дальше будем активно обмениваться мнениями и дискутировать... Я очень надеюсь, что проведение форума станет хорошей традицией...»

Фрольцова А.А., Институт переводоведения и подготовки переводчиков, г. Грац, Австрия